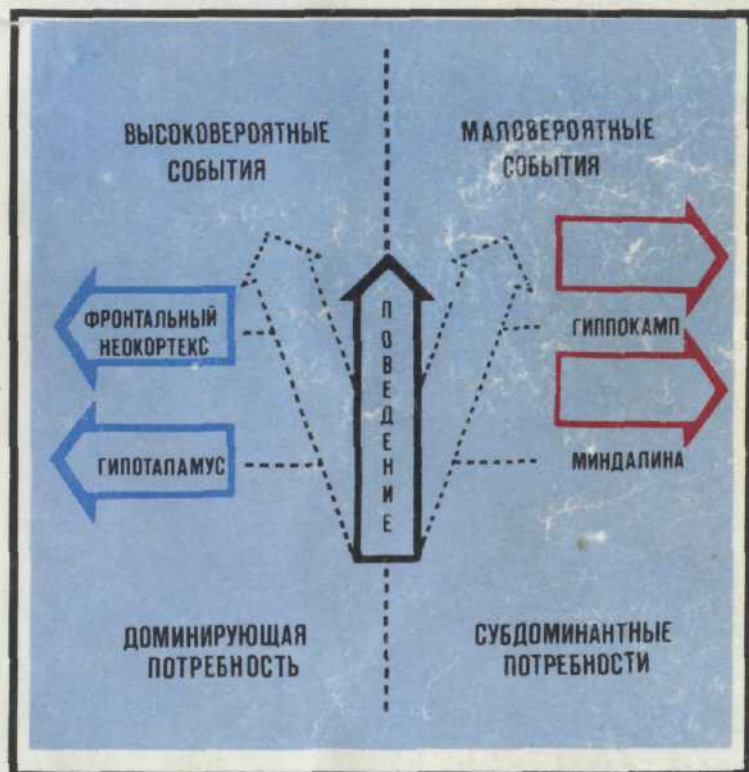

П. В. СИМОНОВ, П. М. ЕРШОВ

ТЕМПЕРАМЕНТ ХАРАКТЕР ЛИЧНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «От молекулы до организма»

П. В. СИМОНОВ, П. М. ЕРШОВ

ТЕМПЕРАМЕНТ
ХАРАКТЕР
ЛИЧНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1984

С 37 **Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность.** М.: Наука, 1984.

Книга члена-корреспондента АН СССР, доктора медицинских наук П. В. Симонова и кандидата искусствоведения П. М. Ершова посвящена популярному изложению естественнонаучных основ индивидуальных особенностей человека в свете учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и достижений современной психофизиологии. В ряде глав использовано творческое наследие К. С. Станиславского, касающееся воссоздания характеров действующих лиц и принципов актерского перевоплощения в индивидуальность изображаемого персонажа. Книга представляет интерес для самого широкого круга читателей — физиологов, психологов, педагогов, работников искусства, для каждого, кто в своей практической деятельности связан с вопросами воспитания, подбора, профессиональной ориентации людей.

20.7

Ответственный редактор
доктор медицинских наук
М. Г. АЙРАПЕТЯНЦ

2007000000-067

042 (02)-84

304 - 84 - I

© Издательство «Наука», 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Индивидуальность человека, ее естественнонаучные основы, социальная природа и проявления в повседневной жизни представляют интерес, в сущности, для каждого, кто так или иначе вовлечен в работу с людьми. Проблема индивидуальности живо интересует и руководителя производственного коллектива, и педагога-воспитателя, и врача-психоневролога. Кратко говоря, она интересует нас всех. Что же касается индивидуальности как объекта изучения, как предмета анализа, то в наибольшей мере ею занимается наука о высшей нервной деятельности человека, дифференциальная психология и ... искусство, в особенности художественная литература, драматургия, искусство театра. Последнее обстоятельство и определило творческое содружество авторов этой книги, один из которых является психофизиологом, а второй — деятелем искусства.

Доктор медицинских наук, профессор П. В. Симонов на протяжении последних двух десятилетий систематически исследует закономерности и механизмы эмоциональных реакций человека и высших животных. К проблеме индивидуальных различий он подходит с позиций сформулированной им потребностино-информационной теории организации поведения. Кандидат искусствоведения, режиссер и театральная педагог П. М. Ершов творчески развивает теоретическое наследие К. С. Станиславского. Таким образом, предлагаемая вниманию читателей книга дважды междисциплинарна — и по характеру своего содержания, и по обращению к самой широкой читательской аудитории.

Известно, что взаимный интерес и стремление к личным контактам возникло между творцом учения о типах высшей нервной деятельности (темпераментах, характерах) И. П. Павловым и создателем «метода физических действий» К. С. Станиславским¹. К сожалению, смерть

¹ Симонов П. В. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

И. П. Павлова оборвала намечавшееся в то время содружество. Книга П. В. Симонова и П. М. Ершова как бы продолжает интереснейшую тенденцию, возникшую полвека тому назад в истории отечественной культуры.

Новизна подхода к проблеме и чрезвычайная сложность самой проблемы неизбежно делают ряд положений книги достаточно дискуссионными. Впрочем, авторы книги и не претендуют на исчерпывающее решение затрагиваемых ими вопросов, они скорее ставят эти вопросы, подлежащие дальнейшей теоретической и экспериментальной разработке. Вот почему хотелось бы, чтобы над книгой П. В. Симонова и П. М. Ершова задумались представители самых различных областей теории и практики, исходя из своих собственных профессиональных интересов.

*Доктор медицинских наук
М. Г. Айрапетяни*

ВВЕДЕНИЕ

Мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху.

К. Маркс*

«Темперамент», «характер», «личность» — в этих понятиях исходно содержится сложная внутренняя диалектика. Мы используем их для определения человеческой индивидуальности — того, что отличает данного человека от всех остальных, что делает его уникальным. Вместе с тем мы заранее предполагаем в этой уникальности черты, общие с другими людьми, иначе всякая классификация, да и само употребление перечисленных понятий, потеряла бы смысл. Какие же именно черты, стороны, качества, особенности человека отражает каждое из этих понятий? Слова «темперамент», «характер», «личность» употребляются нами постоянно и повсеместно, они нужны и свою роль выполняют. В повседневном общении в каждое из них вкладывается достаточно определенный смысл и с их помощью достигается взаимопонимание.

Человеку свойственно желание знать самого себя и знать других или конкретного другого. Знать другого, чтобы знать себя, или знать себя, чтобы знать другого? Вероятно, здесь присутствует и первое, и второе. Вечная жажда самопознания подтверждается фактом существования художественной литературы. Именно она и только она, в большей степени, чем другие искусства, дает вам звание души другого. Но в искусстве эти знания выражены метафорически, они непереводимы на язык понятий и именно потому достигают своей цели, свидетельствуя о неповторимом своеобразии каждого человека, образа художественной литературы, о чрезвычайной ценности этой неповторимости. В ней жизненная достоверность самой жизни — ее движения, ее богатства, ее неисчерпаемости.

Описательные определения понятий «темперамент», «характер», «личность» можно найти в любом энциклопедическом или толковом словаре.

* Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 23, с. 623.

Темперамент — «характеристика индивида со стороны динамических особенностей его психической деятельности, т. е. темпа, ритма, интенсивности отдельных психических процессов и состояний. В структуре темперамента можно выделить три главных компонента: общую активность индивида, его двигательные проявления и эмоциональность»¹. Ну, а характер?

Характер — «целостный и устойчивый индивидуальный склад душевной жизни человека, ее тип, «нрав» человека, проявляющийся в отдельных актах и состояниях его психической жизни, а также в его манерах, привычках, складе ума и свойственном человеку круге эмоциональной жизни. Характер человека выступает в качестве основы его поведения. . .»². В первый момент кажется, что определения темперамента и характера практически совпадают, хотя появилось и нечто новое: склад ума, манеры, привычки. Однако в своей повседневной житейской практике мы вряд ли спутаем темперамент человека с его характером. Именно характер, а не темперамент мы назовем сильным, слабым, твердым, мягким, тяжелым, плохим, настойчивым, труднопереносимым и т. д. Определений, пригодных для описания темперамента, в языке гораздо меньше: бурный, неукротимый, вялый... Пожалуй, удобнее всего по-прежнему пользоваться терминологией древних греков, подразделяя человечество на холериков, меланхоликов, сангвиников и флегматиков. Интуитивно ощущаемое различие, несовпадение темперамента и характера подсказывает, что в основе этого различия лежат какие-то существенно разные проявления индивидуальности.

В темпераменте преимущественно выражается *отношение* человека к происходящим вокруг него событиям. Датский художник Х. Бидstrup в серии юмористических рисунков изобразил реакцию четырех субъектов на одно и то же происшествие: незнакомый прохожий нечаянно сел на шляпу отдохавшего на скамейке господина. В результате холерик пришел в ярость, меланхолик страшно огорчился, сангвиник — рассмеялся, а флегматик невозмутимо надел шляпу себе на голову.

Характеры выявляются в *действии* — активном, целеустремленном, нерешительном, покорно-подражательном и т. д. Общее же между ними состоит в том, что ни

¹ БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 25, с. 415.

² Там же, 1978, т. 28, с. 193.

темперамент, ни характер ничего не говорят нам о социальной ценности данного человека: обладающий отвратительным характером холерик может преследовать возвышенные цели, а мягкий и уступчивый сангвиник оказывается отъявленным негодяем.

Социальные качества человека обнаруживаются в его личности, поскольку личность — «устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности»³. Личность включает в себя и темперамент, и характер человека, но не ограничивается ими, поскольку личность — «ядро, интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические процессы индивида и сообщающее его поведению необходимую последовательность и устойчивость»⁴. Хотя понятие «личность» занимает самое высокое положение в иерархии терминов, характеризующих индивидуальность, наш словарь для описания личности поразительно беден: крупная, яркая, выдающаяся, бесцветная, мелкая, серая, — дальше подобного рода определений мы не идем. Сколь бы ни были спорны попытки классификации темпераментов и характеров, но они существуют, причем некоторые из них живут на протяжении тысячелетий. *Классификации личностей нет вообще.* Нельзя же считать подобной классификацией выражения типа «личность подростка», «личность преступника» и т. д.

Впрочем, классифицировать можно по-разному. Прежде всего, чисто описательно, наблюдая сходные черты в поведении, реакциях, поступках, эмоциях различных представителей человеческого рода. Но истинная классификация начинается только тогда, когда обнаруживается некоторый принцип (ключ, правило, закон), предопределяющий именно такую систематизацию наблюдаемых явлений. Так, периодическая система химических элементов покоится на открытии периодического закона нарастания атомного веса этих элементов. И вся история попыток классификации индивидуальностей есть, в сущности, история поисков классифицирующего принципа.

Античные авторы полагали, что психический склад человека, индивидуальные особенности его поведения определяются соотношением четырех жидкостных сред организма: крови, желчи, черной желчи и лимфы.

³ Там же, 1973, т. 14, с. 578.

⁴ Там же, с. 579.

Греческие названия этих жидкостей дали имя классифицируемым темпераментам. Эмпирическая классификация темпераментов осталась, а версия об ее основе оказалась ложной. Философ И. Кант придавал главенствующее значение индивидуальным особенностям крови, а русский физиолог П. Ф. Лесгафт — свойствам кровеносных сосудов. Немецкий психиатр Э. Кречмер и американский ученый У. Шелдон считали, что психический склад индивидуума определяется его телосложением, его общей телесной конституцией. Не следует думать, что такого рода представления были сплошным заблуждением. Тщательные исследования показывают, что в процессе длительной эволюции некоторые черты строения тела высших организмов оказались «сцеплены» с особенностями строения и функций нервной системы, которые сказываются на особенностях поведения⁵. Но в данном случае речь идет о связях очень косвенных, отдаленных, лишенных предсказующей силы в отношении сложных форм поведения субъекта. Вот почему поистине революционным моментом в истории изучения естественнонаучных основ индивидуальных различий явилось учение Ивана Петровича Павлова о типах нервной системы человека и животных. Поскольку высшая нервная (психическая) деятельность, определяющая внешне реализуемое поведение, есть функция головного мозга, именно в тонких деталях деятельности мозга следует, по мысли Павлова, искать причину индивидуальных различий психики и поведения.

В подходе Павлова к этой проблеме можно выделить три уровня анализа, разработанных самим Павловым далеко не в одинаковой мере.

Во-первых, это, если можно так выразиться, *микрорезультат*, т. е. свойства процессов возбуждения и торможения нервных клеток — их сила, уравновешенность и подвижность. Результаты экспериментов с условными рефлексам и многолетние наблюдения за поведением собак привели Павлова к мысли о том, что типы нервной системы, аналогичные темпераментам античных авторов, являются общими для человека и высших млекопитающих животных. В классификации Павлова холерику соответствует сильный возбудимый неуравновешенный тип, а меланхолику — слабый. Сангвиник — сильный равно-

⁵ Подробнее об этом см.: Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.

вешенный подвижный тип по Павлову, а флегматик — сильный уравновешенный инертный. Со свойственной ему наблюдательностью Павлов отметил характерные черты эмоциональности, присущей каждому из основных типов. По мнению Павлова, сильный неуравновешенный тип склонен к ярости, слабый — к страху, для сангвиника характерно преобладание положительных эмоций, а флегматик вообще не обнаруживает сколько-нибудь бурных эмоциональных реакций на окружающее. Павлов писал: «Возбудимый тип в его высшем проявлении — это большей частью животные агрессивного характера. .. Крайний тормозимый тип — это то, что называется трусливое животное»⁶.

Основывая свою классификацию на свойствах возбуждения и торможения, Павлов не ограничился этим уровнем. Он проникательно понимал, что путь от элементарных нервных процессов к внешне реализуемому поведению лежит через взаимодействие *макроструктур* — различных функционально специализированных отделов головного мозга. Считая крайние типы — сильный неуравновешенный и слабый — основными «поставщиками» нервно-психических заболеваний, прежде всего невротозов, Павлов подчеркивал, что для истерии весьма характерна эмотивность, «а эмотивность есть преобладание ... функций подкорковых центров при ослабленном контроле коры ... истерический субъект живет в большей или меньшей степени не рассудочной, а эмоциональной жизнью, управляется не его корковой деятельностью, а подкорковой»⁷. Выделив «специально человеческие типы художников и мыслителей» с преобладанием первой (образно-конкретной) или второй (речевой, абстрактно-обобщенной) сигнальной системы действительности, Павлов видел в основе классификации опять-таки особенности функционирования мозговых макроструктур. У «художников, — писал Павлов, — деятельность больших полушарий, протекая во всей массе, затрагивает всего меньше лобные их доли и сосредоточивается главнейшим образом в остальных отделах; у мыслителей, наоборот, — преимущественно в первых»⁸. Заметим, что сегодня мы,

⁶ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973, с. 321.

⁷ Там же, с. 323, 406.

⁸ Там же, с. 411.

по-видимому, предпочтем рассматривать павловские «специально человеческие» типы как результат функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, где «художественному типу» будет соответствовать относительное преобладание правого (неречевого) полушария. Открытие специфических функций правого и левого полушарий головного мозга явилось подлинным триумфом идеи Павлова о «художественном» и «мыслительном» типах как полюсах, между которыми располагается все многообразие промежуточных форм высшей нервной деятельности человека.

Анализ индивидуальных различий на макроуровне взаимодействия мозговых структур подвергся дальнейшей разработке главным образом в трудах советских (В. М. Теплов, В. Д. Небылицын) и английских (Г. Айзенк, Дж. Грей) исследователей. Теплов и Небылицын пришли к обоснованному выводу о том, что следует говорить скорее не о типах, а о свойствах нервной системы, комбинация которых характеризует ту или иную индивидуальность. Особое значение при этом имеют так называемые общие свойства нервной системы, среди которых В. Д. Небылицын выделил активность и эмоциональность. Он полагал, что в основе активности лежат индивидуальные особенности взаимодействия возбуждающей ретикулярной формации мозгового ствола и передних (лобных) отделов новой коры, в то время как эмоциональность определяется индивидуальными особенностями взаимодействия лобных отделов коры с образованиями лимбической системы мозга (структуры, регулирующие сферу мотиваций и эмоций). По мнению Г. Айзенка, индивидуальные особенности взаимодействия восходящей (активирующей) ретикулярной формации с лобной корой определяют вариации силы или слабости нервной системы по Павлову, а также параметр экстра- или интровертированности (о нем мы подробнее расскажем ниже). К этой системе мозговых образований Дж. Грей добавил гиппокамп и внутреннюю часть так называемой перегородки.

В подходе Павлова к проблеме индивидуальных различий, помимо микроуровня (особенности процессов возбуждения и торможения нервных клеток) и макроуровня взаимодействия различных отделов головного мозга, мы находим третий уровень анализа высшей нервной (психической) деятельности — как деятельности *мозга в целом*, обогащенной индивидуально приобретенным опытом,

аккумулятивным в системе прижизненно возникающих условнорефлекторных связей. Благодаря второй (речевой) сигнальной системе субъект присваивает и опыт предшествующих поколений, достижения культурной эволюции человечества. Именно на этом уровне целостной деятельности мозга Павлов рассматривает темперамент и характер как составляющие индивидуально неповторимой личности. «Личность человека, — писал И. П. Павлов, — определяется как биологической наследственностью, так и средой. Сила нервной системы (темперамент) — прирожденное свойство, характер (форма поведения) во многом состоит из приобретенных привычек»⁹.

Важно понять, что физиологическая организация мозга, индивидуальные особенности его функционирования и содержательная сторона психики, формирующаяся в результате социального воспитания, — не абсолютно самостоятельные категории. Выводить содержательную сторону психики из наследственных задатков столь же нелепо, как отрицать роль этих задатков в особенностях усвоения субъектом социального опыта. Прямолинейный детерминизм здесь заранее обречен. Иное дело, если мы перейдем на позиции вероятностного детерминизма, признавая, что один и тот же социальный опыт, предлагаемый окружающей средой, будет усваиваться различно в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта. Эту диалектику общего и сугубо личного ярко описал академик Д. К. Беляев: «...нет специальных генов, например, гуманизма или альтруизма или генов антисоциального поведения. Но есть генетически детерминированные свойства психики, сочетание которых, преломляясь через определенные социальные условия, способствует формированию либо человека с высоким чувством совести, испытывающего отвращение не только к преступной деятельности, но и к карьеризму и стяжательству, либо же человека, который плохо понимает, что такое совесть, со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁰.

Противоречие между частным, индивидуально неповторимым в личности и тем общим, что делает личность предметом научного анализа, снимается заменой классифицирования (группировки) людей определением *параметров* их индивидуальности. Именно на этот путь

⁹ Физиол. журн., 1954, т. 40, № 5, с. 618.

¹⁰ Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека. — Вопр. философии, 1981, № 3, с. 5,

встали В. М. Теплов и В. Д. Небылицын, перейдя от «типов нервной системы» к изучению «свойств нервной системы». Но параметры не могут быть выбраны произвольно, они должны соответствовать наиболее существенным компонентам внутренней структуры личности, характеризовать и по возможности измерять наиболее существенные ее черты.

Те параметры, о которых в дальнейшем пойдет речь, подсказаны нашим общим потребностно-информационным подходом к высшей нервной (психической) деятельности человека. Суть этого подхода, экспериментальные доказательства его правомерности и продуктивности многократно излагались на протяжении последних двух десятилетий одним из авторов (П. В. Симоновым). Эти многочисленные публикации делают излишним повторное описание деталей наших теоретических и экспериментальных исследований. Мы можем ограничиться лишь напоминанием тех основных положений, которые легли в основу нашего подхода к проблеме индивидуальных различий.

Прежде чем перейти к изложению этого подхода, подчеркнем, что умение видеть, понимать, знать индивидуально неповторимые особенности конкретного человека имеет исключительное значение для целого ряда профессий. Отсутствие такого умения в деятельности руководителя-администратора, педагога, врача, юриста резко снижает продуктивность его профессиональных усилий. Впрочем, можно ли упрекать практиков в том, что еще не открыто, не установлено, не сформулировано самой наукой?

Мы повседневно встречаем специалистов (администраторов, педагогов, врачей, юристов и т. д.), которые обладают умением тонко фиксировать индивидуальные особенности психического склада окружающих людей и с успехом применяют это умение в своей практической деятельности. Мы справедливо называем их талантливыми, поскольку их работа напоминает искусство. В работе с людьми элементы искусства останутся, по-видимому, всегда — это определяется самой уникальностью, неповторимостью человеческой личности; и все же с каждым новым шагом науки о человеке вероятность дефектов в процессе воспитательной, управленческой, медицинской к т. п. практики будет неуклонно снижаться, а ее эффективность — возрастать. Нужно ли говорить о том, какой это мощный стимул для исследовательской мысли!

В ПОИСКАХ ПАРАМЕТРОВ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Первые понятия, с которых начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены к самому меньшему числу. Тогда только они могут служить прочным и достаточным основанием учения.

*Н. И. Лобачевский**

Отказ от взгляда на мышление человека, как на первоисточник и движущую силу его деятельности, признание потребностей исходной причиной человеческих поступков представляет начало подлинно научного объяснения целенаправленного поведения людей. По словам Энгельса, «люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами, в особенности со времени гибели античного мира»¹. Вопрос о том, как именно и в какой мере люди осознают движущие ими потребности, мы рассмотрим ниже, а сейчас нам важно напомнить, что «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности»². Мы полагаем, что эти принципиальнейшие утверждения основоположников марксизма далеко не в полной мере учитываются комплексом наук, занятых исследованием человека. Но прежде, чем двинуться дальше, попробуем уточнить, что такое «потребность».

Потребность есть специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем в окружающем мире. Сохранение и развитие человека — проявления этой силы, возможные лишь потому, что в мире существуют предметы его влечений «как не зависящие от него *предметы*; но эти предметы суть предметы его *потребностей*; существенные для

* Лобачевский Н. И. О началах геометрии. — Наука и жизнь, 1976, № 5, с. 39.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 493.

² Там же, т. 3, с. 245.

проявления и утверждения его сущностных сил *предметы*»³. Соответственно поведение мы определим как такую форму жизнедеятельности, которая может изменить вероятность и продолжительность контакта с внешним объектом, способным удовлетворить имеющуюся у организма потребность.

Трансформация потребности во внешне реализуемое поведение проходит ряд ступеней «опредмечивания», т. е. *мотивации*. Трансформация потребностей есть, в сущности, главный предмет их изучения. В ней — путь (иногда длинный и сложный, иногда до примитивности очевидный) от исходной потребности до ближайшей конкретной мотивировки сиюминутного поступка или даже простейшего действия.

Выше уже упоминалось о том, что, если даже человек точно знает, чего он хочет, он не всегда уверенно ответит на вопрос, почему он этого хочет. Конец пути ясен, прост, очевиден; о начале только догадки, предположения. Между тем конец в значительной мере зависит от начала. В какой степени он предreshен началом? Что еще, помимо начала, и в какой мере определяет конец? Во что, в какую мотивацию трансформировалась у данного человека данная потребность? А если при ясном конце, итоге трансформации, начало ее неясно, то что тогда считать этим началом? Его поиски ведут к попыткам классификации потребностей — тех начал, из которых рождается поведение человека вплоть до простейшего, ближайшего поступка.

Далее, оказалось, что различные потребности (и по происхождению, и по ступеням трансформации — «опредмечивания», конкретизации) не только бывают постоянно взаимосвязаны, но выступают нередко столь слитно, что практически являются одной, единой потребностью — итогом разных, далеких одно от другого начал. Поэтому классификация конкретных потребностей представляется задачей безнадежной. Психолог К. Обуховский⁴ насчитал более сотни существующих (предложенных в разное время разными авторами) классификаций. Их число, мы полагаем, может служить подтверждением бесплодности подобных попыток.

В основе мотивации лежит физиологический механизм

³ Там же, т. 42, с. 163.

⁴ Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972.

активирования хранящихся в памяти следов (энграмм) тех внешних объектов, которые способны удовлетворить имеющуюся у организма потребность, и следов тех действий, которые способны привести к ее удовлетворению. Не существует мотивации без потребности, но вполне возможно встретить потребность, не ставшую мотивацией. Так, человек может испытывать острейшую потребность в витаминах и не быть мотивированным к их получению, поскольку он не знает о причине своего состояния. Собака, лишенная коры больших полушарий головного мозга, под влиянием голода (потребности в пище) приходит в состояние сильнейшего двигательного возбуждения. Тем не менее говорить о пищевой мотивации здесь нельзя, поскольку собака не прикасается к пище, лежащей у нее под ногами. Своим оперативным вмешательством мы нарушили у собаки те мозговые структуры, которые необходимы для «опредмечивания» возникшей у нее потребности. В результате потребность не трансформировалась в конкретный мотив.

На основе врожденного и, главным образом, ранее приобретенного индивидуального опыта происходит прогнозирование не только предмета удовлетворения потребности (что необходимо получить?), но и вероятности (возможности) получения или избегания жизненно важного фактора, если последний вреден, нежелателен для организма. Эту оценку субъект производит, сопоставляя информацию о средствах (знаниях, навыках, энергетических ресурсах, времени и т. д.), *предположительно необходимых* для удовлетворения данной потребности в данных обстоятельствах, с наличной, вновь поступившей или поступающей информацией о средствах, которыми он реально располагает. Подобная оценка может происходить как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне, а ее интегральным результатом явится *эмоция* — отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности ее удовлетворения в данный момент. Низкая вероятность удовлетворения потребности ведет к возникновению отрицательных эмоций, которые субъект строится минимизировать, т. е. ослабить, прервать, предотвратить. Возрастание вероятности удовлетворения по сравнению с ранее имевшимся прогнозом порождает положительные эмоции, активно максимизируемые субъектом с целью их усиления, продлевания, повторения. Таковы основные положения «информационной теории эмо-

дней», предложенной одним из нас (П. В. Симоновым) в 1964 г.

Нетрудно видеть, что информационная теория охватывает и отражательно-оценочную и регуляторные функции эмоций. Соотнося события внешнего мира с потребностями организма, эмоции оценивают значение этих событий для субъекта, ибо значимо только то, что может либо способствовать, либо препятствовать удовлетворению потребностей. Эмоции оказываются универсальной *мерой* значимости, своеобразной «валютой мозга». Вспомним, что и в сфере экономики цена представляет собой весьма динамическую величину, зависящую от соотношения спроса (потребности) и предложения, т. е. возможности эту потребность удовлетворить. Категория цены возникает только в случае обмена, сравнения объектов, подлежащих оценке. Точно так же роль эмоций отнюдь не сводится к простому сигнализированию полезного или вредного. Эмоции дают возможность выяснить, что и в какой мере представляется наиболее важным для организма, требует первоочередного удовлетворения.

Многообразные регуляторные функции эмоций обусловлены их отражательно-оценочной функцией, вытекают из нее. Минимизация отрицательных эмоций и максимизация положительных организуют поведение в системе координат «потребность — возможность ее удовлетворения». Дело в том, что разные, часто противоречащие одна другой потребности, трансформируясь в конкретные поступки, конкурируют друг с другом не сами по себе, но с участием порождаемых ими эмоций, т. е. с учетом той или иной перспективы (прогноза) их удовлетворения. Так, например, в ситуации боя потребность самосохранения и социально детерминированная потребность следовать определенным этическим нормам поведения переживается субъектом как борьба между эмоцией страха и чувством долга, чувством стыда при мысли, что «я могу покинуть доверенный мне пост». За борьбой «чувств» страха и долга скрывается и в ней обнаруживается столкновение двух противоположных тенденций, противоположных, путей трансформации разных потребностей. Какая из них победит? Та, которая вызовет более сильную эмоцию!

Говоря о зависимости эмоций не только от величины и силы потребности, но и от вероятности ее удовлетворения, следует помнить, что вероятность достижения цели в огромной, подчас решающей степени зависит от *действий*

самого субъекта, его преинформированности, от того, в какой мере он вооружен соответствующими знаниями и навыками и в какой мере он способен эти навыки реализовать. Иногда человек очень бурно переживает отрицательную эмоцию, порожденную низкой вероятностью удовлетворения имеющейся у него потребности, и вместе с тем он ничего не предпринимает для изменения сложившейся ситуации. Такие случаи убеждают, что для трансформации мотива необходим (хотя и не всегда!) некий дополнительный механизм, который принято именовать волей. По некоторым своим характеристикам волевые качества субъекта близки к тому параметру, который В. Д. Небылицын обозначил менее определенным на наш взгляд термином «активность». Сам Небылицын категорию воли не рассматривал и к ней не прибегал.

К специальному рассмотрению воли как своеобразной я парадоксальной потребности мы обратимся в дальнейшем. Здесь стоит лишь отметить ее функцию ограничителя силы влияния эмоций. Назначение эмоций — трансформация потребностей по пути наименьшего сопротивления. Эмоции автоматически указывают на все наиболее доступное и на все наименее доступное в данной ситуации применительно ко всем одновременно существующим потребностям субъекта. Поскольку сила эмоции зависит не только от силы каждой из потребностей, но и от возможности их удовлетворения, эмоция направляет человека к наиболее доступному в данных конкретных условиях. Эмоция — традиционный источник соблазнов, вплоть до ведущих к преступлению. Воля, напротив, ориентирует человека на труднодоступное, на требующее преодоления препятствий. Пока мы не касаемся вопроса о социальной ценности эмоций и воли. Ведь, как известно, развитая воля может быть отвратительно злой, а самая непосредственная, «бездумная» эмоция оказывается прекрасной: таковы бесчисленные подвиги самопожертвования.

Выше мы упоминали о том, что оценка вероятности (возможности) удовлетворения потребности происходит как вполне осознанно, так и на уровне, не получающем отражения в сознании. Иногда эмоция возникает в результате всестороннего и вполне рационального анализа ситуации — вплоть до парадоксальных случаев, когда такой анализ ведет к нежелательным последствиям. Антуан де Сент-Экзюпери пишет о летчике, потерпевшем аварию в горах: «... начиная со второго дня, больше всего уходило сил

на то, чтобы не думать. . положение было уж очень безнадежным, чтобы иметь мужество идти, надо было поменьше размышлять о своем положении»⁵. Однако весьма часто эмоция оказывается как бы непосредственным откликом на изменение обстановки, и работа мозга по анализу этой обстановки ускользает от сознания, — тем более, что такой анализ осуществляется чрезвычайно быстро. Канадский ученый Д. Хебб убедительно показал, что страх — это отнюдь не реакция на угрозу, но эмоциональная реакция на степень защищенности субъекта от нависшей над ним угрозы. Казалось бы, не все ли равно: опасность, от которой я защищен, перестает быть опасностью. Тем не менее стремительно разворачивающаяся (хотя и неосознаваемая) оценка защищенности требует дополнительных операций, включающих и учет совершенства навыков, и время, необходимое для соответствующих действий, и степень усталости субъекта и многое другое. Быстрота подобной оценки объясняется богатством ранее накопленного опыта, высокой автоматизацией необходимых действий, детали которых давно уже перестали контролироваться сознанием. Вот почему, встретив опасность, мы как бы «сразу» чувствуем страх, поскольку подготовка и оформление этого страха осуществлены мозгом на уровне *подсознания*.

Вместе с тем имеется и другая разновидность эмоций, формирующихся также вне контроля сознания, но существенно отличных от только что описанных. Мы имеем в виду те трудно определяемые словами «предчувствия», которые возникают в процессе творческой деятельности и связаны с представлением об интуиции. У человека, занятого решением какой-либо трудной задачи, вдруг появляется радостное ощущение близости этого решения или, напротив, отрицательное чувство отдаления, ухода от желанной цели. Ни в первом, ни во втором случае человек не может объяснить, почему у него возникло это эмоционально окрашенное состояние. Тем не менее оно побуждает субъекта остановиться, прекратить дальнейшие поиски и попытаться сознательно разобраться в том, соответствует или не соответствует эмоциональная оценка ситуации реальному положению вещей.

По-видимому, в данном случае также имело место изменение — возрастание или уменьшение — вероятности достижения цели, следствием чего и явилась эмоциональ-

⁵ Сент-Экзюпери Л. Планета людей. М., 1957, с. 104.

ная реакция, хотя оценка вероятности произошла на неосознаваемом уровне. Механизм формирования этой эмоции существенно отличается от случая с «мгновенной» эмоцией страха. Там оценка угрозы базировалась на врожденном или приобретенном, но отработанном до автоматизма опыте, на готовых «образцах» действий с учетом их эффективности, обнаружившейся в прошлом. Что же касается творческой деятельности, то здесь возникший вариант решения (гипотеза, догадка) еще только подлежит сопоставлению с действительностью с целью проверки его правильности или ошибочности. В первом случае вмешательство сознания излишне, оно бы только затруднило и замедлило процесс оценки внезапно сложившейся обстановки. Во втором случае вмешательство сознания преждевременно: под давлением накопленного опыта оригинальная догадка может быть с ходу отвергнута как нелепая, противоречащая всему, что было известно ранее. Вот почему неосознаваемую стадию порождения новых гипотез уместнее относить не к подсознанию, а к деятельности какого-то иного механизма. Работу этого механизма в сфере художественного творчества великий режиссер и теоретик сценического искусства К. С. Станиславский предпочел назвать *сверхсознанием*, которое вооружает сознание информацией особого рода. Источником этой информации также служит прошлый опыт субъекта. Но это — следы где-то, когда-то случайно промелькнувших связей, самых отдаленных ассоциаций, не находивших прежде практического или теоретического применения, не вошедших в обиход сознания, не оформленных в понятия, не имеющих названий и, разумеется, практикой не проверенных. Такое вмешательство сверхсознания часто бывает труднообъяснимо, но весьма впечатляюще. Оно сопровождается эмоцией, как правило, ярко положительной. В результате деятельность сверхсознания (интуиция) отождествляется с эмоцией и возникает иллюзия творческих функций самих эмоций, хотя на самом деле они — лишь показатель хода решения творческой задачи.

Будучи тесно связаны друг с другом, потребности, эмоции и механизмы прогнозирования вероятности удовлетворения потребностей представляют относительно самостоятельные феномены высшей нервной (психической) деятельности. Нейрофизиологические сведения показывают, что они имеют свой собственный анатомо-физиологический субстрат, приурочены к различным отделам го-

ловного мозга⁶. Являясь функцией потребностей и вероятности их удовлетворения, эмоции в свою очередь оказывают влияние на силу потребности и механизм прогнозирования. Эмоция не только трансформирует, но и усиливает потребность. Экспериментально показано, что страх боли усиливает чувство боли, понижает болевой порог. С другой стороны, чувство радости, воодушевления, возможное даже при небольшом успехе, усиливает потребность достижения конечной цели. Слишком низкая или слишком высокая вероятность достижения цели, напротив, оказывает на потребность угнетающее влияние. Очень доступное перестает быть желанным, теряет свою привлекательность. Пессимистический прогноз порождает состояние безнадежности.

Механизм прогнозирования возможности удовлетворения потребности в свою очередь испытывает влияние эмоций и потребности. Отрицательная эмоция делает неблагоприятный прогноз еще более пессимистическим, субъективно удлиняет путь к поставленной цели. Положительная эмоция сокращает этот путь, упрощает его, делает цель более достижимой и нередко способствует переоценке реальных достижений («головокружение от успехов»). Что касается трансформации потребности, то ее усиление заставляет субъекта пренебрегать даже низкой вероятностью достижения цели. С другой стороны, сильная потребность склонна преуменьшать возросшую вероятность: при сильной потребности выигрыш кажется не столь уж значительным.

Взаимовлияния механизмов потребностей (мотиваций), эмоций и механизмов прогнозирования достижения цели сказываются на колебаниях того показателя, который психологи называли «уровнем притязаний». Дело в том, что разные люди по-разному измеряют трудность задачи (в условиях, когда они сами регулируют эту трудность) в зависимости от успеха или неудачи очередной попытки. В самом общем виде можно сказать, что при одной и той же силе потребности человек охотнее стремится к цели, когда задача трудна, но решение ее возможно. Это правило идеально совпадает с получением максимума положительных эмоций. Слишком простая задача при хороших знаниях и способностях, равно как и непосильная задача, отрицательно влияет на положительное эмоциональное состояние, называемое удовлетворением

⁶ Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

своей деятельностью. Чрезвычайная сложность феноменологии эмоций заключается в том, что потребности, эмоции и механизмы прогноза, влияя друг на друга, продолжают зависеть от этих, изменяемых ими факторов. Все они — потребность, информация, эмоция, воля, действие — переплетающиеся звенья прямых и обратных связей единого в своей сути процесса трансформации потребности во внешне реализуемое поведение.

Эвристическое значение информационной теории эмоций применительно к проблеме индивидуальных различий можно сформулировать в следующих основных положениях.

1. Если мы признаем, что в основе *любой* эмоции лежит какая-либо актуализированная потребность, то многообразие и богатство человеческих эмоций свидетельствует о чрезвычайном многообразии потребностей человека, отнюдь не сводимых к пище, одежде, жилищу и продолжению рода. Поскольку именно потребности и производные от них трансформации — мотивы, интересы, убеждения, стремления, влечения, желания, ценностные ориентации и т. п. — представляют основу и движущую силу человеческого поведения, его побуждение и цель, эти потребности следует рассматривать как ядро личности, как самую существенную ее характеристику. Любой анализ индивидуальности окажется частным и второстепенным при абстрагировании от сферы потребностей и мотивов, их набора и внутренней иерархии. Характеристика личности начинается с уяснения и анализа ее потребностей.

2. Если эмоции играют столь существенную роль в трансформации потребностей, в организации их взаимодействия, их конкуренции и соподчинения, то важной характеристикой индивидуальных различий окажутся индивидуальные особенности взаимодействия потребностей с механизмами оценки вероятности их удовлетворения. Ниже мы приведем фактические аргументы, свидетельствующие о том, что параметры индивидуальности, получившие отражение в представлениях о темпераменте, теснее всего связаны с системой координат «потребности — вероятность их удовлетворения».

3. Выше мы уже упомянули о том, что, помимо эмоций в конкуренции потребностей (мотивов поведения), в процессах трансформации этих потребностей в действие, в поступок активно участвует механизм, который принято называть волей. Индивидуальные особенности

волевых качеств субъекта лежат в основе характера, проявляющегося во внешне реализуемой деятельности. Однако прежде, чем говорить о волевых параметрах личности, необходимо уточнить, что именно подразумевается под представлением о воле, какова природа этого своеобразного феномена высшей нервной деятельности.

4. Если эмоциям принадлежит столь ответственная роль в формировании конкретного набора и иерархии потребностей (мотивов), а эмоции в свою очередь зависят от вероятности удовлетворения этих потребностей, то открывается возможность целенаправленного воздействия на сферу потребностей и их трансформаций посредством эмоций. С этой целью мы должны вооружать субъекта средствами и способами удовлетворения тех его потребностей, которые представляют наибольшую ценность как для формирования его личности, так и для прогрессивного развития общества в целом.

Эта задача чрезвычайно усложняется тем, что потребности нельзя ни уничтожить, ни насадить: среди них нет «лишних», плохих или вредных. Вредны бывают только определенные трансформации потребностей, и, пожалуй, любая из них может трансформироваться в социально нежелательную. Если в процессе конкуренции мотивов удовлетворение одной потребности будет происходить за счет другой, то неудовлетворенная породит отрицательные эмоции и поиск средств их устранения (сюда, в частности, следует отнести наркоманию). Поэтому забота о формировании гармонической личности требует заботы о вооружении всех естественных потребностей человека, чтобы эти потребности не нарушали цельность личности уродливыми трансформациями отдельных ее сторон.

Рост вооруженности субъекта обеспечивается различными путями. Во-первых, это — его обучение, практическое (а не умозрительное!) овладение опытом, накопленным предшествующими поколениями, усвоение норм (в широком смысле) современной субъекту культуры. Во-вторых, это — поощрение, развитие и культивирование собственного творчества как порождения новой, не существовавшей ранее информации о средствах и способах удовлетворения потребностей. Благодаря творческой деятельности субъекта происходит развитие самих норм, процесс «возвышения потребностей», их расширения и обогащения.

Поощрение творчества есть в сущности развитие сверхсознания, работу которого облегчает обогащенное опытом

подсознание. К сверх- и подсознанию мы еще вернемся для более обстоятельного их рассмотрения, но сейчас уже следует отметить, что от потребности в вооружении зависят трансформации и удовлетворение всех других человеческих потребностей. Наиболее ярко она проявляется в детском возрасте, причем не только у людей, но и у высших животных, и поэтому ее часто упускают из виду, равно как и разнообразие ее трансформаций.

Таковы основные принципы нашего подхода к проблеме индивидуальности. Теоретически определив параметры индивидуальных различий, мы можем теперь перейти к их детальному и систематическому рассмотрению.

МОТИВАЦИОННОЕ ЯДРО ЛИЧНОСТИ

Каждый стоит столько, сколько стоит т.о,
о чем он хлопочет;

Марк Аврелий

Признавая ключевую роль потребностей в поведении человека, мы не располагаем их обоснованной классификацией, традиционно ограничиваясь делением потребностей на материальные и духовные, на естественные (биологические) и культурные (исторические). Для попыток дать их подробное и детальное перечисление характерны произвольность и отсутствие четко сформулированного принципа. Стоит ли удивляться, что каждый автор называет свое число потребностей: у Маслоу их 15, у Мак-Дауголла — 18, у Меррейи Пьерона — 20.

По-видимому, перечисление и классификация *всех* потребностей человека — дело совершенно бесплодное, потому что исходные (первичные) потребности трансформируются в бесконечное множество производных. Психолог Курт Левин назвал их квазипотребностями. Например, биологическая потребность сохранения определенной температуры тела порождает потребность в одежде; та в свою очередь формирует потребность в производстве материалов для изготовления этой одежды, в создании соответствующей технологии, в организации производства и т. д., и т. п. Значит, мы должны ограничиться только теми потребностями, которые не выводимы друг из друга и не заменяют друг друга в том смысле, что любая степень удовлетворенности одной группы потребностей не означает автоматического удовлетворения других. Объяснение Подобной незаменимости мы усматриваем в представле-

ниях В. П. Вернадского об освоении живым окружающего мира, которое включает в себя: 1) физическое заселение путем роста и размножения (место в геосфере); 2) необходимость занимать определенную позицию среди других живых существ своего и чужих видов (место в биосфере, которое на уровне человека становится местом в социосфере); 3) интеллектуальное освоение мира путем присвоения уже имеющихся культурных ценностей и познания неизвестного предшествующим поколениям (место в ноосфере). Соответственно потребности человека можно разделить на три главные исходные группы — на биологические, социальные и идеальные.

Биологические (витальные) потребности призваны обеспечить индивидуальное и видовое существование человека, принадлежащего живой природе на высшей стадии ее развития. Они порождают множество материальных квазипотребностей в пище, одежде, жилище, в технике, необходимой для производства материальных благ, в средствах защиты от вредных воздействий и т. д.

К числу биологических относится и потребность экономии сил, побуждающая человека искать наиболее короткий, легкий и простой путь к достижению своих целей. Потребность в экономии сил близка потребности в вооружении (которую нам предстоит рассмотреть специально); но это две разные потребности, хотя на уровне человека они постоянно дополняют, поддерживают и даже питают одна другую.

Принцип экономии сил лежит в основе изобретательства и совершенствования навыков, но может приобрести и самодовлеющее значение, трансформировавшись в лень. Экономия сил обнаруживается уже у животных: если им предложить два рычага для добывания одной и той же порции пищи, животное предпочтет рычаг, нажим на который требует меньших усилий. Более того, разные животные одного и того же вида (крысы, обезьяны) обладают индивидуально различной склонностью к манипулированию рычагом. Одни из них производят большое число нажатий, в то время как другие предпочитают подбирать пищу, добытую «манипуляторами». Только после удаления всех «манипуляторов» из экспериментальной клетки «потребители» начинают работать с рычагом. Если же оставить в клетке одних «манипуляторов», некоторые из них вскоре становятся «потребителями». В случае прекращения подачи пищи «потребители» очень быстро перестают надавливать на рычаг, а «манипуля-

торы» продолжают пользоваться рычагом сравнительно длительное время, несмотря на отсутствие подкрепления.

Социальные потребности мы выделяем в особую группу, памятуя, что социально детерминированы и все другие побуждения человека. Однако в данном случае речь идет о социальных потребностях в узком и собственном смысле слова. Это потребность принадлежать к социальной группе и занимать в ней определенное место, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви. Попытки свести все многообразие социальных потребностей к «жажде власти» безнадежно устарели. Потребность лидерства — лишь одна из многочисленных разновидностей этой группы мотиваций, причем потребность быть «ведомым» нередко перекрывает по силе и остроте желание быть лидером.

«Занимать место» в социальной среде — это выражение, в сущности, образно-метафорическое. Содержание социальных потребностей состоит в принадлежности к человеческому обществу, а она требует какого-то реального проявления. Сюда и входит, в частности, уважение, привязанность, любовь окружающих, как знаки признания этой принадлежности. Сама же она заключается в связях человека с окружающими людьми взаимными правами и обязанностями. Человеку исходно необходимы эти взаимосвязи с обществом себе подобных, права и обязанности по отношению друг к другу. Двойственность этих сложных взаимосвязей выступает, ощущается, оценивается и функционирует как потребность в справедливости. Она — сущность и основа исходных социальных потребностей человека. «Место в обществе, место в умах других», уважение, любовь и т. д., и т. п. — все это включает в себя представление о справедливости, о том, что должно принадлежать субъекту как должное и признаваемое другими. «Коммунальные страсти часто называют мещанскими. Ерунда! Какие же они мещанские? Пусть порожденные малыми причинами, но сами страсти — высокие, благородные, можно даже сказать: аристократические. Каждый борется не за себя, а за высокую справедливость. . . В нашей квартире все были за справедливость, но каждый понимал ее по-своему. И каждый по-своему был прав. Одно из самых тяжелых убеждений, вынесенных мною из жизни: каждый человек внутри себя прав»¹.

¹ Грекова И. Вдовий пароход. — Новый мир, 1981, № 5, с. 86.

Вероятно, нет двух людей, у которых представления о справедливости по отношению к себе были бы тождественны. Но человеческое общество распалось бы, если бы члены его не находили общности в своих представлениях о справедливости, несмотря на их разнообразие. Эта общность есть. Она проявляется прежде всего в самом признании наличия прав и обязанностей в человеческих взаимоотношениях. Далее неизбежно возникает общность в представлениях о содержании того и другого, хотя тут же обнаруживается и все разнообразие оттенков.

Наиболее значительные расхождения сводятся к соотношению между правами и обязанностями. В их основе лежит взаимодействие двух разновидностей социальных потребностей. Одна ветвь ведет к трансформациям социальных потребностей, настаивающих на своих правах, другая — на выполнении своих обязанностей. Первую разновидность мы условно называем социальными потребностями «для себя», вторую — социальными потребностями «для других». Обе присущи всем людям, но одни из них считают, что в поисках справедливости недостает соблюдения «моих» прав. Другие видят упущение в выполнении «своих» обязанностей. В обоих случаях имеется в виду социальное окружение, более или менее обширное — от соседей по квартире до человечества в целом. Во взаимодействии с этим окружением я либо выполняю свои обязанности, либо настаиваю на своих правах, что зависит от силы моих потребностей «для других» и «для себя». Силы той и другой потребности, контролируются общественно-историческими нормами их удовлетворения. К общественно-историческим нормам нам придется возвращаться еще не раз, поскольку они касаются удовлетворения всех человеческих потребностей, каждого отдельного человека и человечества в целом.

Теперь понятно, почему среди социальных потребностей мы хотим особо выделить потребность следовать нормам, принятым в данном обществе. Это очень важная мотивация, поскольку без соблюдения норм существование социальных систем оказалось бы вообще невозможным. Нормы формируются в результате сложнейшего взаимодействия исторических, экономических, национальных и других факторов, они получают отражение в общественном сознании и закрепляются господствующей идеологией. Но соблюдение этих норм базируется на присущей членам сообщества социальной потребности

следовать поведенческим, нравственным, эстетическим и тому подобным эталонам.

Можно ли считать социальные потребности первичными (исходными) или они представляют квазипотребности, производные от материально-биологических? Мы полагаем, что можно минимум по двум причинам.

Во-первых, они имеют самостоятельную предысторию на дочеловеческих этапах эволюции. Например, у обезьян подход к пище и контакты с самками строго регламентируются положением данного самца в стадной иерархии. Один из эффективнейших способов получения экспериментального невроза с симптомами гипертонии и предынфарктного состояния заключается в том, что «лидера» группы начинают кормить в последнюю очередь, а к его самке подсаживают другого, «подчиненного» самца. Обратите внимание, что дело заключается не в лишении пищи и не в сексуальном голодании: самец-«лидер» получает любое количество самого вкусного корма и может общаться с самками. Нарушен только его зоосоциальный статус, и этого оказывается достаточно для катастрофического нервного срыва. Знаменитое «любовь и голод правят миром» оказывается несправедливым даже по отношению к животным.

Попытка найти в головном мозге «центры» стадного поведения, приурочив их к определенным структурам (например, к древней коре и передним отделам новой коры, как это сделал американский нейрофизиолог П. Мак-Лин), вряд ли правомерны. Вместе с тем в мозге имеются образования, повреждение которых сказывается особенно сильно на зоосоциальном поведении. К их числу относятся лобные и теменные области новой коры, миндалина, перегородка и латеральный гипоталамус. По-видимому, нервные элементы этих отделов мозга, объединяясь под влиянием генетических и средовых факторов в сложные «функциональные органы», как их назвал А. А. Ухтомский, и образуют нейрофизиологическую основу группового поведения. Прижизненному индивидуальному опыту здесь принадлежит особо важная роль. Например, эксперименты показывают, что формирование «лидера» обусловлено не столько его исходными задатками, сколько подчиненным поведением других членов группы.

Обезьяны способны инструментализировать конкуренцию за место в групповой иерархии. В специальной литературе описан случай, когда молодой шимпанзе стал

«лидером», запугивая других членов стада ударами палки по пустой канистре из-под бензина. Как только экспериментаторы отняли у него канистру, в группе восстановились прежние отношения, и бывший «лидер» оказался на сравнительно низкой ступени зоосоциального соподчинения. В свете последних данных науки о групповом поведении животных можно предположить, что в процессе антропогенеза элементы истинной социализации, связанные с изобретением орудий труда, с присвоением его продуктов, наложились на достаточно сложную структуру стадной организации. По мнению Ф. Энгельса, «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны»².

Вторым свидетельством самостоятельного происхождения социальных потребностей служит развитие ребенка. Тщательные наблюдения показали, что актуализируемая в процессе общения потребность, обуславливающая привязанность и боязнь одиночества, не является производной ни от потребности в пище, ни от ранней сексуальности, как предполагал З. Фрейд. Более того, если функции удовлетворения биологических потребностей (кормление, уход, смена пеленок и т. д.) и общение в виде улыбок, «разговора», игры с ребенком разделить между двумя лицами, ребенок больше привязывается к тому человеку, который вступает с ним в контакт. В то же время он остается равнодушным к взрослому, бесстрастно удовлетворяющему его первейшие жизненные нужды.

Незаменимость удовлетворения социальных потребностей красочно описал Паскаль: «Чем бы человек ни обладал на земле — прекрасным здоровьем, любыми благами жизни, он все-таки недоволен, если не пользуется почетом у людей. .. Имея все возможные преимущества, он не чувствует себя удовлетворенным, если не занимает выгодного места в умах... Ничто не может отвлечь его от этой цели...-. Даже презирающие род людской, третирующие людей, как скотов, и те хотят, чтобы люди поклонялись и верили им. ...».

Третью и последнюю группу исходных потребностей составляют *идеальные потребности познания* в самом широком смысле: познания окружающего мира в целом, в его отдельных частностях и своего места в нем, познания смысла и назначения своего существования на земле.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 138.

Без твердого представления, для чего ему жить, писал Ф. М. Достоевский, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы (т. е. материальные блага). Так называемая эстетическая потребность, побуждающая людей создавать произведения искусства и обращаться к ним, безусловно, относится к данной группе.

И снова мы должны подчеркнуть, что потребность познания не является производной от биологических и социальных, хотя, разумеется, вторично связана с ними самым тесным образом. Потребность познания ведет свое происхождение от универсальной потребности в информации, изначально присущей всему живому, наряду с потребностью в притоке вещества и энергии. Удовлетворение любой потребности требует информации о путях и способах достижения цели. Вместе с тем существует потребность в информации как стремление к новому, ранее неизвестному, безотносительно к его прагматическому значению в смысле удовлетворения каких-либо биологических и социальных нужд. Филогенетические предпосылки этой потребности обнаруживаются уже у животных.

Вот один из многочисленных экспериментов, подтверждающих справедливость нашего вывода. В левый рукав лабиринта помещают пищу или воду. В правом нет ничего, кроме постоянно изменяющихся освещения, цвета пола, раскраски стен, рычагов и кнопок, нажим на которые никогда не ведет к появлению пищи и воды. Оказалось, что новизна служит не менее привлекательным стимулом, чем пища. Только очень голодное или жаждущее животное начинает явно предпочитать рукав с кормушкой и поилкой рукаву с «новизной». Опыты с выращиванием животных в «обедненной» (изоляция, неизменная обстановка) и в «обогащенной» (другие особи, предметы для исследования и игры) средах показали, что вес мозга, его строение и химизм существенно различны у этих двух групп животных. Эти эффекты не связаны ни с питанием, ни с двигательной активностью, а зависят исключительно от информационных характеристик внешней среды. В самое последнее время появились данные, в известной мере объясняющие внутренний механизм привлекательности новизны. Было установлено, что новизна повышает содержание в мозгу эндогенных эндорфинов — вырабатываемых мозгом веществ, похвских по своему строению и действию на морфий. Иными словами,

удовольствие от новизны имеет свою химическую основу.

Впрочем, новое и непонятное привлекательно лишь в определенных пределах. Слишком новое пугает, а чрезмерная неопределенность становится тягостной. Таким образом, потребность в информации—это стремление животного не только познакомиться с новым, но и «упорядочить» среду, устранить присущую ей неопределенность.

На уровне человека ориентировочно-исследовательское поведение приобретает качественно новый характер познания окружающей действительности, уяснения правил и закономерностей, которым подчинен окружающий мир. Его загадочность так трудно переносится человеком, что он готов навязать миру мифическое, фантастическое объяснение, лишь бы избавиться от бремени непонимания, даже если это непонимание не грозит человеку какими-либо конкретными бедами: голодом, лишениями, опасностью для жизни. Постигая закономерности окружающего, человек кладет эти законы в основу создаваемых им моделей мира, будь то научные теории или произведения искусства. Художник не только обнаруживает в мире гармонию и открывает ее людям, писал А. Блок, он сам вносит гармонию в мир.

Выделенные нами три группы потребностей инициируют соответствующие виды деятельности, среди которых различаются материальная (производственная) деятельность, социально-политическая и духовная³.

Биологические, социальные и идеальные (познавательные) потребности в свою очередь делятся на две разновидности: на потребности *сохранения и развития*. А. Маслоу и Г. Олпорт называют их потребностями «нужды» и «роста». Эти две разновидности потребностей репрезентируют на уровне индивидуального поведения диалектически противоречивый характер процесса самодвижения живой природы, где развиваться, усложняться и совершенствоваться может лишь то, что способно себя сохранить. Вместе с тем процесс самодвижения не сводится к одной лишь «борьбе за выживание», к уравниванию с окружающей средой, но предполагает освоение этой среды во все расширяющихся пространственно-временных масштабах. Освоение новых сред, все более отдаляющихся от первоначальной среды, в которой обитали предки, в сущности, является одним из главных Критериев прогресса биологической эволюции.

³ Афанасьев В. Человек в управлении обществом. М., 1977

Тенденции сохранения и развития можно обнаружить во всех трех основных группах потребностей человека, но в каждой из групп они обладают своими особенностями. Общее основание для их различия — это отношение к господствующей общественно-исторической норме удовлетворения. Потребности сохранения удовлетворяются в пределах норм; потребности развития превышают норму. Чем больше такое притязание на превышение существующих норм, тем ярче потребность развития. В идеальных потребностях норма — это достигнутое к настоящему времени знание, поэтому, казалось бы, все идеальные потребности суть потребности развития. В действительности все оказывается сложнее. Ученый едва ли заслуживает своего названия, если его потребность познавать ограничена какой бы то ни было существующей нормой. Мир безграничен, и познание его безгранично. В идеальных потребностях нормы — лишь ступеньки бесконечной лестницы.

В группе социальных потребностей картина не менее сложна. Здесь норм столько, сколько существует хотя бы относительно устойчивых структур общественных отношений. Чаще всего субъект стремится улучшить свое общественное положение, в чем проявляется потребность развития «для себя». Потребность развития «для других» требует совершенствования самих норм либо улучшения положения какой-либо социальной группы. Социальная потребность сохранения, как правило, свидетельствует о том, что она занимает подчиненное положение в иерархии потребностей данного субъекта, что она чрезвычайно скромна. Впрочем, социальная потребность сохранения бывает характерна и для тех лиц, которые уже занимают достаточно высокое общественное положение и не расположены его менять.

Основные нормы удовлетворения биологических потребностей хорошо известны современной медицине. Их превышение чаще всего ведет к патологии. Но к биологическим потребностям относится и продолжение рода — размножение и забота о потомстве. Здесь потребность развития проявляется иногда с чрезвычайной силой, со стремлением опрокинуть все существующие нормы. Такова потребность в сохранении, благополучии, развитии и процветании своих близких исключительно вследствие кровного родства. Эта потребность похожа на социальную потребность «для других», но ее природа иная. Социальная потребность «для других» есть потребность в справед-

ливости к другим, она в каждом случае нуждается в разумных логических обоснованиях, сознательной аргументации. Биологическая потребность «для других», как и остальные биологические потребности, ни в обосновании, ни в логике, ни в сознании не нуждается. Родственная связь — вот ее единственное, достаточное и категорическое обоснование. Попытки логических обоснований родственных привязанностей демонстрируют, в сущности, их отсутствие. Социальная биологическая потребность развития «для других» выступает поэтому как семейный эгоизм, в отличие от социальной потребности «для других», которая проявляется в качестве альтруизма.

Именно двойственность потребностей сохранения и развития породила две основные формы эмоций — отрицательные и положительные. Механизм сохранения не нуждается в положительных эмоциях, он может работать за счет одних отрицательных, где само устранение тягостного состояния, например голода, путем удовлетворения соответствующей потребности есть награда для действующего субъекта. Удовольствие, получаемое от пищи, с необходимостью требует ее разнообразия, поиска новых питательных веществ, их новых комбинаций и способов приготовления. Иными словами, даже на элементарном уровне пищевой потребности положительные эмоции играют творчески-поисковую роль, содействуют освоению новых сфер окружающей действительности. Не случайно значение положительных эмоций возрастает по мере перехода ко все более сложным формам мотиваций.

Особая «приращенность» положительных эмоций к потребностям развития давно отмечена народной наблюдательностью в известной поговорке о том, что «охота пуше неволи», т. е. что стремление к награде сильнее стремления избежать наказания. Эксперименты на животных и наблюдения за детьми показали, что наказание за совершение какого-либо действия не исключает возможности его повторного воспроизведения в будущем. Для надежного предотвращения нежелательных действий необходимо, чтобы эти действия утратили свою привлекательность для субъекта, перестали вызывать у него положительные эмоции.

Близость положительных эмоций к потребностям развития объясняется тем, что для их повторного переживания субъект вынужден активно нарушать достигнутое равновесие, искать неудовлетворенную потребность в от полноты информированности идти в неизвестность,

где вновь достигнутое может превысить ранее существовавший прогноз.

Поскольку положительные эмоции отражают влечения человека к тому, чего он еще не достиг, но к чему стремится, они ярче и полнее отрицательных выражают индивидуальность человека — своеобразие его личных качеств, его, если можно так выразиться, «позитивную программу». Одним из ее внешних проявлений служит смех, на природе которого мы специально остановимся позднее.

Преимущественная (не абсолютная) связь потребностей развития с положительными эмоциями, а потребностей сохранения — с отрицательными не исключает вторичного распространения этих эмоций на соседние группы мотивов. Но и в этом случае качество потребности накладывает свой отпечаток на характер эмоционального состояния. Отрицательная эмоция, возникающая при угрозе неудовлетворения потребностей сохранения, переживается как тревога, а неудовлетворенность потребностей развития порождает так называемую фрустрацию. Оба состояния отрицательны, тягостны для субъекта, от обоих он стремится избавиться, но это — разные состояния. В первом случае субъект испытывает ощущение нависшей угрозы, боязнь наказания, во втором — раздражение и тоску, порожденные отсутствием удач.

Нам важно подчеркнуть, что выраженность и соотношение потребностей сохранения или развития индивидуально варьируют у разных людей. Экспериментальные исследования «уровня притязаний», о котором мы говорили выше, позволили выявить две категории людей: тех, кто преимущественно стремится к успеху, рискуя утратить достигнутое им раньше, и тех, кто главным образом страшится неудач.

Идеальная потребность не имеет вариантов «для себя» и «для других». Она удовлетворяется познанием истины, которая по определению одна. Потребность познания удовлетворяют наука и искусство, и их происхождение из общего источника представляется единственным, что их связывает, объединяет, уподобляет друг другу. Проявления бескорыстной любознательности, лежащей в основе науки, бесчисленны и разнообразны, их можно видеть в поведении любого человека от раннего дошкольного возраста до глубокой старости. Но тяготение человека к искусству также сопровождает его всю жизнь. 3 П. В. Симонов, П

Различие сфер науки и искусства яснее всего обнаруживается в истории того и другого. Сфера науки — накопление знаний, поэтому не существует науки «вообще», а существуют конкретные науки (математика, физика, биология) и их число в наше время стремительно множится. Наука определенно тяготеет к количественному анализу познаваемых явлений, что отличает ее от принципиальной «неизмеряемости» искусства, воссоздающего качественную картину целостного в своем единстве мира.

Нам представляется, что родственность науки и искусства, равно как и различия между ними, хорошо выражается сходством и различием смысла русских слов «истина» и «правда». К истине можно лишь постепенно приближаться и невозможно вполне овладеть ею. Правда непосредственно видима, слышима, но непереводаема на язык понятий. Она нужна как свидетельство существования истины, ускользающей от теоретического анализа, как воплощение единства всех явлений мироздания, его стройности. Диалектика объекта и субъекта в познании действительности членит потребность познания на две ветви с акцентом на «истине» или на «правде».

Двойственная природа человека как индивидуума и члена социальной группы (сообщества) лежит в основе деления биологических и социальных потребностей на мотивы «для себя» и «для других». Филогенетическими предпосылками потребности «для других», по-видимому, являются родительский инстинкт, групповая забота о молодняке и способность к так называемому эмоциональному резонансу, т. е. способность реагировать на сигналы эмоционального состояния другого живого существа. Знаменательно, что забота о потомстве коррелирует с уровнем зоосоциальной организации данного вида. Так, гиеновые собаки более социализированные чем гиены, — их группы более постоянны, они легче объединяются при добывании пищи и защите территории. У гиеновых собак молодняк кормят все члены группы, у гиен — только мать. В результате у гиеновых собак выживает 35% молодняка, а у гиен — 5—10%. Иными словами, развитие «альтруизма» (потребности «для других») явилось важным фактором биологической эволюции.

Вместе с тем эта потребность индивидуально варьирует у представителей одного и того же вида. В опытах с обезьянами один рычаг подавал пищу только нажавшей на него особи, второй рычаг одновременно снабжал пищей двух животных. Все исследованные обезьяны

разделились на три группы. Представители первой предпочитали кормить и себя, и партнера. Представители второй — только себя. Поведение обезьян третьей группы зависело от размеров «личного вознаграждения»: они кормили партнера в том случае, если рычаг «для двоих» подавал работающей особи больше пищи, чем рычаг «для одного». Таким образом, даже на уровне животных необходимо различать истинный «альтруизм» от «лично выгодного альтруизма».

Столь же индивидуально вариабельна способность животных избегать действий, причиняющих боль другой особи того же вида. Систематические эксперименты на крысах, собаках и обезьянах показали, что такой способностью обладает примерно треть исследованных животных. Около 50% начинают избегать болевого раздражения другой особи после того, как сами подвергнутся болевому воздействию. Приблизительно 20% остаются нечувствительными к сигналам боли (крик, движения, выделение специфических пахучих веществ и т. д.), даже испытав на себе действие болевого раздражителя.

Среди мозговых образований, сохранность которых особенно важна для «эмоционального резонанса», укажем на центральное серое вещество. После повреждения этого отдела мозга все крысы, ранее хорошо реагировавшие на крик боли партнера, резко ухудшили реакцию избегания. По данным ряда исследователей, центральное серое вещество связано с проведением болевой афферентации и с интеграцией реакций на эмоционально отрицательные (аверсивные) стимулы: звуки, запахи и т. д. Можно предположить, что в процессе эволюции естественный отбор «использовал» для реагирования на сигналы отрицательного эмоционального состояния другой особи те же мозговые механизмы, которые связаны с восприятием аверсивных, в том числе болевых, стимулов, адресованных самому субъекту. Эти данные, полученные в опытах на животных, помогают понять механизм того явления, когда человек, став свидетелем страданий другого, испытывает почти физическое недомогание: сжатие в области сердца, «комочек в горле», тошноту и тому подобные соматические симптомы.

Чувствительность к состоянию другого индивидуально варьирует и у человека. М. Н. Валуева и И. Н. Грызлова регистрировали изменения слуховых порогов и частоты сердцебиений в двух сериях экспериментов, причем в одном случае пропуск звукового сигнала сопровождался не-

приятным электрокожным раздражением запястья руки наблюдателя, а в другом случае — раздражением его партнера по опыту. В опытах участвовали 47 человек. Если судить о степени эмоционального напряжения по частоте сердечных сокращений, то примерно две трети обследованных лиц обнаружили большую степень тревоги в ситуации, когда «наказание» угрожало им самим.

Даже в этих сравнительно элементарных ситуациях выступила чрезвычайная сложность зависимости финальных физиологических сдвигов (изменения порогов восприятия звуковых сигналов, частоты сердцебиений) от всей совокупности личностных факторов, определяющих реакцию субъекта. Так, сравнение результатов измерения порогов с анализом обследованных лиц по вопросу Р. Б. Кетела показало, что субъекты, наиболее восприимчивые к ситуации наказания партнера за допущенные ими ошибки, а) хорошо контролируют свое поведение, б) адекватно ориентируются в среде, в) заботятся о своей репутации, г) неукоснительно выполняют социальные требования, д) обнаруживают высокую степень тревожности и предрасположенности к социально детерминированной фрустрации⁴.

Исходя из этих данных, мы склонны дать свою трактовку опытам Э. А. Костандова, где пороги опознания эмоционально значимых слов у лиц, совершивших противоправные действия, оказались в двух третях случаев выше, а в трети случаев ниже, чем пороги опознания словесных эмоционально нейтральных стимулов⁵. Мы предполагаем, что решающее значение для смещения порога в ту или иную сторону имел характер мотивации, на базе которой возникло эмоциональное напряжение. Преобладание мотивов «для себя», боязни разоблачения и наказания включало механизмы «психологической защиты» с характерным для них повышением порогов восприятия. Если же у субъекта доминировали мотивы тревоги «за других» людей, чувства раскаяния и вины, это сопровождалось обострением чувствительности и понижением порогов. Нередкое сосуществование мотивов первого и второго типов делает вполне возможным колебание порогов в обе стороны у одного и того же субъекта на протяжении одного и того же опыта. Мы полагаем, что

⁴ Нейрофизиологический подход к анализу внутривидового поведения. М.: Наука, 1976.

⁵ Костандов Э. А. Восприятие и эмоции. М.: Медицина, 1977.

в получивших широкую известность опытах С. Милгрэма две трети студентов продолжали усиливать раздражение током партнера несмотря на имитацию этими партнерами «криков боли» не в силу какой-то особой склонности к жестокости, а вследствие характера инструкции, где подчеркивались добровольность опытов, их важность для науки и т. п.⁶ И все же знакомое нам распределение 1:2 заслуживает, чтобы его отметить.

Противопоставление «эгоизма» «альтруизму» требует большой осторожности. Дело в том, что на протяжении миллионов лет эволюции сосуществование этих двух тенденций было совершенно необходимым. Само выживание вида в некоторых экстремальных ситуациях (голод, стихийные бедствия и т. п.) оказывалось подчас возможным только потому, что особи-«эгоисты» сохранялись и давали жизнь следующим поколениям за счет гибели определенной части популяции. «Альтруизм, так же как и его альтернатива — эгоизм и антиальтруизм, в разных условиях жизни нравственно неразвитого общества имели разную адаптивную ценность, но поскольку условия жизни постоянно менялись, то они оказались вовлеченными в сферу группового отбора, а лежащие в их основе генные системы оказались включенными в генофонд человека»⁷.

Абстрактный альтруизм способен обернуться своей диалектической противоположностью. «Жертвенность, тем более затяжная, редко бывает бескорыстной. Она одаривает, но за это обязательно когда-нибудь потребует благодарности. ... почему это никто не замечает, почему не воздают должное?»⁸ «Если человек может любить только других, он вообще неспособен любить»⁹. Совокупность исторических классовых макро- и микросоциальных факторов формирует исторически изменчивую норму удовлетворения потребности «для других», которая усваивается индивидуальным человеком как присущая лично ему *совесть*. По всему происхождению совесть есть память общества, усваиваемая отдельным лицом, утверждал Л. Н. Толстой. «Как принадлежащий к этой общине, как член этого племени, этого народа, этой эпохи, я не обла-

⁶ Milgram S. Obedience to authority. N. Y., 1974.

⁷ Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека. — *Вопр. философии*, 1981, № 3, с. 10—11.

⁸ Гербер А. Без черновиков. — *Юность*, 1971, № 7, с. 84.

⁹ Fromm E. The art of loving. London, 1964, p. 60.

даю в своей совести никаким особенным и уголовным уставом. . . Я упрекаю себя только в том, в чем упрекает меня другой»¹⁰. Однако, будучи усвоена субъектом, социальная по своему происхождению норма обретает новое качество, становясь внутренним регулятором поведения. «Презирать суд людей нетрудно; презирать суд собственный невозможно» (А. С. Пушкин). «Когда никто не увидит и никто не узнает, а я все-таки не сделаю, — вот что такое совесть!» (В. Г. Короленко). На базе потребности «для других» в зависимости от ее удовлетворения или неудовлетворения возникают отрицательные эмоции «угрызения совести» или положительно окрашенное чувство удовлетворения своим поступком «по совести». «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, тем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, — звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (И. Кант). Хорошо упроченным нормам свойственно уходить в подсознание — приобретать черты автоматизма и функционировать без размышлений и доказательств, как нечто само собой разумеющееся. Самые высокие представления идеального порядка обнаруживают себя в поступке, во взаимодействии людей чуть ли не рефлекторно, когда их значение и источник едва осознаются.

Каждый человек наделен всеми тремя группами основных потребностей — биологическими, социальными и идеальными — в их разнообразнейших комбинациях, причем для подавляющего большинства характерно преобладание социальных. Явное преобладание биологических потребностей граничит с патологией. Даже в экстремальных ситуациях люди, как правило, сохраняют над ними социальный контроль. Абсолютное доминирование идеальных потребностей при полном игнорировании биологических и социальных встречается исключительно редко. Поэтому говорить о том, что одни из них «лучше», а другие «хуже», по меньшей мере, ненаучно. Общество оценивает набор и иерархию потребностей, присущих каждой отдельной личности, соотнося их с *нормами удовлетворения* этих потребностей, сложившимися в данной социальной среде. «Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории»¹¹. Конкретное об-

¹⁰ Фейербах Л. Избр. филос. произведения. М., 1955, т. 1, с. 630.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 182.

щество (класс, социальная группа) нормирует и соотношение потребностей друг с другом, размеры удовлетворения каждой из них в зависимости от размеров удовлетворения всех остальных.

Вместе с тем многообразие и изменчивость норм не означают их равноценности перед историей, потому что на каждом ее этапе наибольшую объективную ценность представляют такие нормы и способы удовлетворения потребностей, которые в наибольшей степени содействуют развитию общества в целом, а следовательно, смене норм и развитию составляющих это общество личностей. Вот почему в устных и литературных памятниках почти всех эпох человечество отдавало предпочтение тем из своих сынов, у которых потребности «для других» и тенденции развития, по крайней мере, не уступали потребностям «для себя» и мотивациям самосохранения. Количество такого типа личностей в популяции — величина крайне изменчивая, она колеблется в зависимости от множества условий, но в любом случае на протяжении веков такие личности привлекают симпатии если не современников, то потомков.

Различные потребности характеризуются разным диапазоном удаленности целей, т. е. предельными сроками их удовлетворения. Биологические потребности не могут быть отложены на сколько-нибудь продолжительное время. Удовлетворение социальных потребностей ограничено сроками человеческой жизни. Достижение идеальных целей может быть отнесено и к отдаленному будущему. Я всю жизнь работал над тем, говорил Э. К. Циолковский, что не давало мне ни хлеба, ни силы, потому что был уверен, что в будущем мои работы принесут людям горы хлеба и бездну могущества. Шкала удаленности целей («личных перспектив» — по А. С. Макаренко) получила отражение в обыденном сознании как «размеры души», которая может быть и большой, и мелкой. Мы называем человека *малодушным*, если он отказывается от достижения удаленной цели в пользу ближайшей, продиктованной, как правило, потребностями сохранения своего личного благополучия, социального статуса, общепринятой нормы. *Великодушен* тот, кто, напротив, отклоняет легко достижимую цель (скажем, месть обидчику) ради удовлетворения более высокой потребности, например восстановить у обидчика веру в людей, вызвать у него сожаление о совершенном поступке.

Самый лучший человек тот, говорил Л. Н. Толстой, кто живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека — который живет чужими мыслями и своими чувствами... Из различных сочетаний этих четырех основ, мотивов деятельности — все различие людей¹².

Если перевести эту классификацию на язык потребностей, то лучшим вариантом окажется социальная потребность «для других» в сочетании с потребностью познания, свободной от побочных влияний и не довольствующейся механически усвоенной нормой. Самый худший — эгоистически ориентирован на себя, а свои суждения подчиняет не объективной истине, но заимствованным и утилитарно выгодным для него взглядам. Заметьте, что Толстой говорит о наличии «четырех основ», из которых складывается «все различие людей». Иными словами, он выделяет не типы, а параметры их оценки, систему координат, совпадающую с координатами четырех вариантов потребностей — «мотивов деятельности». «Одно из величайших заблуждений при суждениях о человеке в том, — писал Толстой, — что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текущее вещество. .. Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором было ясно высказать текучесть человека, то, что он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо»¹³.

Для того чтобы потребность трансформировалась в действие, в поступок, недостаточно самого факта ее актуализации. Потребность должна быть вооружена и усилена волей. Если выраженность и соподчинение основных потребностей (биологических, социальных, идеальных с их подразделением на потребности сохранения и развития, для себя и для других) представляет «ядро» личности человека, то в действиях обнаруживается его *характер*.

¹² Маркуша А. Откровенно говоря. — Наука и жизнь, 1979, № 3, с. 66.

¹³ Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. М.; Л., 1959, т. 53, с. 185-187.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Субъект есть деятельность удовлетворения влечений.

Гегель

Для того чтобы удовлетворять свои многочисленные потребности, человек должен быть вооружен соответствующими способами и средствами. Овладение навыками во многом отчуждено от процесса удовлетворения основных потребностей и побуждается достаточно универсальной *потребностью в вооруженности*.

Дело в том, что приобретение самых первых, самых элементарных умений маленьким ребенком не связано с его голодом или жаждой. Более того, голод, дискомфорт, вызванный мокрой пеленкой или охлаждением, прерывают и тормозят процесс приобретения навыков, которые, в сущности, понадобятся ребенку много позднее.

Попытки двигать руками и пальцами проявляются уже через час после рождения. К концу четвертого месяца ребенок дотягивается и хватает видимые предметы, пытается ими манипулировать. По мере взросления все большее значение приобретает подражание действиям взрослого. В два месяца дети реагируют на проявляемое к ним внимание целой серией действий, включая улыбку, движения губ и языка. Некоторые авторы считают, что двухмесячный ребенок способен имитировать движения рта своей матери. В дальнейшем эта способность явится базой для обучения артикуляции и воспроизведения звуков речи.

Одну из трансформаций исходной потребности в вооружении представляет *потребность в подражании*. Она проявляется у детей самого раннего возраста вместе с другой трансформацией той же исходной потребности — *потребностью в игре*, причем девочки играют в «дочки—матери», а мальчики имитируют отцов. Потребность в подражании функционирует, минуя сознание, и ребенок осваивает речь окружающих, не осознавая ни законов этой речи, ни техники произношения слов, в отличие от взрослого, изучающего иностранный язык сознательно.

Основное назначение и смысл подражания состоит, видимо, в том, что оно адресуется непосредственно к подсознанию, освобождая сознание от работы, которая может совершаться без его участия. Обогащение подсознания, вооружение человека автоматизированными навыками — область чрезвычайно важная, хотя нередко игнорируемая. Мы уже говорили о том, что совесть занимает в поведе-

нии человека должное место только тогда, когда ее веления исполняются подсознательно, не требуя аргументов. То же самое относится к воспитанности в узком и широком смысле этого понятия, к дисциплинированности, к точности выполнения обязательств, к тому, что называют «чувством долга».

Дети способны десятки и сотни раз повторять одни и те же действия, единственным смыслом которых (разумеется, не осознаваемым ребенком) является тренировка их психофизического аппарата. Потребность в вооружении, направляемая подражанием действиям взрослых и сверстников, лежит в основе игровой деятельности. Благодаря ей ребенок заранее овладевает теми сферами действительности, которые пока ему недоступны, и навыками, которые пока ему не нужны.

О самостоятельности игровой мотивации свидетельствуют опыты на животных. Например, игровая борьба молодняка не содержит элементов конкуренции и свободна от симптомов агрессивного поведения. Потребность в игре усиливается в условиях депривации: изолированные друг от друга каждый второй день хомяки при встрече удваивают продолжительность игрового поведения. Если крысят в возрасте от 25 до 45 дней лишить возможности игры, они становятся в дальнейшем менее способными к выработке сложных навыков.

Если у животного игра тренирует, вырабатывает координацию движений, развивает живость, инициативность, т. е. вооружает его для удовлетворения биологических потребностей, то у человека она, кроме того, служит развитию интуиции, деятельности сверхсознания. Сверхсознание необходимо ребенку для постижения нового, неизвестного, а он со всех сторон окружен этим новым. С годами потребность в игре обычно притупляется вместе с ослаблением деятельности сверхсознания. Утратив потребность в игре, ум ограничивается сознанием.

С возрастом потребность вооружения приобретает у человека все более сложные формы. С одной стороны, она оказывается привязанной к той или иной первичной потребности или обслуживает целую группу потребностей, если речь идет о средствах, равно пригодных для их удовлетворения. С другой стороны, она может приобрести самодовлеющий характер, когда человеку доставляет удовольствие одно лишь сознание своей вооруженности, как это случилось со Скупым рыцарем в трагедии Пушкина. Правда, здесь возникает сомнение, не имеем ли мы дело

с подспудным, неосознаваемым удовлетворением иной первичной потребности, например, в поддержании своего социального статуса, гарантированного накопленным богатством.

Не столько уж редко мы встречаем достаточно сильную социальную или познавательную потребность, не сочетающуюся у данного субъекта с выраженной потребностью в вооружении. Так возникают дилетантизм и некомпетентность. Мы имеем в виду не тот случай, когда субъект лишен возможности приобрести соответствующие знания и навыки, а когда он не стремится их приобрести. Сочетание сильнейшей потребности (скажем, занять определенное место) с отсутствием или бедностью средств достижения цели порождает целую гамму отрицательных эмоций и ведет к представлению о завистниках, о «врагах», якобы препятствующих чужим успехам. Подавляющее большинство неудачников — порождение недостаточной вооруженности. Она может быть обусловлена разными обстоятельствами. Первый вариант: условия воспитания были таковы, что человек не смог приобрести знания и умения, необходимые для достижения цели. Второй: человек выбрал цель (дело, профессию и т. д.), не соответствующую его природным способностям и задаткам — например занятия музыкой при отсутствии слуха. В этом случае даже сильная потребность в вооружении бывает не в состоянии компенсировать ошибочный выбор. Третий вариант: налицо и способности, и задатки, и возможность обучения, но потребность в вооружении слаба. Наконец, четвертый вариант: выбрана такая деятельность, которая требует доминирования совершенно определенной потребности — потребности «для других» у педагога, потребности познания у исследователя и т. п. Субъект же характеризуется выраженной социальной потребностью «занять место» и, успешно пополняя свой арсенал для достижения этой цели, остается слабо вооруженным для деятельности, которой он вынужден заниматься. Такого рода неудачник — явление распространенное и любопытное. Сам себя неудачником он обычно не считает, поскольку искомого места он добился, хотя настоящего специалиста из него не получилось. Окружающие видят, что он не на своем месте. Сам он этого не замечает, как не замечают искусственности его положения все те, кто занял аналогичные места вопреки своей непригодности для этих мест. Все они — неудачники для других и для дела, но не для себя.

Впрочем, даже при самых благих и искренних побуж-

дениях, когда человек занят делом, соответствующим его главенствующей потребности, низкая квалификация остается реальным злом. Она уменьшает общественную ценность личности, потому что только квалифицированная деятельность может стать реальной деятельностью «для других». Но недостаточная вооруженность наносит ущерб и самой личности, обрекая человека на хроническое ощущение своей неполноценности. В остроумной статье «Откуда берутся неудачники?» Б. Рымарь писал: «Так только ли о признании надо говорить, ища счастья в труде? Не в степени ли совершенства исполнения любого дела вся суть заключена, и не в этой ли реальной сути надо искать — будет в труде радость или будет маята? Совершенство исполнения, компетентность исполнителя — вот, кажется мне, та реальная система координат, с которой начинается восхождение от элементарных или полуэлементарных занятий ко все более сложным, все более увлекательным и достигаются глубины далительные сложного. Берусь утверждать, и этому меня научила жизнь: при всех обстоятельствах, есть яркий талант или нет яркого таланта, выбрана ли профессия по призванию или случайно, компетентность выручит. Она сыграет роль в успехах человека, нисколько не меньшую, чем его прирожденное влечение к чему-то, а может, эта роль будет еще и побольше»¹.

Нужно ли говорить, сколь продуктивнее становится деятельность, когда компетентность сочетается с истинным призванием и талантом. Но даже в том случае, когда деятельность лишена новизны и творчества, высокий уровень профессионализма, точность и совершенство исполнения, казалось бы, рутинных операций придают этой деятельности особую привлекательность за счет удовлетворения потребности в вооруженности и тех положительных эмоций, которые возникают на ее основе. Педагогическая практика далеко не всегда и не в полной мере осознает реальность и значение этой потребности, не поддерживает и не культивирует ее. Стремясь сделать процесс обучения интересным, увлекательным для ребенка, педагог иногда апеллирует только к его любознательности, опирается только на потребность познания и... поощряет дилетантизм. Увлеченность оборачивается поверхностностью, любознательность — верхоглядством. В дей-

¹ *Рымарь Б.* Откуда берутся неудачники? — Лит. газ., 1974, сент., № 38, с. 11.

ствительности радость *узнавать* должна постоянно дополняться радостью *уметь и мочь*, поскольку на потребность в вооружении распространяется принцип ее незаменимости удовлетворением других мотиваций.

Увлеченность делом сближает его с игрой: в процесс овладения профессией вовлекается сверхсознание и в квалификации появляются элементы творчества. Вот почему при обучении и воспитании так важно ориентироваться не только на сознание, но и на сверхсознание. Разумеется, в приобретении профессиональной квалификации решающую роль играет сознание. Участие сверхсознания иногда необходимо (в искусстве, в науке), во многих случаях желательно, но в некоторых профессиях его вмешательство недопустимо. Представьте себе творчество новых правил уличного движения водителем городского транспорта.

Степень удовлетворения потребности в вооружении оказывает огромное влияние на формирование и черты характера. Высокий уровень вооруженности, осознаваемый или неосознанно ощущаемый субъектом, делает его спокойным, уверенным, независимым, сохраняющим самообладание в сложной и быстро изменяющейся обстановке. Недостаточная вооруженность в сочетании с доминированием тех или иных первичных потребностей сообщает характеру черты тревожности, озабоченности своим положением среди людей, ревнивого отношения к успехам других, зависимости от их покровительства и поддержки. Вместо того чтобы сетовать на «дурной» или «слабый» характер воспитуемого, вместо абстрактных призывов к «исправлению» следует, в первую очередь, подумать о том, как *вооружить* данного человека способами удовлетворения тех его потребностей, которые представляют наибольшую социальную ценность.

Перечислить все, что входит или может входить в вооружение и в квалификацию человека, невозможно, но существует вооружение универсальное, к которому относятся воображение, фантазия, логика. Вооруженность воображением есть, в сущности, вооруженность интуицией или сверхсознанием (мы этого касались выше и к этому еще вернемся). С ранних лет ребенок обогащает свое сознание, в том числе посредством подражания взрослым. Сверхсознанием он вооружается посредством игры. Как мы увидим далее, игра тренирует также и волю — другой, не менее важный вид вооружения. Сверхсознание игра тренирует, поскольку требует от ребенка находчивости и быстроты решений в проблемной ситуации, смелости

в оперировании известными правилами. В самой природе игры заложено знание норм, следование им и вместе с тем их смелое преодоление. Такова, если можно так выразиться, и техника сверхсознания. В игре оно «технически тренируется», готовя этим ребенка к применению, интуиции в тех случаях, когда придется самому впервые создавать что-либо новое, принимать нетривиальные решения. Это вооружение приобретается с удовольствием и потому угрожает вытеснить другие средства. Вот почему продуктивность, действенность и сила сверхсознания как вооруженности определяются не им самим, а тем, насколько прочно оно опирается на сознание, на знания, усваиваемые сознательно и планомерно.

Но вернемся к тому благоприятному случаю, когда субъект оказался вооружен знаниями и навыками, необходимыми для удовлетворения его биологической, социальной или идеальной потребности. Почему же и в этом случае разные люди, обладающие примерно равной силой побуждения и равной степенью вооруженности, действуют подчас весьма различно? Почему деятельность одних прекращается при столкновении с первым же препятствием, а деятельность других продолжается с удвоенной энергией? Как правило, здесь мы встречаемся с функционированием воли.

В большинстве современных руководств воля определяется как всемогущий сверхрегулятор, управляющий желаниями и поступками человека. «Воля представляет собой особую форму активности человека. Она предполагает регулирование человеком своего поведения, торможение им ряда других стремлений и побуждений, предусматривает организацию цепи различных действий в соответствии с сознательно поставленными целями. Волевая деятельность заключается в том, что человек осуществляет власть над собой. . .»². Представление о воле как феномене, противостоящем потребностям и воздействующем на них, с наибольшей категоричностью высказал Ш. Н. Чхартишвили: «Своим названием волевое поведение обязано тому обстоятельству, что ему дает начало, а также управляет им на всем его протяжении не какая-либо потребность, а сама личность как субъект воли... Эти два явления — потребность и воля — занимают, таким образом, совершенно различные места в психологической структуре личности»³.

² Общая психология. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976, с. 392.

³ Чхартишвили Ш. Н. Проблема воли в психологии. — Вопр. психологии, 1967, № 4, с. 72—81.

Сходных взглядов придерживается Е. Н. Баканов⁴ полагая, что воля есть подчинение субъектом своих побуждений логике отражаемой им объективной необходимостью с достижением (в пределе) их совпадения. Логiku объективной необходимости отражает сознание. Значит, суть воли заключается, по Баканову, в подчинении побуждений субъекта его сознанию. Сознание, потребности (побуждения) и воля функционируют как самостоятельные и зачастую конфликтующие между собой силы. «Воля как общая способность сознания направлять поведение ... выражается в сознательных, целенаправленных действиях человека»⁵.

Но курильщик, решивший бросить курить, а затем не выдержавший и отправившийся за сигаретами, действует вполне сознательно и целенаправленно, ясно представляя себе все последствия своего поступка. Разве это дает нам основание назвать его поведение волевым? Нельзя считать волей и наиболее сильную, доминирующую потребность. Во-первых, явно доминирующей потребности никакая воля не нужна, как она не нужна матери, бросающейся на помощь своему ребенку. Во-вторых, тот же курильщик в приведенном нами примере или игрок, устремившийся к карточному столу наперекор всем доводам рассудка, повинуются потребности, пересилившей все остальные, и тем демонстрируют свое крайнее... безволие. Следовательно, ни сознание, ни доминирующая потребность не объясняют нам существа воли.

На наш взгляд, приведенные выше определения воли (а вернее сказать — ее описания) представляют собой отказ от решения вопроса об объективной природе воли, отказ от попыток ответить на этот вопрос научно обоснованными представлениями. В приведенных выше описаниях воля оказывается некоей таинственной (уж не мистической ли?) силой, управляющей действиями человека вопреки тем мозговым механизмам, существование и функции которых известны современной науке. Подобная позиция, как бы ни прикрывалась она научной терминологией, не может нас удовлетворить.

Мы полагаем, что филогенетической предпосылкой волевого поведения у животных является «рефлекс свободы», открытый И. П. Павловым. В сопротивлении со-

⁴ Баканов Е. Н. Стадии развития волевых процессов. — Весты. МГУ. Сер. 14, Психология, 1977, № 4, с. 12.

⁵ Новинский И. И. Очерки по диалектическому материализму, М.: Наука, 1977, с. 76,

баки попыткам ограничить ее двигательную активность Павлов увидел несравненно большее, нежели разновидность защитной реакции. «Рефлекс свободы» — это самостоятельная форма поведения, для которой *препятствие* служит не менее адекватным стимулом, чем корм для пищедобывательных действий, боль — для оборонительной реакции, а новый и неожиданный раздражитель — для ориентировочной. «Не будь его (рефлекса свободы), — писал Павлов, — всякое малейшее препятствие, которое встречало бы животное на своем пути, совершенно прерывало бы течение его жизни»⁶.

На уровне человека взаимоотношения между реакцией на препятствие и мотивом, первично инициирующим поведение, становятся исключительно сложными. Активность, вызванная преградой, в определенных случаях и у определенного типа людей может оттеснить первоначальное побуждение на второй план, и тогда мы встретимся с упрямством, с поведением, где преодоление стало самоцелью, а исходный мотив утратил свое значение и даже забыт;

Для человека преграда — это совсем не обязательно внешнее препятствие. Преградой часто бывает и конкурирующая потребность. Тогда победа одного из конкурирующих мотивов будет определяться не только его преобладающей силой, но и возникновением активности, по отношению к которой субдоминантный мотив есть препятствие, «внутренняя помеха». С подобной ситуацией мы практически встречаемся во всех случаях, когда принято говорить о «волевом подавлении» эмоций, а точнее — обусловивших эти эмоции потребностей. Следует помнить, что волевые качества субъекта сами по себе не имеют положительного значения, а зависят от социальной ценности первичного побуждения.

Итак, сущность воли заключается в том, что она есть *потребность преодоления* препятствий. Как всякая иная потребность, она может явиться источником положительных или отрицательных эмоций, обусловленных самим фактом преодоления (или непреодоления) преграды до того, как будет достигнута конечная цель. Ярким подтверждением относительной самостоятельности этой потребности могут служить и спортивные игры. Если бы цель спортивных соревнований заключалась единственно

⁶ Павлов И. П. Поли. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1951, т. 3, кн. 1, с. 343.

в победе над противником, спортсмены должны бы были предпочитать возможно более слабых конкурентов. Однако хорошо известно, что победа над слабым противником не приносит ни радости, ни удовлетворения. С другой стороны, сколько-нибудь полная автономия воли лишает ее адаптивного значения, превращает в бессмысленное упрямство. Вот почему центральным вопросом психофизиологии воли остается вопрос о механизме, благодаря которому воля начинает помогать, «служить» именно этой, а не какой-либо иной потребности.

Здесь следует вспомнить, что конкуренция между потребностями протекает с участием порождаемых ими эмоций. Вернемся теперь к нашему примеру с курильщиком. Разумеется, инстинкт самосохранения у человека сильнее потребности в никотине. Но вероятность смертельно опасного заболевания, с точки зрения субъекта, во-первых, мала, а во-вторых, отнесена к какому-то неопределенно отдаленному будущему. Согласно информационной теории эмоций, в подобной ситуации потребность самосохранения не порождает отрицательной эмоции страха потерять здоровье или даже умереть. В то же время потребность в никотине генерирует достаточно сильную отрицательную эмоцию абстиненции наряду с воспоминанием о положительной эмоции удовольствия от затяжки табачным дымом. Таким образом, силы эмоций оказываются явно неравными, и поведение ориентируется на удовлетворение потенциально более слабой (по сравнению с самосохранением) потребности в табаке.

Человек, обладающий развитой волей и решивший бросить курить, сопротивляется влечению к никотину не потому (точнее, не только потому), что боится заболеть раком легких, а потому, что воспринимает это влечение как преграду, как несвободу, актуализирующую потребность преодоления — волю. Заметим, что вмешательство воли не отменяет универсальности регулирующей функции эмоций, поскольку воля вмешивается в конкуренцию мотивов опять-таки на уровне эмоций — отрицательных в случае неспособности преодолеть «внутреннюю помеху» и положительных в случае «победы над собой». Таким образом, воля отнюдь не является сверхрегулятором поведения, расположенным *над* потребностями и эмоциями, поскольку *она сама есть потребность*, специфическая потребность преодоления, вооруженная своими способами удовлетворения и порождающая свой ряд эмоций. Практически эта потребность выступает как склонность к до-

стижению далеких целей, к овладению труднодостижимыми предметами влечений. Благодаря воле они выглядят для волевого человека особенно привлекательно, в отличие от безвольного, которого тянет к наиболее легкому, наиболее доступному. Безвольный предпочитает, например, подчиниться потребности в экономии сил, уступить своей лени. Он находится во власти эмоций, вызванных доступностью желаемого. Первое препятствие, которое с удовольствием преодолевает волевой человек, это как раз потребность в экономии сил. Преодолеваемым препятствием может стать и сама доступность.

Удовольствие от преодоления — наиболее яркий показатель воли. Через эту эмоцию, через вооружение воли и открывается путь к ее воспитанию, к ее усилению, чтобы человек не сникал под тяжестью неудач, но вновь и вновь испытывал радость преодоления препятствия, даже в том случае, когда это «препятствие» на пути к достижению поставленной цели — он сам. Поэтому каждый ребенок с ранних лет тренирует волю в играх, которые приносят удовольствие, радость преодоления препятствий. Здесь воля обслуживает потребности в вооружении.

Индивидуально варьирующая норма удовлетворения «рефлекса свободы» (воли) — чрезвычайно важная, может быть, основная черта характера. Не случайно в нашем представлении «человек с характером» означает «волевой», а «бесхарактерный» звучит как «безвольный». Проявить характер — значит настоять на своем, не отказаться от поставленной ранее цели, завершить начатое дело.

Качеством, противоположным воле, является внушаемость, в том числе предрасположенность к гипнозу. Этот вывод подтвержден столь многими исследованиями, что вошел в энциклопедические определения. «Внушаемость — восприимчивость к внушению; в более широком смысле — одно из проявлений слаборазвитой воли... Внушение — способ психического воздействия одного человека на другого, осуществляемого в бодрствующем и гипнотическом состояниях... Внушение бывает сопряжено с ослаблением воли того, кто подвергается внушению, и подчинением его воле внушающего»⁷. Слабость типа нервной системы представляет благоприятное условие для повышенной внушаемости, которая положительно коррелирует с тревожностью у 83% исследованных лиц.

⁷ БСЭ. 2-е изд., 1951, т. 8, с. 306.

По-видимому, наиболее обоснованным в настоящее время является представление о гипнозе как о частном случае подражательного поведения, адресуемого непосредственно к подсознанию. Человек в гипнозе (ведомый) отказывается от самостоятельности и переносит ответственность за ситуацию на гипнотизера (лидера), сохраняя ответственность перед ним за выполнение внушения. Отдаваясь гипнозу, субъект переходит из ситуации информационного дефицита к полноте информации о том, что и как ему следует делать, поскольку источником такой информации становится не противоречивая действительность, а всезнающий лидер — гипнотизер. Естественно, что такой переход сопровождается возникновением весьма положительных эмоций.

Итак, самостоятельные по происхождению, но вместе с тем «обслуживающие» удовлетворение других побуждений, потребности вооружения и преодоления препятствий наряду с индивидуально варьирующей потребностью в экономии сил в значительной (если не решающей) степени определяют индивидуальные черты характера, делают его сильным, слабым, решительным, медлительным и т. д.

Индивидуально разнообразен и склад мышления людей. Идея К. Маркса и Ф. Энгельса о происхождении мышления из внешней предметной деятельности путем ее интериоризации — «свертывания» этой деятельности и «перенесения» ее внутрь мозга получила конкретную физиологическую разработку в трудах Сеченова, Павлова, Ухтомского, их многочисленных последователей. В психологическом плане эта идея наиболее последовательно развивалась Л. С. Выготским и его школой, прежде всего А. Н. Леонтьевым и А. Р. Лурия. Совершенно очевиден тот гигантский выигрыш, который получает живой организм благодаря способности оперировать внутримозговыми моделями внешне нереализуемых действий. Такое моделирование означает не только экономию энергетических ресурсов, не только избавляет живое существо от разрушительных последствий неудачных проб, но открывает недоступные для внешних действий возможности творческой комбинаторики.

Но, оперируя моделями внешнего мира — чувственно-конкретными впечатлениями или абстрактно-обобщенными понятиями, мышление остается *деятельностью* со всеми присущими ей чертами. На это обстоятельство указал сам Выготский. «Мысль — не последняя инстанция.

Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее „почему" в анализе мышления»⁸. «Мотивирующей сферой нашего сознания», по Л. С. Выготскому, мы считаем исходные основные и вспомогательные потребности. Поэтому, как и всякая ршая деятельность человека, мышление побуждается наличием актуальной потребности и служит ее удовлетворению более или менее успешно. В ходе мыслительной деятельности в зависимости от падения или возрастания вероятности решения стоящей перед субъектом задачи возникают отрицательные или положительные эмоции, которые принято называть «интеллектуальными». Продуктивность мышления, его способность вооружить предстоящую внешнюю деятельность программой, наиболее надежно ведущей к удовлетворению соответствующей потребности, зависит от вооруженности самого мышления запасом необходимых знаний, от волевых качеств субъекта, «терпения думать об одном и том же», как сказал Ньютон, от механизмов творчества, о котором речь пойдет ниже.

Мы уже упоминали о том, что по типу присущего им мышления Павлов разделил всех людей на «художников», «мыслителей» и представителей наиболее многочисленного среднего типа, в равной мере использующих как мышление образами (первая сигнальная система по Павлову), так и понятиями (вторая, речевая сигнальная система). Вряд ли И. П. Павлов, выдвигая свою идею о наличии «специально человеческих типов», мог предполагать, что в ближайшем будущем эта идея получит подтверждение в анатомическом материале. После пионерских опытов Р. Сперри на пациентах с перерезанным мозолистым телом, связывающим правое и левое полушария головного мозга, количество работ, посвященных функциональной асимметрии мозга, стало нарастать лавинообразно.

Сегодня мы знаем, что левое полушарие (у правой) связано с речью, абстрактно-понятийным мышлением, математическими способностями, в то время как правое оперирует чувственно-непосредственными (зрительными, слу-

⁸ *Выготский Л. С. Избр. психол. произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956, с. 379.*

ховыми, осязательными и т. д.) образами, пространственными представлениями, связано с музыкальными способностями и комбинаторной одаренностью. При поражении правого полушария нарушается восприятие пространства и времени. Это становится понятным, если учесть, что оперирование абстрактными понятиями не требует временных «меток» (стол был столом во времена Пушкина и останется им еще через сто лет). Конкретные впечатления о том или ином событии, предмете, встреченном нами человеке и т. д. должны быть упорядочены во времени, иначе мы потеряем возможность ориентироваться в последовательности событий. По образному выражению авторов этой концепции Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной⁹, правое полушарие связано с прошлым и настоящим, а левое обращено к будущему, прогнозирование которого носит вероятностный характер, а само будущее может быть в значительной мере изменено активными действиями субъекта.

Множество фактов свидетельствует о преимущественной «эмоциональности» правого полушария. На большую эмоциональность конкретных чувственных образов по сравнению с отвлеченными понятиями указывал еще И. П. Павлов. Остроумный эксперимент поставили Сакейм и Гур. Фотографии лиц, находившихся в различном эмоциональном состоянии, были склеены из одних левых или одних правых половин. Большая группа наблюдателей оценила выражение эмоций как более интенсивное в случае предъявления левосторонних фотографий. Если вспомнить, что мышцы левой половины лица управляются командами из правого полушария головного мозга, станет очевидной преимущественная зависимость эмоциональной экспрессии от правого полушария. Более того, факты показывают, что левое полушарие теснее связано с положительными эмоциями, а правое — с отрицательными.

Разумеется, было бы наивно представлять себе, что «центры» положительных эмоций находятся в левом полушарии, а «центры» отрицательных эмоций — в правом. Дело обстоит сложнее. Одно из самых убедительных объяснений принадлежит Л. Р. Зенкову. Выключение левого полушария затрудняет вербализацию окружающей обстановки (ее описание словами), делает эту ситуацию непо-

⁹ Доброхотова Т. А., Брагина Н. Н. Пространственно-временные факторы в организации нервно-психической деятельности. — Вопр. философии, 1975, № 5, с. 133,

нятной для больного и потому пугающей, неприятной, эмоционально отрицательной. Выключение правого полушария, напротив, упрощает ситуацию, проясняет ее, что ведет к положительным эмоциям. Здесь следует остановиться и уточнить: почему упрощает окружающий субъекта мир выключение правого полушария? Очевидно, не за счет лучшего понимания всей реальной сложности ситуации, а за счет сужения и обеднения сферы потребностей и мотивов, упрощения тех требований, которые субъект предъявляет к среде.

С подобным предположением хорошо согласуются клинические наблюдения, свидетельствующие о том, что больные с поражением левого полушария озабочены своим состоянием, тревожатся о нем, в то время как больные с поражением правого полушария беспечны и легкомысленны. Возникает парадоксальная ситуация: сохранность словесного логического мышления сочетается с совершенно неадекватной оценкой своего состояния. Больные, утратившие «высший» (абстрактно-понятийный, словесный) аппарат, ведут себя более разумно и адекватно, чем сохранившие его.

Дело в том, что правое полушарие, особенно его лобные отделы, больше, чем левое, связано с потребностно-мотивационной сферой, которой принадлежит иницилирующая роль в процессах целеобразования. Образно говоря, правое полушарие больше связано с порождением *целей*, а левое — с их конкретизацией и с уточнением *средств* достижения этих целей. Человек без левого полушария сохраняет цели, но остается без средств. Отсюда низкая вероятность достижения целей и как следствие отрицательные эмоции, растерянность, тревога, депрессия. Человек без правого полушария обладает набором средств, явно превосходящих его сузившиеся и упрощенные цели. Отсюда избыток положительных эмоций, эйфория, ощущение мнимого благополучия. Таким образом, анализ эмоциональных последствий поражения правого и левого полушарий, во-первых, еще раз убеждает нас в информационной природе этих эмоциональных сдвигов, а во-вторых, указывает на оценку вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) как на важнейшую функцию новой коры, специально — лобных ее отделов.

Оперируя конкретными и обобщенными образами действительности, мышление содержит в себе потенциальную опасность «отрыва» от этой действительности, перевода действий из реального в исключительно воображае-

мый, мыслимый план. В результате естественная последовательность событий по схеме: потребность — «проигрыш» способов ее удовлетворения в мышлении — реализация внешних действий — удовлетворение потребности деформируется таким образом, что потребность частично удовлетворяется самим процессом мышления. Речь идет о мечтательности в ее пассивно-созерцательном, маниловском варианте. Замещение реального удовлетворения потребности ее воображаемым удовлетворением нередко встречается тогда, когда субъект недостаточно вооружен и настойчив для достижения реального результата. Вспомним «сны наяву» поручика Ромашова из повести А. И. Куприна «Поединок», рисующего себе увлекательные картины своих подвигов, служебных успехов, блестящей карьеры вместо прозябания в заштатном пехотном полку.

Но природа человека слишком сложна и противоречива, чтобы мы могли уложить ее в прокрустово ложе своих однозначных оценок. «Пустая» мечтательность, не сдерживаемая рамками реальных возможностей, может оказаться весьма плодотворной в сфере научного и художественного творчества. В любом случае соотношение между внешне реализуемой и мыслительной деятельностью представляет важный параметр для определения делового, прагматического, пассивно-созерцательного, мечтательного и т. д. характера данного человека.

Мы рассмотрели индивидуальные особенности потребностной сферы личности и варианты ее проявления в действиях, в совершаемых личностью поступках. Но остается еще такая черта, как эмоциональность — одна из наиболее ярких характеристик *темперамента*. Впрочем, мы уже знаем, что сами эмоции вторичны и производны от потребностей и представлений о вероятности (возможности) их удовлетворения. Это означает, что не в эмоциях самих по себе, а в индивидуальных особенностях механизмов их формирования следует искать естественнонаучные основы темпераментов.

ПО ТУ СТОРОНУ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

С именем «органа» мы привыкли связывать представление о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение.

А. А. Ухтомский*

До сих пор мы рассматривали потребности человека изолированно, анализируя их значение и роль в организации целостного поведения. Однако «различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему...»¹. Среди актуальных потребностей в каждый момент времени выделяется доминирующая потребность, требующая первоочередного удовлетворения, и субдоминантные потребности, сосуществующие или конкурирующие с доминантной. Все многообразие событий, происходящих в окружающей среде, поступающие из этой среды сигналы, в свою очередь, разделяются на сигналы с высокой или относительно низкой вероятностью их подкрепления факторами, непосредственно удовлетворяющими ту или иную потребность.

Результаты собственных экспериментов и анализ данных литературы привели нас к выводу о том, что потребностно-информационной организации поведения соответствуют функции четырех мозговых образований: фронтальных (лобных) отделов новой коры, гиппокампа, ядер миндалевидного комплекса и гипоталамуса.

Оказалось, что благодаря передним отделам неокортекса поведение ориентируется на сигналы высоковероятных событий, в то время как реакции на сигналы с малой вероятностью их подкрепления подвергаются торможению. Двустороннее повреждение лобной коры у обезьян (макаки резусы) ведет к нарушению вероятностного прогнозирования, которое не восстанавливается на протяжении 2—3 лет. Аналогичный дефект наблюдается у больных с патологией лобных долей, для которых характерно стереотипное повторение одних и тех же действий, утративших свое значение. При более обширном поражении лобных долей возникают легкая отвлекаемость, соскальзывание на побочные ассоциации.

* Ухтомский А. А. Собр. соч. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950, т. 1, с. 279.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 368.

Ориентация на сигналы высоковероятных событий делает поведение адекватным и результативным. Однако в особых условиях, в ситуациях со значительной степенью неопределенности при явном дефиците прагматической информации необходимо учитывать и возможность маловероятных событий. Для реакций на сигналы с низкой вероятностью их подкрепления важна сохранность гиппокампа — второй «информационной» структуры мозга, в известном смысле дополняющей деятельность лобных отделов коры.

В процессе экспериментов с вероятностным прогнозированием В. М. Русалов обнаружил три группы обследованных им лиц. Представители первой группы адекватно отражают характеристики вероятностной среды (вероятностное соответствие). Представители второй группы занижают частоту более частого события (вероятностное безразличие), а представители третьей — завышают ее (стратегия максимализации). Эксперименты на животных с последовательным выключением мозговых структур позволяют предположить, что субъекты первой группы обладают хорошо сбалансированными функциями лобной коры и гиппокампа, у лиц второй группы относительно преобладают функции лобной коры, а у представителей третьей — функции гиппокампа. В результате субъективная оценка вероятности событий у представителей последних двух групп не соответствует объективной вероятности редких и частых событий.

Выделение наиболее острой доминирующей потребности осуществляется с участием «мотивационной подсистемы» мозга, включающей миндалину и гипоталамус, причем миндалина обеспечивает организацию баланса, динамической иерархии сосуществующих и конкурирующих потребностей, а гипоталамус важен для выявления мотивационной доминанты. Двустороннее разрушение латерального отдела гипоталамуса вызывает общее расстройство активного («произвольного») поведения животных с симптомами малоподвижности, вялости, застывания в одной и той же подчас очень необычной позе, т. е. признаки своеобразного «безволия». Такие последствия вполне естественны, потому что лимбическая (мотивационная) система мозга, к которой относится и гипоталамус, анатомически связана с двигательной системой, в частности с так называемым бледным шаром. Базальные ганглии (к их числу относится и бледный шар) важны для самых ранних стадий инициации произвола

ных движений, их нервные клетки активируются первыми. Импульсация из базальных ганглиев и мозжечка приходит в кору через зрительный бугор (таламус). Кора оформляет движение, детализирует его. В ответ на сигнал к движению зубчатые нейроны мозжечка разряжаются через 30 мс, а нейроны коры через 40 мс после сигнала.

Потребностно-мотивационная подсистема (миндалины и гипоталамус) оказывает мощное влияние на информационную подсистему (новая кора и гиппокамп). Прослежены анатомические связи латеральных отделов лобной коры с гипоталамусом, вентральных — с миндалиной, дорзальных — с гиппокампом. В результате оценка вероятности внешних событий оказывается зависимой от силы и качества доминирующей потребности, а эта оценка в свою очередь влияет тормозящим или облегчающим образом на силу потребности и ее соотношение с другими конкурирующими мотивациями.

В процессе организации целенаправленного поведения, безусловно, участвуют и многие другие образования лимбической системы (перегородка, неспецифические ядра таламуса, цингулярная и энторинальная кора), не говоря уже о мощной системе анализаторов (зрение, слух, обоняние и т. д.), регуляции уровня бодрствования (ретикулярные формации) и структурах, осуществляющих двигательные акты. Но мы ведем речь о тех структурно-функциональных системах мозга, которые определяют стратегию и тактику поведения, где решается вопрос о том, *на какие сигналы и каким образом* следует отвечать. Пока нам не удалось обнаружить структуру, которая по своему функциональному значению могла бы быть поставлена в один ряд с передними отделами новой коры, гиппокампом, миндалиной и гипоталамусом.

Имеются основания предположить, что индивидуальные особенности взаимодействия этих четырех структур и лежат в основе типов, выделенных Гиппократом и Павловым.

Какие черты будут характеризовать поведение субъекта с относительным функциональным преобладанием системы «гипоталамус—лобная кора»? Это будет субъект с четко выраженным доминированием той или иной потребности, целеустремленно направленный на сигналы объектов, способных ее удовлетворить. При этом он склонен игнорировать и конкурирующие мотивации и сигналы, отвлекающие его от продвижения к намеченной

цели. А теперь сопоставим нашу гипотетическую характеристику с описанием конкретного мальчика Саши П., которого В. С. Мерлин и Б. А. Вяткин приводят в качестве примера холерического темперамента — сильного возбудимого типа по Павлову². Его интересы постоянны и устойчивы, но он не теряется и при встрече с трудностями, упорен в их преодолении. На уроках мальчик сосредоточенно слушает и работает, не отвлекаясь посторонними событиями.

Согласно приведенным выше данным, функциональное преобладание системы «миндалины—гиппокамп» будет сопровождаться трудностью выделения доминирующего мотива и готовностью реагировать на самый широкий круг объективно малозначимых сигналов. Отсюда сочетание нерешительности, бесконечных колебаний с повышенной чувствительностью, с переоценкой значимости внешних событий. Не таков ли Коля М. — по мнению В. С. Мерлина и Б. А. Вяткина, типичный меланхолик, или слабый тип, по терминологии И. П. Павлова? Коля болезненно чувствителен к мелочам, легко теряется, смущается, не уверен в себе. Доминирующая потребность легко уступает субдоминантной.

Преобладание системы «гипоталамус—гиппокамп» должно вести к несколько парадоксальной комбинации четкого выделения доминирующих мотивов с генерализованными реакциями на сигналы маловероятных событий, на сигналы с невыясненным значением. И снова на память приходит описание типичного сангвиника (сильный, уравновешенный, подвижный тип) Сережи Т., который настойчив, энергичен, работоспособен, но только на интересных для него уроках (доминирующий мотив). На неинтересных уроках он легко отвлекается, увлекается посторонними вещами. Сережа легко привыкает к новой обстановке, его нетрудно дисциплинировать.

Если в системе четырех структур преобладает подсистема «миндалины—лобная кора», мы получим субъекта с хорошо сбалансированными потребностями без особого акцентирования одной из них. Подобный субъект игнорирует множество происходящих вокруг него событий. Побудить к деятельности его могут только высокозначимые сигналы. Не такова ли Аида Н., описанная Мерлиным и Вяткиным в качестве примера флегматика — сильного, уравновешенного, инертного типа? Она терне-

² Мерлин В. С., Вяткин Б. А. Общая психология. М.: Просвещение, 1976, с. 414—417.

лива, выдержанна, хорошо владеет собой. На уроках спокойна, не отвлекается. Эта инертность имеет и свою оборотную сторону: девочка трудно переключается на решение новых задач, долго привыкает к новой обстановке.

Мы рассмотрели четыре варианта функционального преобладания структурных «пар» и обнаружили их соответствие психологическим характеристикам типов Гипократа—Павлова. Остаются еще два возможных варианта: «лобная кора—гиппокамп» и «гипоталамус—миндалина». Последствия повреждения этих мозговых образований в опытах на животных побуждают нас предположить, что от их соотношения зависит параметр экстра- и интровертированности.

Заметим, что представления об интро- и экстравертированности страдают крайней противоречивостью. Об экстра- или интровертированности судят по тому, от чего преимущественно зависят реакции и деятельность человека — от внешних впечатлений, возникающих в данный момент (экстравертированность), или от образов, представлений и мыслей, связанных с прошлым и будущим (интровертированность). Л. Мартон и Я. Урбан характеризуют интроверта как сильного, малочувствительного, неуравновешенного, а экстраверта — как слабого, чувствительного, склонного к торможению индивидуума. Согласно Дж. Грею, чем выше чувствительность субъекта к наказанию и неудаче (ненаграде), тем глубже степень его интроверсии. По утверждению Л. Мартона и Я. Урбана, экстраверты хорошо усваивают социальные нормы и легко устанавливают межличностные контакты, в то время как интроверты плохо устанавливают связи и с трудом входят в чуждый им мир чувств других. Согласно Грею, все обстоит наоборот: интроверты социализируются хорошо, а экстраверты плохо. Перечень подобных недоразумений можно было бы продолжить, и все же деление на интро- и экстравертов, по-видимому, имеет свои основания, иначе эта классификация не оказалась бы столь живучей. Ее жизнеспособность подтверждается и клинической практикой: невроз экстравертов чаще протекает с симптомами истерии и психастении, тогда как невротики-интроверты склонны к тревоге, реактивной депрессии и фобиям. Исследование вызванных потенциалов на слуховой стимул у экстра- и интровертов обнаружило особенности этих потенциалов как на корковом, так и на подкорковом уровне.

Если учесть описанные выше функции мозговых

структур, то преобладание «информационной» подсистемы (новая кора и гиппокамп) даст гипотетического субъекта, преимущественно ориентированного на внешнюю среду и поведенчески зависимого от происходящих в этой среде событий. По-видимому, его можно назвать экстравертом, с характерной для последнего общительностью, стремлением к другим людям, склонностью к переменам, к движению, к освоению среды. Иные черты обнаружатся у субъекта с преобладанием «мотивационной» системы. Здесь сфера внутренних мотивов и установок окажется достаточно ригидной по отношению к внешним влияниям. И действительно, по описанию В. М. Смирнова и А. Ю. Панасюка, интроверты склонны придерживаться ранее усвоенных этических норм, они выдержанны, стремятся к порядку, застенчивы, малообщительны с окружающими.

Нетрудно видеть, что концепция «четырех структур» позволяет интегрировать классификацию Гиппократ—Павлова с параметром экстра- и интровертированности. При этом нет необходимости ни отождествлять экстравертированность с параметром силы нервной системы (как поступил Айзенк), ни рассматривать экстра- и интровертированность совершенно изолированно от павловской типологии. Концепция «четырех структур» постулирует экстра- и интровертов с такой же необходимостью, как темпераменты по Гиппократу и типы нервной системы по Павлову. Возможно, что каждый из типов (темпераментов) обладает в то же время определенной степенью экстра- и интровертированности.

Разумеется, все перечисленные выше типы есть абстракция. Реальная жизнь предъявляет нам бесконечное разнообразие промежуточных вариантов взаимодействия четырех мозговых структур. Здесь мы полностью солидарны с В. М. Тепловым и В. Д. Небылицыным и предпочитаем говорить скорее о свойствах головного мозга, чем о типах в их старом понимании. Вместе с тем мы не склонны совершенно отказываться от типология Гиппократ и Павлова, выдержавшей эмпирическую проверку двух тысячелетий. Понятия об «активности вообще», равно как и об «эмоциональности вообще», представляются нам очень расплывчатыми и неуточненными.

Отмеченную еще И. П. Павловым тенденцию к преимущественному реагированию одной из базальных эмоций мы пытаемся понять с позиций информационной теории эмоций. Поскольку холерик (сильный безудержный

тип) движим устойчиво доминирующей потребностью, его действия, как правило, обладают чертами преодоления и борьбы с характерной для этих действий эмоцией гнева, ярости, агрессивности. Меланхолик (слабый тип), напротив, всегда тяготеет к обороне, к защите, нередко окрашенной эмоциями страха, неуверенности, растерянности. Обладающий выраженным мотивационным «стержнем» и одновременно любознательный, ищущий, «открытый» среде сангвиник (сильный подвижный тип) чаще других испытывает положительные эмоции. Что касается флегматика, то при всей его эмоциональной индифферентности он тем не менее опять-таки тяготеет к положительным эмоциям, поскольку его внутренний мир хорошо сбалансирован и устойчив. И снова мы обязаны подчеркнуть, что речь идет именно о тенденции, о предпочтительной склонности, поскольку представители любого типа наделены всем арсеналом человеческих эмоций.

Далее мы можем сделать еще один шаг и попытаться показать, что индивидуальные особенности взаимодействия четырех структур в случае их патологического нарушения определяют основные разновидности человеческих неврозов, описанных клиницистами. «Следует полагать, — пишет невропатолог Г. К. Ушаков, — что ни неврозы, ни психозы не могут возникнуть без предшествующей конституциональной или приобретенной недостаточности соответствующих функциональных систем мозга»³. На значение расстройства функций лимбической системы при неврозах указывает в своих работах А. М. Вейн⁴.

При неврастении ослабление волевых побуждений сочетается с обостренной чувствительностью, раздражительностью. Любое неожиданное событие — стук в дверь, телефонный звонок, телеграмма — способно вызвать состояние тревоги, сердцебиение, потливость, мышечный тремор. Не указывают ли эти симптомы на известное ослабление системы мотивационных структур (прежде всего гипоталамуса) наряду с усиленным функционированием гиппокампа, поддерживающего реакции на сигналы объективно маловероятных событий?

Для истерии, напротив, характерна сверщенная идея, занимающая господствующее положение в жизни

³ Ушаков Г. Е. Пограничные нервно-психические расстройства. М.: Медицина, 1978, с. 323.

⁴ Вейн А. М. Лекции по неврологии неспецифических систем мозга. М.: I Моск. мед. ин-т, 1974.

субъекта. Истерик навязывает среде свою версию истолкования внешних событий. Здесь снова можно заподозрить патологически усиленное функционирование гиппокампа, но теперь уже сочетающееся с мощной мотивационной доминантой.

Характернейшая черта психастении — нерешительность, неспособность быстро принять решение и руководствоваться им (патологическое нарушение функций миндалины?). Этой нерешительности сопутствуют мнительность, навязчивое мудрствование, навязчивые страхи, ипохондрия. Последняя группа симптомов заставляет думать о дефекте функций лобных отделов коры.

Если принять общее положение И. П. Павлова о том, что основными «поставщиками» неврозов являются крайние типы — сильный неуравновешенный и слабый, и совместить это положение со схемой взаимодействия четырех структур, то окажется следующее. Патология подсистемы «лобная кора — гипоталамус» дает истерию по гипоталамическому варианту с чертами экстравертированности или невроз навязчивых состояний в случае преимущественного дефекта передних отделов новой коры и склонности к интроверсии. Вызванное болезнью нарушение функций подсистемы «гиппокамп—миндалины» приведет к неврастении, которая, как правило, не затрагивает высших интеллектуальных функций, свидетельствуя о полноценной деятельности неокортикальных структур. Вовлечение в патологический процесс передних отделов неокортекса в сочетании с нарушенным функционированием миндалины поведет к психастенической симптоматике.

До сих пор, говоря о доминирующей потребности и субдоминантных мотивах, мы абстрагировались от их качества. Но подобное абстрагирование становится невозможным, как только мы вступаем в область невротических заболеваний человека. Выраженный «социальный эгоизм» истерика качественно отличен от «биологического эгоизма» психастеника, сосредоточенного на малейших признаках своих внутренних болезненных ощущений. Тем более сложное происхождение имеют чувства неясной вины и обостренной ответственности, столь характерные для ряда случаев неврастении.

Индивидуальные особенности взаимодействия четырех мозговых структур при всем их значении далеко не полностью определяют симптоматику невротических заболеваний. В поведении истерика, ожесточенно требующего

к себе внимания окружающих, в его вычурной театральности отчетливо проступает болезненно трансформированная социальная потребность «для себя». Озабоченность своим здоровьем, при которой весь мир оказывается заслонен малейшими признаками (подчас несуществующих!) заболеваний; есть не что иное, как утривированная биологическая потребность «для себя» — основа ипохондрических состояний. Другое дело — чувство болезненной ответственности, преследующей субъекта вины, тревога и отчаяние при мысли о том, что «ничего у меня не получается и ничто мне не удастся». Здесь уже доминирует хронически неудовлетворенная социальная потребность «для других».

Не менее отчетливо значение качества потребностей обнаруживается в генезе невротических депрессий. Мы имеем в виду две их распространенные разновидности: депрессию тревоги и депрессию тоски. В основе депрессии тревоги лежит хроническое неудовлетворение потребностей сохранения с типичными для этих потребностей эмоциями тревоги, ощущения какой-то постоянной угрозы, неведомой опасности, нависшей над субъектом, его положением в семье и на работе, над его близкими. Депрессия тоски порождается неудовлетворенностью потребностей развития, продвижения, улучшения своей жизненной позиции.

Если индивидуальные особенности функционирования четырех структур, несомненно, имеют врожденный компонент, подвергающийся затем онтогенетической трансформации, то вопрос о генетическом элементе в формировании иерархии потребностей остается открытым. Впрочем, различная легкость социализации экстра- и интровертов, подчеркнутый эгоизм истерика и хроническое чувство вины при некоторых формах невротической депрессии позволяют думать, что взаимодействие четырех структур определенным образом коррелирует с индивидуальным набором потребностей. Вероятность принятия функций лидера субъектом холерического темперамента выше, чем у меланхолика — слабого типа нервной системы, по классификации Павлова. И все же решающая роль в конкретной трансформации потребностей, бесспорно, принадлежит онтогенезу, а у человека — воспитанию микро- и макросоциальным окружением.

В природе не существует «хороших» и «плохих» типов нервной системы. Сам факт их сохранения на протяжении миллионов лет сначала биологической, а затем

культурно-исторической эволюции показывает, что для человечества в целом необходимо и полезно наличие *разных* типов (темпераментов). В. М. Теплов и В. Д. Небылицын представили в свое время убедительные доказательства тому, что для различных видов деятельности оптимальными оказываются свойства, присущие тому или иному темпераменту. Если «сильный» тип обнаруживает высокую устойчивость в экстремальных ситуациях, то повышенная чувствительность «слабого» типа представляет не менее ценное качество в иных условиях, где требуется способность к быстрому и тонкому различению внешних сигналов. Специальные эксперименты показали, что представители разных типов нервной системы решают одни и те же задачи в равной мере успешно, только каждый из них использует свою тактику деятельности. Человечество сильно своим *разнообразием*.

Мы не раз подчеркивали значение воспитания для формирования личности на базе индивидуальных особенностей нервной системы, природных способностей и задатков. Полезно более подробно рассмотреть, каким образом это происходит.

ВООРУЖЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ

Всего обыкновеннее слышать жалобы на страсти, но как справедливо сказал Мабли: чем страсти сильнее, тем они полезнее в обществе; подавление их может быть только вредно.

Н. И. Лобачевский

Каждый из нас, приходя в мир, застаёт совокупность общественно-исторических норм удовлетворения потребностей, выработанных человечеством к моменту нашего рождения. Способы, средства и нормы, присущие данной эпохе, сообществу, социальной группе, составляют их культуру¹, а овладение субъектом способами, средствами и нормами удовлетворения своих потребностей есть его *воспитание*.

Норм так же много, как и потребностей. Нормы усваиваются в ходе удовлетворения потребностей и переда-

* Лобачевский Н. И. О важнейших предметах воспитания. - Наука и жизнь, 1976, № 5, с. 41.

¹ В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов определяют феномен культуры как «способ человеческой деятельности» в самом широком смысле. См. их книгу: Сущность культуры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979.

ются от поколения к поколению. При этом самые первоначальные, наиболее значительные и устойчивые нормы усваиваются путем подражания и в большой мере подсознательно, как нечто, не нуждающееся в логических обоснованиях. Более того, наиболее эффективно нормы выполняют свое назначение, лишь перейдя в подсознание, даже в том случае, если они приобретались вполне сознательно. Лучшая иллюстрация тому — овладение любым иностранным языком. Язык можно считать освоенным начиная с момента, когда его употребление не требует специальных усилий со стороны сознания.

Выше мы уже говорили о том, что происходящие с помощью эмоций трансформации, развитие, усиление (или, напротив, подавление) той или иной потребности зависят от своевременности и эффективности вооружения. Так, в зависимости от способов и средств удовлетворения присущая подростку потребность занять определенное место в группе сверстников, утвердить себя среди других, а следовательно, и в своих собственных глазах может трансформироваться в общественно полезную деятельность — учебу, изобретательство, спорт и т. п. или в хулиганские действия, кажущиеся «немотивированными».

Дело осложняется тем, что многие потребности не получают адекватного отражения в сознании субъекта, особенно если речь идет о наиболее глубоких, исходных потребностях. Вот почему прямая апелляция к сознанию, настойчивые попытки разъяснить, «что такое хорошо и что такое плохо», как правило, остаются удручающе неэффективными. Еще Сократ был поражен алогичностью поведения человека, который знает, что хорошо, а делает то, что плохо. Человек ведет себя асоциально отнюдь не потому, что он не ведает, что творит. «Ошибки и недомыслия ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца... — писал Ф. М. Достоевский. — Ошибки сердца есть вещь страшно важная ... которая не излечивается даже ни перед какими фактами, сколько бы они ни указывали на прямую дорогу; напротив, перерабатывающая эти факты на свой лад, ассимилирующая их со своим зараженным духом...»². Это замечание великого художника созвучно утверждению физиолога А. А. Ухтомского: «... доминанта всегда оправдывается и логика — слуга ее»³.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. СПб., 1895, т. 11, с. 3—4.

³ Ухтомский А. А. Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966, с. 258.

Сколько случаев антиобщественного поведения подростков, бессмысленных травм и пьянства можно было бы избежать, если бы естественные потребности заняли место в группе, потребности освоения новых сфер действительности (информационное голодание), потребности овладения навыками, которые могут понадобиться лишь в дальнейшем (игровая потребность, с возрастом перерастающая в потребность универсальной вооруженности), были бы канализированы в желательном для общества направлении. Но дефекты воспитания оставили этих подростков без оптимальных способов удовлетворения перечисленных и подобных им потребностей, а результатом явились уродливые формы трансформации неудовлетворенных влечений. Социальный и духовный голод остается, хотя, как правило, субъект не сознает, в чем именно он так остро, так мучительно нуждается. Этот голод толкает его к водке, стремительно упрощающей сферу потребностей и способы их удовлетворения. И тогда любой собутыльник становится другом, любая женщина — желанна, любой незнакомый — объект для агрессии. В результате 80% убийств и 90% хулиганств совершается подростками в пьяном виде.

Значит, задачей воспитания является не проповедь преимуществ «хорошего» по сравнению с «плохим», не абстрактное стремление к «культуре чувств и богатству Эмоций», а точное и конкретное *информирование* воспитуемого о тех способах, средствах и путях удовлетворения этих потребностей, которые не ведут к нарушению общественно продуктивных норм и представляют ценность для прогрессивного развития общества и самореализации личности во всем богатстве ее потенциальных способностей и задатков. Выше уже говорилось о том, что «плохих» исходных потребностей нет, что их асоциальные трансформации возникают в столкновениях потребностей, когда удовлетворение одной, более значительной, приносится в жертву другой, менее значительной, но в данный момент обостренной и усиленной кажущейся легкостью ее удовлетворения. А раз так, то борьба с этими трансформациями должна заключаться в вооружении (прежде всего информацией) той потребности, которая может, но не должна быть оттеснена давлением другой, трансформирующейся в нечто легко доступное и обещающее немедленное удовольствие. Возрастающая вероятность удовлетворения вооруженной соответствующей информацией потребности породит те положительные эмоции, которые

обеспечат ее победу в конкуренции с другими, менее ценными и социально неприемлемыми мотивами. В сущности, так и поступают все талантливые педагоги, все энтузиасты-организаторы летних спортивно-трудовых лагерей для «трудных» подростков, интуитивно вставшие на путь «потребностно-информационной педагогики».

Человек отличается «безграничностью своих потребностей и их способностью к расширению» (К. Маркс)⁴. Ненасытность потребностей — условие развития, освоения новых сфер действительности, поиска новых, неведомых ранее средств и способов удовлетворения. Но отсюда же проистекает непреложная необходимость социально регулируемых норм. Нормирование способов, средств и размеров удовлетворения потребностей определяется уровнем экономического, политического, идеологического развития данной общественной формации, ее классовой структурой, историческими и национальными традициями. Эти нормы получают отражение в общественном сознании и охраняются господствующей идеологией.

Нормирование (культура) касается буквально всех сторон социального бытия человека: поведения, взаимоотношений с другими людьми, производственной деятельности, одежды и т. д., и т. п. Мы называем человека культурным или некультурным в зависимости от того, в какой мере его поведение соответствует господствующим в данной культуре нормам. Вот почему, например, вполне культурный европеец может быть признан малокультурным в обществе японцев, придерживающихся иных норм. Критерий нормы позволяет говорить о культуре труда, быта, еды, речи, общей воспитанности или невоспитанности субъекта.

Потребность следовать нормам, принятым в сообществе (группе), — очень сильная потребность, цементирующая группу и способствующая стабилизации норм: Не случайно большинство людей, как правило, удовлетворяется средней нормой потребностей — точнее, довольно широким диапазоном колебаний этой средней нормы. Но отмеченная выше «безграничность потребностей и их способность к расширению» то и дело проявляется не только выходом за пределы средней нормы, но и ломкой существующих в данной культуре норм.

Хорошо упроченные нормы становятся привычкой, «второй натурой» и в определенный момент перестают

⁴ Арх. Маркса и Энгельса, т. 2 (7), с. 235.

контролироваться сознанием, переходят в сферу подсознания. Человеку уже не надо задумываться о том, как ему следует поступить в том или ином случае. Глубоко усвоенная норма делает его поведение автоматическим, инстинктивным, хотя, разумеется, ни о каком инстинкте в строгом смысле здесь говорить нельзя, поскольку «инстинктивное» значит «врожденное». Инстинкты не осознаются изначально и потому не могут быть отнесены к подсознанию. Нормы усваиваются в процессе воспитания, их неосознаваемость исторически вторична и принадлежит подсознанию.

Впрочем, говорить о неосознаваемом психическом бессмысленно и непродуктивно до тех пор, пока мы не дадим более или менее четкого определения тому, что понимается под термином «сознание». Из всех существующих определений наиболее адекватным контексту обсуждаемой проблемы нам представляется такое, где сознание определяется как знание, которое с помощью речи, музыки, изобразительного искусства может быть передано, может стать достоянием других членов общества. Со-знание — это знание вместе с кем-то (сравните с сочувствием, со-переживанием, со-трудничеством и т. п.). Осознать — значит приобрести потенциальную возможность сообщить, передать свое знание другому. Заметим, что на практике только таким способом врач решает вопрос о том, находится ли в сознании его пациент, нормально ли это сознание или патологически изменено. Других путей диагностики состояния сферы сознания в настоящее время не существует. Согласно современным данным, для осознания внешнего стимула необходима связь гностических зон новой коры большого мозга с моторной речевой областью в левом (у правой) полушарии. Труды А. Р. Лурии, открытие Г. В. Гершуни класса неосознаваемых условных реакций, исследования Р. Сперри пациентов с расщепленным мозгом, увенчанные Нобелевской премией, и последовавшие затем серии работ, в том числе Э. А. Костандова, В. Л. Деглина, Н. Н. Брагиной, Т. А. Доброхотовой и др., ознаменовали существенный прогресс в изучении нейрофизиологических основ сознания человека⁵.

⁵ Подробный обзор данных о специализации и парной работе полушарий мозга человека читатель может найти в книге: *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека.* М.; Медицина, 1931,

Данное выше определение позволяет однозначно провести грань между осознаваемым и неосознаваемым в деятельности мозга. Если человек перечисляет детали предъявленной ему сюжетной картинки, а спустя определенное время называет фрагменты, отсутствовавшие в первом отчете, мы имеем все основания говорить о наличии неосознаваемого восприятия и произвольной памяти, т. е. о следах, лишь позднее проникающих в сферу сознания. Если тысячелетний опыт человечества побуждает отличать военную науку от военного искусства, то мы понимаем, что в военном деле существует нечто, чему можно научить, что можно сформулировать в виде правил, наряду с тем, чему научить в принципе невозможно. Разумеется, военное искусство, как всякое иное искусство, располагает своей технологией, зависит от ранее накопленного опыта и навыков, позволяющих использовать этот опыт наиболее эффективным образом. Вместе с тем в искусстве полководца присутствует тот элемент, который невозможно формализовать и передать другому в виде рационально обоснованного решения, поскольку осознается только само это решение, т. е. конечный результат творческого процесса.

В обширной сфере неосознаваемого психического необходимо различать минимум две группы явлений. К первой принадлежит все то, что *было осознаваемым* или может стать осознаваемым в определенных условиях. К этой группе прежде всего относятся хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки и вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты, суть которых становится ясна только благодаря специальным усилиям врача-психотерапевта⁶. За этим классом явлений целесообразно сохранить традиционный термин «*подсознание*».

В сферу подсознания входят и глубоко усвоенные субъектом социальные нормы, регулирующая функция которых переживается как «голое совести», «зов сердца», «веления долга». Важно подчеркнуть, что ассимиляция внутренним миром субъекта внешних по своему происхождению социальных норм придает этим нормам ту

⁶ К мотивационным конфликтам относят одновременно существующие побуждения, удовлетворение которых исключает друг друга. Классический пример—любовь, противоречащая словным, религиозным и тому подобным нормам, принятым в данном сообществе,

чрезвычайную императивность, которой они не обладали ранее. Межличностное происхождение совести закреплено в самом названии феномена: со-весть, т. е. весть, в которой незримо присутствует некто иной или иные, помимо меня посвященные в содержание данной «вести». Нетрудно видеть, что «Сверх-Я» Зигмунда Фрейда, безусловно отличное от биологических влечений, целиком при-

надлежит сфере подсознания и не может рассматриваться как аналог сверхсознания, о котором подробнее речь пойдет ниже ⁷.

К подсознанию мы относим и те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации, но предполагают лишь использование ранее накопленного опыта. Когда знаменитый клиницист, мельком взглянув на больного, ставит правильный диагноз, он нередко сам не может объяснить, какие именно внешние признаки болезни побудили его прийти к такому заключению. В данном случае, он ничем не отличается от пианиста, давно забывшего, как именно следует действовать тем или иным пальцем. Заключением врача, как и действиями пианиста, руководит подсознание.

Подчеркнем, что ранее осознававшийся жизненный опыт, будь то система двигательных навыков, знание симптомов тех или иных заболеваний, нормы поведения, принятые в данной социальной среде, и т. д., представляет собой отнюдь не единственный канал, наполняющий подсознание конкретным, внешним по своему происхождению содержанием. Имеется и прямой путь, минуя рациональный контроль сознания. Это — механизмы имитационного поведения. Именно прямое воздействие на подсознание приводит к тому, что пример взрослых и сверстников из непосредственного окружения ребенка нередко формирует его личность в большей мере, чем адресующиеся к интеллекту разъяснения полезности и социальной ценности того или иного поступка.

В процессе длительной эволюции подсознание возникло как средство *защиты сознания* от лишней работы и *непереносимых нагрузок*. Идет ли речь о двигательных *навыках* пианиста, шофера, спортсмена и т. д.; которые

⁷ Согласно представлениям Фрейда, «Сверх-Я» представляет в психике индивида требования общества, его запреты, его веления. Конфликт между сферой биологических влечений («Оно») и цензурой «Сверх-Я» ведет к активации механизмов психологической защиты, а в случае ее неэффективности — к развитию невротических заболеваний.

с успехом могут реализоваться без вмешательства сознания, или о тягостном для субъекта мотивационном конфликте, подсознание освобождает сознание от стрессирующих перегрузок. Поясним сказанное примером, который мы заимствуем в одной из работ И. С. Кона. Человек завидует другому, но сознает, что чувство зависти унизительно и постыдно. И тогда он бессознательно начинает искать те отрицательные черты, действительные и мнимые, которые могли бы оправдать его недоброжелательное отношение. Он искренне верит, что его неприязнь вызвана именно недостатками другого, хотя на самом деле единственная причина недоброжелательности — зависть.

Подсознание всегда стоит на страже добытого и хорошо усвоенного, будь то автоматизированный навык или социальная норма. Консерватизм подсознания — одна из наиболее характерных черт. Благодаря подсознанию, индивидуально усвоенное (условнорефлекторное) приобретает императивность и жесткость, присущие безусловным рефлексам. Отсюда возникает иллюзия врожденности некоторых проявлений неосознаваемого, например иллюзия врожденности грамматических структур, усвоенных ребенком путем имитации задолго до того, когда он осознает эти правила на школьных уроках родного языка. Сходство подсознательного с врожденным получило отражение даже в житейском лексиконе, породив метафоры типа «классовый инстинкт», «голос крови» и тому подобные образные выражения.

Теперь мы перейдем к анализу второй разновидности неосознаваемого психического, которую в отличие от подсознания и вслед за К. С. Станиславским можно назвать *сверхсознанием*, или надсознанием — по терминологии М. Г. Ярошевского⁸. Мы будем пользоваться термином «сверхсознание», поскольку он непосредственно связан с творчеством, с представлениями Станиславского о сверхзадаче и сверх-сверхзадаче творческого процесса. Именно этот термин был использован нами в ранее опубликованных работах⁹.

⁸ Ярошевский М. К. Категориальная регуляция научной деятельности. — *Вопр. философии*, 1973, № 11, с. 74.

⁹ Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975, с. 81; *Он же*. Категории сознания, подсознания и сверхсознания в творческой системе К. С. Станиславского. — В кн.: *Бессознательное*. Тбилиси: Мецкереба, 1978, т. 2, с. 518—528; *Он же*. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981, с. 173—195; и др.

Функционирование сверхсознания, порождающего новую, ранее не существовавшую информацию путем комбинации следов полученных извне впечатлений, не контролируется осознанным волевым усилием: на суд сознания подаются только результаты этой деятельности¹⁰. К сфере сверхсознания относятся первоначальные этапы всякого творчества — порождение гипотез, догадок, творческих озарений. Если подсознание защищает сознание от излишней работы и психических перегрузок, то неосознаваемость творческой интуиции есть *защита от преждевременного вмешательства сознания*, от чрезмерного давления ранее накопленного опыта. Не будь этой защиты, здравый смысл, очевидность непосредственно наблюдаемого, догматизм прочно усвоенных норм душили бы «гадкого утенка» (смелую гипотезу, оригинальный замысел и т. п.) в момент его рождения, не дав ему превратиться в «прекрасного лебедя» будущих открытий. Вот почему за дискурсивным мышлением оставлены важнейшие функции формулировки проблемы и постановки ее перед познающим умом, а также вторичный отбор порождаемых сверхсознанием гипотез, сперва путем их логической оценки, а затем в горниле экспериментальной, производственной и общественной практики.

В настоящее время можно считать установленным, что сверхсознание (творческая интуиция) всегда «работает» на удовлетворение потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данного субъекта. Так, карьерист, жаждущий социального успеха, может быть гениален в построении своей карьеры, но вряд ли подарит миру научные открытия и художественные шедевры. Здесь не следует впадать в дурную «одномерность». Великий художник (или ученый) может быть достаточно честолюбив, скуп, играть на бегах и в карты. Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Важно лишь, чтобы в определенные моменты бескорыстная потребность познания истины и правды безраздельно овладевала всем его существом. Именно в эти моменты доминирующая потребность включит механизмы сверхсознания и приведет к результатам, не достижимым никаким иным рациональным способом. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон. ..» — А. С. Пушкин гениально Угадал эту диалектику деятельности сверхсознания.

¹⁰ Яркие примеры тому читатель может найти в книге: *Адамар Ж* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М: Сов. радио, 1970.

Подобно тому как имитационное поведение способно адресоваться к подсознанию, минуя контроль рационального мышления, важнейшим средством тренировки и обогащения сверхсознания является детская игра. Будучи свободна от достижения утилитарных, а до определенного возраста — и социально престижных целей, игра обладает той самоцельностью и самоценностью, которые направляют ее на решение бескорыстно-творческих задач. Детская игра мотивируется почти исключительно потребностями познания и вооруженности — под последней мы понимаем потребность приобретения знаний, навыков и умений, которые понадобятся лишь в дальнейшем. Именно эти две потребности — познание и вооруженность — питают деятельность детского сверхсознания, делая каждого ребенка фантазером, первооткрывателем и творцом. По мере взросления потребности познания все чаще приходится конкурировать с витальными и социальными потребностями, а сверхсознанию — отвлекаться на обслуживание широкого спектра самых разнообразных мотиваций. Не случайно подлинно великие умы характеризуются сохранением отдельных черт детскости, что было замечено давно и не один раз.

В своей недавно вышедшей книге Е. Л. Фейнберг подробно рассмотрел отличия интуиции-догадки (порождение гипотез) от интуиции — прямого усмотрения истины, не требующего формально-логических доказательств¹¹. Примером интуиции последнего типа может служить заключение ученого о достаточности экспериментов или заключение судьи о достаточности объективных доказательств виновности. Напомним, что закон требует от судьи выносить приговор согласно «внутреннему убеждению», не предписывая заранее то или иное количество доказательств. Не случайно в законе наряду с дискурсивной «буквой» присутствует интуитивный «дух». Мы полагаем, что в генезе двух разновидностей интуиции есть нечто принципиально общее, а именно: дефицит информации, необходимой и достаточной для логически безупречного заключения. В первом случае (интуиция-догадка) этой информации *еще нет*, ее предстоит найти в ходе проверки возникающего предположения. В случае с интуицией — прямым усмотрением истины получить такую информацию *вообще невозможно*, какое количество

¹¹ Фейнберг Е. Л. Кибернетика, логика, искусство. М.: Радио я связь, 1981,

экспериментов ни поставил бы ученый и какое количество доказательств ни собрал бы судья. Для нас важно, что пример с интуицией — усмотрением истины еще раз оправдывает термин «сверхсознание». В самом деле, дискурсивное мышление поставляет материал для принятия решения, предлагает сознанию реестр формализуемых доказательств, но *окончательное решение* принимается на уровне интуиции и формализовано быть не может.

Материал для своей рекомбинационной деятельности сверхсознание черпает и в осознаваемом опыте, и в резервах подсознания. Тем не менее в сверхсознании содержится нечто именно «сверх», т. е. нечто большее, чем сфера собственно сознания. Это «сверх» есть принципиально новая информация, непосредственно не вытекающая из ранее накопленных впечатлений.

Неполное, лишь частичное осознание человеком движущих им потребностей снимает мнимое противоречие между объективной детерминированностью человеческого поведения и субъективно ощущаемой свободой выбора. Эту диалектику поведения в свое время пронизательно разглядел Бенедикт Спиноза. Люди лишь по той причине считают себя свободными, писал Спиноза, что свои поступки они сознают, а причин, их вызвавших, не знают. Поведение человека детерминировано его наследственными задатками и условиями окружающей среды, в первую очередь — условиями социального воспитания. Науке неизвестен какой-либо третий фактор, способный повлиять на выбор совершаемого поступка. Вместе с тем вся этика и, прежде всего — принцип личной ответственности, базируется, как объяснил нам Гегель, на безусловном признании абсолютно свободной воли. Отказ от признания свободы выбора означал бы крушение любой этической системы и нравственности.

Вот почему эволюция породила *иллюзию* этой свободы, упрятав от сознания человека движущие им мотивы. Субъективно ощущаемая свобода и вытекающая из нее личная ответственность включает механизмы всестороннего и повторного анализа последствий того или иного поступка, что делает окончательный выбор более обоснованным¹². Дело в том, что *практическая* мотивационная Доминанта, непосредственно определяющая поступок («вектор поведения» — по А. А. Ухтомскому), представ-

¹² Симонов П. В. Детерминизм и свобода выбора. — В кн.: Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1982, с. 86,

ляет интеграл главенствующей потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данной личности (*доминанта жизни*, или сверх-сверхзадача — по К. С. Станиславскому), и той или иной *ситуативной* доминанты, актуализированной экстренно сложившейся обстановкой. Например, реальная опасность для жизни актуализирует ситуативную доминанту — потребность самосохранения, удовлетворение которой нередко оказывается в конфликте с доминантой жизни — социально детерминированной потребностью соответствовать определенным этическим эталонам. Сознание (как правило, с участием подсознания) извлечет из памяти и мысленно «проиграет» последствия тех или иных действий субъекта. Кроме того, в борьбу мотивов окажутся вовлечены механизмы воли — потребность преодоления преграды на пути к достижению главенствующей цели, причем преградой в данном случае окажется инстинкт самосохранения. Каждая из этих потребностей породит свой ряд эмоций, конкуренция которых будет переживаться субъектом как борьба между естественным для человека страхом и чувством долга, стыдом при мысли о возможном малодушии и т. п. Результатом подобной конкуренции мотивов и явится либо бегство, либо стойкость и мужество.

В данном примере нам важно подчеркнуть, что мысль о личной ответственности и личной свободе выбора тормозит импульсивные действия под влиянием сиюминутно сложившейся обстановки, дает выигрыш во времени для оценки возможных последствий этого действия и тем самым ведет к *усилению главенствующей потребности*, которая оказывается способной противостоять ситуативной доминанте страха.

Таким образом, не сознание само по себе и не воля сама по себе определяют тот или иной поступок, а их способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих потребностей. Это усиление реализуется через механизм эмоций, которые, как было показано нами ранее, зависят не только от величины потребности, но и от оценки вероятности (возможности) ее удовлетворения. Ставшая доминирующей потребность (практическая доминанта) направит деятельность интуиции (сверхсознания) на поиск оптимального творческого решения проблемы, на поиск такого выхода из сложившейся ситуации, который соответствовал бы удовлетворению этой Доминирующей потребности. Тщательный анализ военных мемуаров выдающихся летчиков Отечественной

войны показывает, что виртуозное боевое мастерство с принятием мгновенных и неожиданных для противника решений человек проявляет при равной степени профессиональной квалификации (запасе навыков) не в состоянии страха (потребность самосохранения) и не в состоянии ярости (потребность сокрушить врага любой ценой), а в *эмоционально положительном* состоянии боевого азарта, своеобразной «игры с противником», т. е. при наличии компонентов идеальной потребности творчески-познавательного характера, сколь бы странной она ни казалась в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть.

Если главенствующая потребность (доминанта жизни) настолько сильна, что способна автоматически подавить ситуативные доминанты, то она сразу же мобилизует резервы подсознания и направляет деятельность сверхсознания на свое удовлетворение. Борьба мотивов здесь фактически отсутствует, и главенствующая потребность непосредственно трансформируется в практическую доминанту. Примерами подобной трансформации могут служить многочисленные случаи самопожертвования и героизма, когда человек не задумываясь бросается на помощь другому. Как правило, мы встречаемся здесь с явным доминированием потребностей «для других», будь то «биологический» родительский инстинкт или альтруизм более сложного социального происхождения.

Формирование практической доминанты может оказаться тяжелой задачей для субъекта, когда главенствующая и ситуативная доминанты примерно равны по силе и находятся в конфликтных отношениях. Такого рода конфликты лежат в основе многих произведений классической литературы. С другой стороны, отсутствие практической доминанты (у пенсионера, у человека, оказавшегося не у дел) переживается отдельными личностями исключительно тяжело. Не менее печально по своим последствиям отсутствие главенствующей потребности (доминанты жизни), в результате чего человек становится игрушкой ситуативных доминант. «Отклоняющееся» поведение подростков, алкоголизм и наркомания дают множество примеров такого рода. Подчеркнем, что человек, как правило, не осознает подлинной причины тягостного для него состояния, давая самые разнообразные объяснения своему бесцельному и пустому времяпрепровождению.

Мы закончим раздел краткой формулировкой нескольких итоговых положений.

1. Высшая нервная (психическая) деятельность человека имеет трехуровневую структуру, включая в себя сознание, подсознание и сверхсознание.

Сознание оперирует знанием, которое потенциально может быть передано другому, может стать достоянием других членов сообщества. Как показали многочисленные исследования функциональной асимметрии головного мозга, для осознания внешних стимулов или событий внутренней жизни субъекта необходимо участие речевых зон больших полушарий. В сфере творчества именно сознание формулирует вопрос, подлежащий разрешению, и ставит его перед познающим действительность умом.

К сфере подсознания относится все то, что было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях. Это — хорошо автоматизированные навыки, глубоко усвоенные социальные нормы и мотивационные конфликты, тягостные для субъекта. Подсознание защищает сознание от излишней работы и психических перегрузок.

Деятельность сверхсознания (творческой интуиции) обнаруживается в виде первоначальных этапов творчества, которые не контролируются сознанием и волей. Неосознаваемость этих этапов представляет защиту рождающихся гипотез от консерватизма сознания, от чрезмерного давления ранее накопленного опыта. За сознанием остается функция отбора этих гипотез путем их логического анализа и с помощью критерия практики в широком смысле слова. Нейрофизиологическую основу сверхсознания представляет трансформация и рекомбинация следов (энграмм), хранящихся в памяти субъекта, первичное замыкание новых временных связей, чье соответствие или несоответствие действительности выясняется лишь в дальнейшем.

2. Неполное осознание субъектом движущих им потребностей снимает мнимое противоречие между *объективной* детерминированностью поведения человека наследственными задатками, условиями воспитания, окружающей средой и *субъективно* ощущаемой им свободой выбора. Эта иллюзия свободы является чрезвычайно ценным приобретением, поскольку обеспечивает чувство личной ответственности, побуждающее всесторонне анализировать и прогнозировать возможные последствия того или иного поступка. Мобилизация из резервов памяти такого рода информации ведет к усилению потребности, устойчиво главенствующей в иерархии мотивов данной

личности, благодаря чему она обретает способность противостоять ситуативным доминатам, т. е. потребностям, экстренно актуализированным сложившейся обстановкой.

Вопрос о том, свободен или не свободен человек в своем выборе, не имеет однозначного ответа и требует введения принципа дополнительности. Выбор детерминирован (следовательно, человек несвободен) с точки зрения внешнего наблюдателя совершаемых субъектом поступков. Вместе с тем и в то же самое время человек свободен с позиций «внутреннего наблюдателя» — его рефлектирующего сознания, что и порождает чувство личной ответственности за совершаемый поступок.

3. Сведение психической деятельности человека к одному лишь сознанию не в состоянии объяснить ни диалектику детерминизма и свободы выбора, ни механизмы творчества, ни подлинную историю культуры. Только признание важнейших функций неосознаваемого психического, с выделением в нем принципиально различных феноменов под- и сверхсознания дает возможность естественнонаучного материалистического ответа на самые глущие вопросы человековедения.

4. Взаимодействие сверхсознания с сознанием есть проявление на уровне творческой деятельности человека универсального принципа возникновения нового в процессе биологической и культурной эволюции. Подобно тому как эволюционирующая популяция рождает новое через отбор отдельных особей, эволюция культуры наследует в ряду сменяющихся поколений идеи, открытия и социальные нормы, первоначально сформулированные конкретными первооткрывателями и творцами. Эти нормы являются исторически преходящей категорией, а культура в целом представляет не закостеневший свод одних и тех же предписаний, но живую и развивающуюся систему. Мы не раз подчеркивали, что процесс развития культуры определяется взаимодействием множества факторов — производственно-экономических, политических, идеологических, национальных. Творцом культуры в конечном счете является живой, реальный человек с головой и руками, поскольку «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹³. Значит, возникновение новых норм

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102,

удовлетворения потребностей, новых способов, средств и путей есть результат творческой деятельности конкретных личностей. Благодаря этой творческой деятельности наряду с ростом и расширением потребностей происходит их «возвышение» 14.

ВОЗВЫШЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Сама природа является *действительной* частью истории, природы, становления природы человеком.

К. Маркс *

Справедливо подчеркивая культурно-историческое происхождение психики человека, мы подчас недооцениваем принцип историзма. Протест против вульгарной биологизации оборачивается чрезмерным социологизмом, в результате чего жизнь человеческих существ как бы вырывается из общей истории развития живого на нашей планете. Вместе с тем наука уже не раз встречалась с рядом универсальных принципов, которые обнаруживаются и в деятельности высших, социальных форм существования живой природы, и на дочеловеческих этапах эволюции. Назовем в качестве примера принцип обратной связи или категорию потребности как основы и движущей силы поведения любых живых систем, включая потребности существования и развития человеческих сообществ.

Нам представляется, что к числу таких универсальных принципов относятся и общие правила возникновения нового, ранее не существовавшего, независимо от того, идет ли речь о появлении новых форм живых существ в процессе биологической эволюции или о принципиально новых достижениях творческой деятельности человека в виде научных открытий, технологии, произведений искусства, этических норм и т. п. «Природой творчества является творчество природы» (Б.М.Рунин) 1.

Сразу же подчеркнем, что констатация черт сходства биологической эволюции с творческой деятельностью мозга ни в коей мере не означает сведения социально детерминированной психики человека к биологии, разно

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101.

* Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 596.

¹ Рунин Б. М. Творческий процесс в эволюционном аспекте. — Природа, 1971, № 9, с. 6.

как и переноса законов психики на процесс биологической эволюции. Речь идет о наличии общих закономерностей, которые проявляют себя на различных уровнях первоначально биологического, а затем культурного развития живой природы, включающей общественного человека. Ведь, когда мы обнаруживаем универсальный принцип обратной связи в регуляции физиологических (даже биохимических!) процессов и в управлении общественным производством, мы отнюдь не «сводим» это производство к схемам регуляции кровяного давления, равно как и не «распространяем» принципы социального управления на физиологию. Надеемся, что это положение больше не требует дополнительных разъяснений.

Мысль о сходстве процесса возникновения новых форм живых существ («творчества природы») с творческой деятельностью мозга высказывали многие, в том числе К. А. Тимирязев². Значение вторичного отбора временных нервных связей путем их сопоставления с действительностью подчеркнул И. П. Павлов, обсуждая механизм первой стадии выработки пищевого условного рефлекса, где в качестве сигнала был использован звуковой раздражитель — тон. «Когда связь с этими другими тонами действительно не оправдывается, — разъяснял Павлов, — тогда присоединяется процесс торможения. Таким образом, реальная связь ваша становится все точнее и точнее. Таковым является и процесс научной мысли. Все навыки научной мысли заключаются в том; чтобы, во-первых, получить более постоянную и более точную связь, а во-вторых, откинуть потом связи случайные»³.

В свете этого высказывания И. П. Павлова представляется совершенно необоснованным предложение Карла Поппера «заменить» теорию условных рефлексов теорией формирования гипотез и их последующей проверки (селекции). «Я полагаю, — пишет Поппер, — что организм не ждет пассивно повторения события (или двух), чтобы запечатлеть или зарегистрировать в памяти существование закономерной связи. Скорее организм пытается навязать миру догадку о закономерности... Не ожидая повторения событий, мы создаем догадки, без ожидания предпосылок мы делаем заключения. Они могут быть

² Тимирязев К. Л. Соч. М.: Сельхозгиз, 1939, т. 6, с. 220.

³ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973, с. 588.

отброшены. Если мы не отбросим их вовремя, мы можем быть устранены вместе с ними. Эту теорию активного предложения догадок и их опровержения (разновидность естественного отбора) я предлагаю поместить на место теории условного рефлекса...»⁴. В ходе дальнейшего изложения мы постараемся показать, что генерирование гипотез и их отбор представляют необходимые и взаимодополняющие моменты высшей нервной деятельности. Их физиологической основой являются в первую очередь принцип доминанты, открытый А. А. Ухтомским, и условный рефлекс И. П. Павлова.

В сущности, творческая деятельность человека есть проявление на качественно новом уровне универсальных тенденций самосохранения и саморазвития живой природы, будь то все более полное и специализированное освоение ранее занятой зоны (аллогенез в биологической эволюции) или выход в новую зону (арогенез). Эти две основные формы филогенеза напоминают две разновидности творчески-познавательной деятельности человека: мы имеем в виду детальную разработку более или менее знакомых явлений наряду с «прорывом» познающей мысли в качественно новую сферу познаваемой действительности.

Процесс развития требует накопления новой ценной информации, причем под ценностью информации мы, вслед за А. А. Харкевичем, будем понимать возрастание вероятности достижения цели (удовлетворения потребности), благодаря получению данного сообщения⁵. «В ходе биологического развития, — пишет М. В. Волькенштейн, — возрастает не только ценность информации, наличествующей в организме, но и способность биологических систем к отбору ценной информации... Отбор ценной информации лежит в основе всей творческой деятельности человека»⁶. Эта ценная информация может быть либо выделена из маскирующих ее «шумов» (обнаружение объективно существовавшей, но ранее не познанной закономерности), либо создана заново в виде «второй природы» — произведений искусства, технических сооружений и т. п.

Подчеркнем, что и в случае приобретения ценной ин-

⁴ Popper K., Eccles J. The self and its brain. N. Y., 1977, p. 137—138.

⁵ Харкевич А. А. О ценности информации. — Пробл. кибернетики, 1960, № 4, с. 53.

⁶ Волькенштейн М. В. Биофизика. М.: Наука, 1981, с. 557.

формации путем ее извлечения из шума включается механизм выдвигания гипотез, т. е. таких рекомбинаций ранее накопленного опыта, соответствие которых действительности должно быть установлено в ходе дальнейшей проверки. Жизнь показывает, что такой механизм значительно ускоряет процесс познания по сравнению с выделением информации из шума путем чисто статистического накопления полезных сигналов. «Формой развития естествознания, — утверждал Энгельс, — поскольку оно мыслит, является *гипотеза*... Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»⁷.

Говорить о сходных чертах органической эволюции («творчества природы») и творческой деятельности человека можно только в том случае, если в динамике творчества мы обнаружим аналоги основных компонентов эволюционного развития, а именно: 1) эволюционирующую популяцию; 2) изменчивость, ценность которой выясняется лишь вторично; 3) отбор; 4) фиксирование результатов этого отбора. Мы полагаем, что такие аналоги существуют.

Напомним, что, хотя элементарной единицей эволюции является популяция, а не отдельная особь, отбор действует только на уровне особей. В сфере творческой деятельности человека эволюционирует его опыт, неизбежно включающий в себя присвоенный субъектом опыт других людей, в том числе опыт предшествующих поколений. Однако этот коллективный опыт, совокупность знаний, умений, технологии, этических и эстетических норм, т. е. культура в целом, пополняется открытиями и достижениями, первоначально возникающими не в абстрактной «культуре», а в конкретной индивидуальной голове творящего субъекта.

Под изменчивостью мы будем понимать такие трансформации хранящихся в памяти следов (энграмм), такие их рекомбинации, такое ассоциирование этих следов, чье соответствие или несоответствие объективной действительности устанавливается лишь позднее. Подобные вариации следов ранее полученных впечатлений мы назвали в 1966 г. «психическими мутациями», хотя, возможно, их

7 Маркс К., Энгельс Ф. Со*. 2-е изд., т. 20, с. 555.

правильнее аналогизировать с рекомбинацией генов⁸. В дальнейшем изложении мы будем употреблять выражение «психическая мутация» как обозначение любой модификации хранящихся в памяти энграмм, чья ценность и адекватность реальной действительности подлежат выяснению. В случае установления подобной адекватности психическая мутация оказывается объективно верным отражением действительности, хотя это отражение и носит вторичный по сравнению с рекомбинированной памятью характер.

Отбор модифицированных и рекомбинированных энграмм (догадок, гипотез, предположений) осуществляется в несколько этапов. Вначале он производится путем сопоставления с непосредственным опытом субъекта, а затем вступает в действие критерий общественной практики, в ходе которой уточняются истинность нового знания и его ценность, т. е. способность служить удовлетворению каких-либо человеческих потребностей — биологических, социальных или идеальных.

Результаты отбора фиксируются в памяти субъекта и передаются другим людям — как современникам, так и представителям следующих поколений.

Сигнальное (не зафиксированное в генах) наследование существует уже у животных в виде, например, обучения приемам охоты или мелодии пения у некоторых птиц. Но подлинное культурное (или социальное) наследование присуще только человеку, благодаря наличию у него второй (речевой) сигнальной системы действительности. «Культурное наследие или унаследование традиций, — пишет эволюционист В. Грант, — это вся совокупность знаний, представлений, искусств, обычаев и технологических навыков, которыми располагает данное человеческое сообщество в любой данный момент своей истории. Вся эта сумма знаний и традиций — результат открытий и изобретений, сделанных предшествующими поколениями. Она передается и будет передаваться из поколения в поколение путем обучения в широком смысле этого слова»⁹.

Теперь, когда мы уточнили содержание используемых понятий, рассмотрим более детально основные этапы твор-

⁸ *Симонов П. В.* Эмоциональное возбуждение и психический мутагенез. — В кн.: Второй симпозиум по проблеме «Человек и машина». М., 1966, с. 28.

⁹ *Грант В.* Эволюция организмов. М.: Мир, 1980, с. 351.

ческой деятельности, сопоставляя их с ключевыми положениями эволюционной теории.

Изменчивость. Применительно к творческой деятельности мозга можно сказать, что динамическим фактором, инициирующим и побуждающим генерирование психических мутаций, является сила актуализированной потребности (мотивации), а факторами, вероятно детерминирующими («канализирующими») содержание мутаций, — качество этой потребности и вооруженность творящего субъекта запасом навыков и знаний.

Экспериментально показано, что при демонстрации человеку неопределенных зрительных стимулов количество стимулов, ассоциируемых с пищей, нарастает по мере усиления голода. Это правило справедливо не только для биологических потребностей типа голода или жажды, но имеет универсальный характер: непосредственно не контролируемая сознанием интуиция всегда работает на потребность, доминирующую в иерархии потребностей данной личности. Зависимость интуиции от главенствующей потребности (материальной, социальной, познавательной и т. д.), устойчиво доминирующей в системе мотивов данного субъекта, необходимо учитывать в сфере профессионального отбора и практики воспитания. Без выраженной потребности познания (ньютоновского «терпения думать об одном и том же») трудно рассчитывать на продуктивную деятельность в науке. Если решение научной проблемы является для субъекта лишь средством для достижения каких-то иных (например, социально престижных) целей, его интуиция будет генерировать гипотезы и идеи, связанные с удовлетворением соответствующих потребностей. Шанс на принципиально новое научное открытие в этом случае сравнительно невелик.

Ярким примером «канализации» психических мутаций актуальной потребностью могут служить сновидения. И. П. Павлов считал сновидения результатом хаотической, бессистемной деятельности больших полушарий головного мозга, т. е. совершенно случайными комбинациями нервных следов. Для З. Фрейда сновидения были вполне упорядоченным сообщением о вытесненных в подсознание неудовлетворенных влечениях и конфликтах, только сообщением, зашифрованным особым символическим кодом. Зная код, можно прочесть содержание сновидения, как любой другой текст. По-видимому, обе точки зрения неверны. Скорее всего, содержание сновидений лишь *вероятностно* определяется характером мотивационной до-

минанты, сообщающей содержательной стороне сновидений некоторую тенденцию, направление, в рамках которого следы комбинируются и варьируются достаточно случайно.

Может вызвать удивление тот факт, что человек длительное время сохраняет в памяти и передает другим людям психические мутации, соответствие которых действительности не только не получило подтверждения, но подчас весьма сомнительно. Мы имеем в виду «вещие» сны, предрассудки и заблуждения. Длительное сохранение такого рода мутаций в значительной мере определяется их социальным отбором; о чем специально речь пойдет ниже. Вместе с тем подобная живучесть напоминает биологический феномен конвариантной редупликации, т. е. наследование мутаций, их передачу следующим поколениям. По аналогии с этим феноменом длительное сохранение психических мутаций не только в памяти отдельного субъекта, но и в общем фонде культурного наследия имеет свою положительную сторону. Ведь иногда окончательная проверка жизнеспособности «безумной идеи», ее соответствия или несоответствия действительности требует достаточно продолжительного времени. Вот почему наряду с апробированными знаниями в общий объем интеллектуальных накоплений включаются и гипотезы, отвергаемые современниками.

Вторым фактором, канализирующим содержание психических мутаций, является вооруженность субъекта знаниями, навыками, впечатлениями и т. д. Совершенно очевидно, что гипотеза, приведшая к открытию периодического закона, не могла возникнуть у человека, не обладавшего знанием химических свойств и атомного веса элементов, хотя сам по себе этот запас знаний не гарантирует рождения гипотезы.

При крайней ограниченности наших знаний о нейрофизиологических основах творческой деятельности мозга можно указать на отдельные факты, заслуживающие внимания и дальнейшей разработки.

Большую роль здесь несомненно играет правое (у правшей) речевое полушарие мозга, связанное с оперированием чувственно непосредственными образами, с музыкальными и комбинаторными способностями. Свойство сновидений заменять абстрактные понятия конкретными (зрительными, слуховыми и т. д.) образами¹⁰ интеле-

¹⁰ *Майоров Ф. П.* Нервный механизм сновидений. JL: Наука, 1970, с. 111.

ресно сопоставить с наблюдениями исследователей творчества, показавшими, что в процессе обдумывания какой-либо теоретической проблемы ученые нередко склонны временно заменять отвлеченные понятия их чувственно наглядными моделями. «На первой стадии рождения новой идеи, — пишет математик Ж. Адамар, — многие используют расплывчатые образы, а не мышление в словах и точных алгебраических знаках»¹¹. С этим наблюдением согласен психолингвист Р. Якобсон: «... внутренняя мысль, особенно когда это мысль творческая, охотно использует другие системы знаков, более гибкие и менее стандартизированные, чем речь, и которые оставляют больше свободы, подвижности творческой мысли»¹². Отмеченное нами сходство сновидений с творческим актом отнюдь не означает, что открытия делаются во сне: единичные случаи таких открытий — скорее исключение, чем правило. Например, 69 опрошенных математиков сообщили, что они никогда не видели математических снов¹³.

Принципиально важным для понимания нейрофизиологических основ творчества является механизм доминанты, описанный А. А. Ухтомским, способность доминантного очага возбуждения придавать явлениям действительности и их следам объективно не присущее им значение, например значение сигналов опасности, какими на самом деле они не являются. Нейрофизиологические механизмы доминанты практически совпадают с первоначальной стадией генерализации условного рефлекса, о которой говорил Павлов в приведенном нами высказывании¹⁴. В случае затруднений с удовлетворением какой-либо потребности по мере роста эмоционального напряжения нередко наблюдается феномен вторичной генерализации, т. е. обратный переход узкоспециализированного условного рефлекса в доминантное состояние. С этим феноменом мы познакомились на примере пищевых ассоциаций у голодного наблюдателя. Вторичная генерализация, столь характерная для деятельности эмоционально возбужденного мозга, напоминает дестабилизирующее влия-

¹¹ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Сов. радио, 1970, с. 79.

¹² Цит. по: Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики, с. 92.

¹³ Там же, с. 13.-

¹⁴ Павлыгина Р. А. Доминанта и условный рефлекс на стадии генерализации. — Журн. высш. нерв. деятельности, 1973, т. 23, № 4, с. 687,

ние эмоционального стресса в процессе эволюции. По мнению Д. К. Беляева, эмоциональный стресс усиливает разнообразие, с которым оперирует естественный отбор, и тем самым ускоряет эволюцию¹⁵.

Длительно сохраняющийся, устойчивый очаг возбуждения может привести к повышенному содержанию в тканях мозга норадреалина, который в свою очередь способен повысить чувствительность синаптических мембран нервных клеток к ацетилхолину. В результате произойдет замыкание временных нервных связей — не благодаря сочетанному во времени действию внешних стимулов, а первично, «изнутри». Другой возможный механизм первичного замыкания предположил А. И. Ройтбак¹⁶. Мощный очаг возбуждения будет сопровождаться накоплением межклеточного калия, под влиянием которого активируется миелинизация аксонных окончаний, и ранее неэффективные синапсы станут эффективными. Таким образом, гипотеза о возможности первичного замыкания временных нервных связей в принципе не противоречит данным современной нейрофизиологии.

Для психофизиологии творчества важны и функции гиппокампа — отдела мозга, регулирующего поток информации, извлекаемой из памяти. Структуры гиппокампа обладают высокой чувствительностью к действию химических галлюциногенов с характерными для них причудливыми сочетаниями зрительных и слуховых образов. Весьма вероятно, что именно на уровне гиппокампа мотивационное возбуждение оказывает влияние на количество и качество извлекаемых из памяти энграмм, участвуя в формировании сновидений, а в состоянии бодрствования — в генерировании психических мутаций. Не случайно лишение так называемого быстрого сна сказывается у людей на решении творческих задач типа теста Роршиха, а доля быстрого сна у спящего человека возрастает в ситуациях, требующих творческого подхода к решению стоящих перед человеком проблем и мотивационных конфликтов¹⁷.

¹⁵ Беляев Д. К. Некоторые генетико-эволюционные проблемы стресса и стрессированности. — Вестн. АМН СССР, 1979, № 7, с. 9; Он же. О некоторых факторах эволюции гоминид. — Вопр. философии, 1981, № 8, с. 69.

¹⁶ Ройтбак А. И. К вопросу о бессознательном с точки зрения нейроглиальной гипотезы образования временных связей. — В кн.: Бессознательное. Тбилиси: Мещниереба, 1978, т. 1, с. 606.

¹⁷ Ротенберг В. С. Активность сновидений и проблема бессознательного. — В кн.: Бессознательное. Тбилиси: Мещниереба, 1978, т. 2, с. 99.

Изменчивости хранящихся в памяти следов способствует избыточность энграмм — свойство мозга фиксировать и те детали внешнего стимула, которые не представляются актуальными, приспособительно значимыми в момент восприятия. Такое запоминание «впрок», «на всякий случай» резко повышает детерминирующий потенциал прошлого опыта, нацеливая его на прагматически неопределенное будущее¹⁸.

Итак, психические мутации — принципиально новые модификации хранящихся в памяти энграмм, их комбинации, непосредственно не вытекающие из ранее накопленного субъектом опыта (включая присвоенный им опыт других людей), — представляют тот исходный материал, который подлежит последующему отбору. Этот отбор осуществляет социально детерминированное сознание человека, вначале путем сопоставления гипотезы с имеющимся знанием, а затем благодаря критерию практики — экспериментальной, производственной и общественной в самом широком смысле слова.

Отбор. В процессе биологической эволюции наблюдаются две разновидности выживания: благодаря лучшей адаптированности к среде каждой отдельной особи и с помощью высокой плодовитости. Последняя форма не обязательно связана с лучшей защищенностью. В сфере творчества отбору по приспособленности, по-видимому, соответствует отбор психических мутаций, адекватных объективной действительности, т. е. гипотез и догадок, выдержавших сопоставление с этой действительностью. Но жизнеспособными могут оказаться и такие мутации, которые не имеют своего реально существующего эквивалента: бог, черт, Земля, покоящаяся на слонах, телепатия, телекинез и т. д. Удовлетворяя ту или иную человеческую потребность в упорядочивании представлений об окружающем мире, в канонизировании социальных норм и т. д. такого рода мутации-мифы приобретают широкое распространение и за отсутствием подлинных знаний о мире передаются от поколения к поколению, овладевая сознанием множества людей.

Наличие обостренной потребности объясняет стремительное распространение (копирование, тиражирование, своеобразную «плодовитость») всякого рода слухов, псевдонаучных сенсаций и домыслов, в то время как подлин-

¹⁸ Кругликов Р. И. Детерминизм и память. — *Вопр. философии*, 1980, № 6, с. 145.

ные открытия, родившиеся из гипотез, подтвержденных тщательной проверкой, могут длительное время оставаться достоянием узкого круга специалистов. Только претворившись в технологию, в новые способы производства, открытия и изобретения входят в жизнь широких масс населения, становятся общеизвестными.

Имеют свою аналогию и такие типы отбора, которые в биологии получили наименование направленного, стабилизирующего и дизруптивного отбора. Направленный отбор наблюдается при изменении среды или при адаптации к вновь освоенной среде, когда элиминируются наименее приспособленные особи с присущей им наследственностью. Такой тип отбора гипотез имеет место в случае определившегося и кажущегося достаточно перспективным направлением поиска отсутствующих решений. Сознание будет исходно отбрасывать предположения, далекие от господствующего круга идей.

Когда популяция хорошо приспособлена к среде, стабилизирующий отбор удаляет крайние вариации, возникающие в результате мутаций, потока генов, расщепления и рекомбинации. Так относится к психическим мутациям догматическое сознание, ориентированное на сохранение сложившихся представлений.

При дизруптивном отборе в полиморфной популяции, осваивающей неоднородную среду обитания, адаптивную ценность представляют именно крайние варианты изменчивости, а наименее ценны «усредненные» особи. Подобный тип отбора характерен для творческого процесса, где возникшая проблема не находит сколько-нибудь готовых предпосылок ее разрешения. Требуется поистине «безумные идеи», крайние варианты психического мутагенеза.

В процессе биологической эволюции индивидуально приобретаемая (фенотипическая) пластичность задерживает выбраковку и обеспечивает популяции время, необходимое для появления новых генетических вариаций (мутаций), т. е. время для генетической реакции на изменившиеся условия среды. Нечто подобное мы находим и в сфере творчества. Модификации, уточнения, подновление старых теорий, способов производства и социальных норм продолжается до тех пор, пока появление принципиально новых гипотез не приведет к качественному скачку в творческом и практическом освоении изменяющейся действительности.

Ограничения. Биологическая эволюция предполагает диалектически противоречивое сочетание тенденций из-

менчивости и стабилизации. Сохранению вида способствуют специальные изолирующие механизмы: внешние (изоляция видов во времени и пространстве, экологическое и механическое препятствие к скрещиванию) и внутренние (несовместимость, нежизнеспособность гибридов, их стерильность и разрушение). Функция этих механизмов состоит в том, чтобы удерживать свободное скрещивание и создание рекомбинаций в пределах, полезных в приспособительном отношении.

Нечто подобное мы находим и в области творчества, где специальные механизмы удерживают генерирование психических мутаций в пределах, не позволяющих творческому процессу превратиться в слепое угадывание или психопатологию. Эти механизмы также можно разделить на внешние и внутренние. К разряду внешних ограничителей следует отнести влияние традиций и достигнутого уровня мыслительной деятельности. Как мы уже писали выше, хотя сознание непосредственно не вмешивается в процесс психического мутагенеза, оно оказывает опосредствованное влияние на этот процесс формулировкой вопросов, подлежащих разрешению.

Не менее эффективны и механизмы внутренней защиты. Если нарастание пищевой потребности на первых этапах ведет к увеличению пищевых ассоциаций при экспозиции субъекту неопределенных зрительных стимулов, то после суточного голодания количество таких ассоциаций уменьшается. Иными словами, здесь включается механизм, который препятствует беспочвенным фантазиям и ориентирует субъекта на анализ реальной действительности, способный привести к удовлетворению имеющейся у него потребности¹⁹. Наличие контролирующих психические мутации механизмов выступает особенно наглядно при сопоставлении гипотез ученого или замыслов художника с содержанием сновидений, не говоря уже о бреде и галлюцинациях больного мозга. Хотя тема «гений и безумство» занимала умы на протяжении столетий, сегодня совершенно очевидно качественное различие между озарением здорового творческого мышления и психопатологией. Искусством может быть только то, что духовно здорово, утверждал Ван Гог. «Творить, — по мнению А. Пуанкаре, — это означает не создавать бесполезных комбина-

¹⁹ *Levine R., Chein I., Murphy G.* The relation of the intensity of a need to the amount of perceptual distortion. — *J. of Psychology*, 1942, vol. 13.

ций, а создавать полезные, которых ничтожное меньшинство... Бесплодные комбинации даже не придут в голову изобретателю. В поле зрения его сознания попадают лишь действительно полезные комбинации и некоторые другие, имеющие признаки полезных, которые он затем отбросит»²⁰.

Приведенное высказывание не следует понимать буквально. Творчество — это отнюдь не сплошные озарения и успехи. Достаточно вспомнить работу выдающихся ученых, предшествовавшую открытию, черновики великих писателей, эскизы художников и зодчих, чтобы понять, сколь невелик процент «полезных комбинаций» по сравнению с «тысячами тонн словесной руды», о которых говорил Маяковский. Мы процитировали А. Пуанкаре лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что деятельность сверхсознания (интуиции, психического мутагенеза) — не калейдоскоп, не бросание орла и решки, но процесс неосознаваемого поиска, имеющий свои, пока что неведомые нам правила рекомбинирования ранее накопленного опыта.

Не менее существенна разница между догадками дилетанта и творческими гипотезами профессионала, хотя дилетант порой и может нащупать верный путь к решению проблемы. И снова здесь напрашивается аналогия с биологической эволюцией. Примитивные организмы элиминируются хищниками неизбирательно, поэтому их эволюция протекает очень медленно. Сложные организмы, способные к активному расселению и сопротивлению, к быстрому бегу, элиминируются избирательно в зависимости от эффективности их действий, благодаря чему они эволюционируют гораздо быстрее. Здесь возникают сложные обратные связи организма со средой, которые влияют на направление филогенеза и ускоряют его течение²¹. Надо ли говорить, что ход порождения гипотез, их отбор и выдвижение новых идей протекают у талантливого и вооруженного знаниями профессионала совершенно в иных временных интервалах, чем более или менее случайное угадывание даже одаренного дилетанта.

²⁰ Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Сов. радио, 1970, с. 137.

²¹ *Гиляров М. С.* Некоторые методологические проблемы теории эволюции в биологии. — В кн.: Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М.: Наука, 1981, вып. 1, с. 125.

Прогресс. Новые формы живых существ появляются преимущественно в изолированных периферических популяциях, отделившихся от свободно скрещивающейся предковой популяции. Возникновение новых крупных биологических групп совпадает, как правило, с занятием этой группой ранее не освоенных адаптивных зон. Этот процесс чрезвычайно напоминает те благоприятные условия для порождения и развития новых идей, которые складываются в немногочисленных, как бы изолированных от господствующих научных представлений группах исследователей. Примером такой «дочерней популяции» может служить, скажем, «Копенгагенский кружок» физиков или школа Павлова при жизни своего основателя. Связь появления новых групп живых существ с занятием новой адаптивной зоны сопоставима с бурным развитием оригинальных научных идей на «свободных территориях», в том числе в зонах, граничащих с различными отраслями знаний (биофизика, молекулярная биология, кибернетика и т. д.).

Наиболее важным признаком прогресса в органической эволюции считается способность управлять средой, что ведет к уменьшению зависимости от ее изменений. Нарастающая специализация не может быть признана критерием прогресса, потому что она препятствует освоению новых сред и часто заканчивается тупиком. «Прогрессивная эволюция слагается из приспособлений к ряду последовательных сред, все более отдаляющихся от первоначальной среды, в которой обитали предки»²². Прогресс есть «постепенное завоевание сред». Это определение В. Гранта почти текстуально воспроизводит идеи В. И. Вернадского и А. А. Ухтомского. После возникновения того, что Вернадский назвал ноосферой, освоение окружающего пространства приобретает не только физический, но и интеллектуальный характер: так наука осваивает глубины Вселенной, физически недостижимые для человека.

Рассматривая эту тенденцию на уровне потребностей, инициирующих индивидуальное поведение, А. А. Ухтомский считал, что основной тенденцией в развитии мотивов является экспансия в смысле овладения средой во все расширяющихся пространственно-временных масштабах (хронотопе), а не редукция как стремление к «защите» от среды, уравновешенности с ней, разрядке внутреннего

²² Грант В. Эволюция организмов. М.: Мир, 1980, с. 351.

напряжения²³. Таким образом, освоение окружающего мира в свете идей Вернадского—Ухтомского включает в себя: 1) физическое заселение путем роста и размножения (место в геосфере); 2) необходимость занимать определенную позицию среди других живых существ своего и чужих видов (место в биосфере, которое на уровне человека становится местом в социосфере); 3) интеллектуальное освоение мира путем присвоения уже имеющихся культурных ценностей и познания неизвестного предшествующим поколениям (место в ноосфере). Эта тенденция *развития* («потребности роста» — по терминологии западных авторов) может реализоваться только благодаря ее диалектическому единству со способностью к *сохранению* живых систем и результатов их деятельности, благодаря удовлетворению «потребностей нужды».

О самодетерминации поведения и творчества. Процесс самодвижения живой природы предстает как диалектически противоречивое единство тенденций самосохранения и саморазвития. Признавая наличие самодвижения, саморазвития и самосохранения, мы тем самым предполагаем и факт самодетерминации этого развития, поскольку в противном случае его «самость» теряет смысл. Однако большинство авторов считает самодетерминацию свойством, присущим только высшим и наиболее сложным живым существам. «Свободный выбор, — пишет Д. И. Дубровский, — ... это особый тип детерминации — *самодетерминация*, присущая определенному классу высокоорганизованных материальных систем»²⁴. Современное естествознание знает два источника детерминации поведения живых существ. Это — либо врожденные формы поведения, детерминированные процессом филогенеза, либо индивидуально приобретенный опыт, детерминированный влиянием внешней (для человека — прежде всего социальной) среды, т. е. воспитанием в широком смысле. Откуда же берется, что из себя представляет загадочное «третье», дающее основание говорить о *самодетерминации*?

Оно исчезает, как только исследователь пытается сколько-нибудь детально обсудить вопрос об источниках самодетерминации. В качестве примера приведем рассуждение Р. Сперри — одного из первооткрывателей функцио-

²³ Ярошевский М. Г. А. А. Ухтомский и проблема мотивации поведения. — *Вопр. психологии*, 1975, № 3, с. 15.

²⁴ Дубровский Д. И. *Информация, сознание, мозг*. М.: Высш. шк., 1980, с. 210.

нальной асимметрии головного мозга. «Принятие решений человеком не индетерминировано, но самодетерминировано. Каждый нормальный субъект стремится контролировать то, что он делает, и определяет свой выбор в соответствии со своими собственными *желаниями*... Самодетерминанты включают ресурсы *памяти*, накопленные во время предшествующей жизни, систему ценностей, врожденных и приобретенных, плюс все разнообразные психические факторы осознания, рационального мышления, интуиции и т. п.»²⁵. Но ведь и память, и структура потребностей («желаний»), присущих данной личности, *детерминированы*, как признает сам Сперри, врожденными задатками и «предшествующей жизнью». При чем же здесь «самодетерминация»?

Считается, что поведение является тем более самодетерминированным (т. е. свободным), чем лучше и полнее познаны объективные законы действительности. Но ведь в случае познания объективных законов поведение начинает *детерминироваться* этой познанной необходимостью. Познанная необходимость определяет и *выбор* поступка, действия, принимаемого решения. Какая уж тут «самодетерминация» и «свобода выбора»!

Мы полагаем, что в основе самодетерминации лежит универсальное для всего живого, хотя и *качественно различное* по своим конкретным проявлениям, сочетание первичной вариабельности, изменчивости исходного материала (мутации, рекомбинации генов, модификация и рекомбинирование хранящихся в памяти следов) с вторичным действием отбора. На биологической стадии развития живой природы этот отбор предстает как естественный (а затем и искусственный) отбор, открытый Дарвином. На уровне творческой деятельности человека речь идет об отборе гипотез, предположений и других результатов рекомбинированного сверхсознанием опыта путем их сопоставления с реальной действительностью, с многообразными потребностями человеческих обществ.

Важно подчеркнуть, что изменчивость и отбор существуют не изолированно друг от друга, но будучи взаимообусловлены сложнейшей системой обратных связей. Мы уже ссылались на М. С. Гилярова, показавшего некоторые из этих связей в сфере биологической эволюции. Роль подобных связей резко возрастает и приобретает

²⁵ S perry R. W. Mind-brain interaction: Mentalism, yes; dualism, no. — Neuroscience, 1980, vol. 5, N 2, p. 200.

новое качество в сфере творческой деятельности человека. Здесь социально детерминированные человеческие потребности, с одной стороны, выполняют отбирающую функцию, поскольку ценность новой информации определяется через ее способность повышать вероятность удовлетворения этих потребностей. С другой стороны, именно актуализированная потребность и сопровождающие ее эмоции оказываются фактором, побуждающим и канализирующим деятельность интуиции (сверхсознания).

Впрочем, аналогичную ситуацию мы находим и в сфере эволюции, где, по данным академика Д. К. Беляева, эмоциональный стресс одновременно представляет собой и фактор отбора (например, по стрессоустойчивости), и фактор, усиливающий разнообразие подлежащего отбору генетического материала.

В самом начале раздела мы подчеркнули, что мысль о сходстве фундаментальных принципов, лежащих в основе биологической эволюции и эволюции культуры — творческой деятельности человеческого мозга, высказывали многие авторы. В чем мы видим наш собственный вклад в развитие этой идеи, имеющей непосредственное отношение к проблеме человеческой индивидуальности? Прежде всего, в утверждении о том, что механизмы сверхсознания обслуживают потребность, *главенствующую* в структуре мотивов данной личности. Творческая активность порождается недостаточностью для субъекта существующей нормы удовлетворения этой потребности. Интуиция непреложно работает на доминирующую потребность, и бессмысленно ждать озарений на базе второстепенного для субъекта мотива. Следовательно, формирование социально ценной творческой личности начинается с формирования достаточно сильной социально ценной потребности. Тренировка «творческого мышления», «творческого труда», развитие так называемой «креативности» сами по себе ничуть не лучше воспитания «эмоционально богатой» личности безотносительно к характеру ее потребностей.

Далее. Интуиция (сверхсознание) включается там, где мотивационная доминанта встречается с информационным дефицитом, с разрывом логической цепи мышления и действий. Вот почему игровая деятельность детей с их познавательными доминантами и чрезвычайно слабой «вооруженностью» сознания оказывается периодом интенсивной тренировки механизмов интуиции, где озарения, догадки и открытия следуют буквально друг за другом. Не зря

говорят, что творческие личности — это люди, сохранившие в себе черты детства с его изумлением перед окружающим миром и свежестью взгляда, не отягощенного мыслительными стереотипами и готовыми решениями. По мере взросления происходит обогащение как сознания (вполне осознаваемого опыта), так и подсознания, т. е. совокупности вторично неосознаваемых, автоматизированных навыков и умений. На определенном этапе у сверхсознания (творческой интуиции) появляется возможность непосредственного использования опыта, хранящегося в подсознании. «Творческая личность, — утверждает американский психолог Л. С. Кьюби, — это такая, которая некоторым, еще случайным образом сохраняет способность использовать свои подсознательные функции более свободно, чем другие люди, которые, быть может, потенциально являются в равной мере одаренными» 26 .

Далее. Широкий эволюционный подход к природе сверхсознания подтверждает справедливость неоднократно высказывавшихся предупреждений о бессмысленности попыток прямого волевого вмешательства в механизмы творчества. Отвергая продуктивность и саму возможность подобного вмешательства, К. С. Станиславский настаивал на существовании косвенных путей сознательного влияния на эти механизмы. Инструментом подобного влияния служит профессиональная психотехника артиста, призванная решать две задачи: готовить почву для деятельности подсознания и не мешать ему. «Предоставим же все подсознательное волшебнице природе, а сами обратимся к тому, что нам доступно, — к сознательным подходам к творчеству и к сознательным приемам психотехники. Они прежде всего учат нас, что, когда в работу вступает подсознание, надо уметь не мешать ему» 27 . Именно создание условий, оптимальных для неосознаваемой творческой деятельности, является объектом того научного анализа, который способен вооружить художественную практику искусства, причем «чем гениальнее артист . . . тем нужнее ему технические приемы творчества, доступные сознанию, для воздействия на скрытые в нем тайники подсознания, где почиет вдохновение» 28 .

«Как у актера возникает и формируется сценический образ, можно сказать только приблизительно, — утвер-

²⁶ Цит. по: Ярошевский М. Г. Психология науки. — Вопр. философии, 1967, № 5, с. 85.

²⁷ Станиславский К. С. Собр. соч. М.: Искусство, 1954, т. 2, с. 24

²⁸ Станиславский К. С. Собр. соч., т. 1, с. 406.

ждал Ф. И. Шаляпин. — Это будет, вероятно, какая-нибудь половина сложного процесса — то, что лежит по ту сторону забора. Скажу, однако, что сознательная часть работы актера имеет чрезвычайно большое, может быть, даже решающее значение — она возбуждает и питает интуицию, оплодотворяет ее... Какие там осенят актера вдохновения при дальнейшей разработке роли — это дело позднейшее. Этого он и знать не может, и думать об этом не должен, — придет это как-то помимо его сознания; никаким усердием, никакой волей он этого предопределить не может. Но вот от чего ему оттолкнуться в его творческом порыве, это он должен знать твердо. Именно знать. То есть сознательным усилием ума и воли он обязан выработать себе взгляд на то дело, за которое он берется»²⁹.

Говоря о неосознаваемых этапах художественного творчества, Станиславский использовал два термина: «подсознание» и «сверхсознание». По мысли Станиславского, «истинное искусство должно учить, как сознательно возбуждать в себе бессознательную творческую природу для сверхсознательного органического творчества»³⁰. В трудах Станиславского нам не удалось найти прямого определения понятий под- и сверхсознания. Тем не менее мы убеждены, что введение категории сверхсознания — не случайная вольность изложения, но необходимость, продиктованная представлением о сверхзадаче.

Поскольку искусство есть разновидность деятельности познания, ключевым моментом этой деятельности оказывается открытие, где роль гипотезы играет феномен, названный К. С. Станиславским сверхзадачей. «Подобно тому, как из зерна вырастает растение, — писал Станиславский, — так точно из отдельной мысли и чувства писателя вырастает его произведение. .. Условимся ... называть эту основную, главную, всеобъемлющую цель, притягивающую к себе все без исключения задачи ... сверхзадачей произведения писателя»³¹.

Сверхзадача характеризуется следующими чертами.

1. Будучи тесно связана с мировоззрением художника, с его гражданской позицией, сверхзадача нетождественна им, поскольку является эстетической категорией, специфическим феноменом художественной деятельности.

²⁹ Шаляпин Ф. И.: Сборник. В 2-х т. М., 1957, т. 1, с. 287—288.

³⁰ Станиславский К. С. Собр. соч., т. 1, с. 406.

³¹ Там же, т. 2, с. 332.

2. Определить сверхзадачу словами можно только приблизительно, потому что в целом она непереводаима с языка образов на язык понятий. Отсюда проистекает множественность (практически неисчерпаемость) толкований сверхзадачи одного и того же произведения.

3. Процесс нахождения, открытия сверхзадачи протекает в сфере неосознаваемой психической деятельности, хотя путь к этому открытию, равно как и последующая оценка его эстетической, философской, общественной значимости, характеризуется активным участием сознания.

Хотя сверхзадача художественного произведения не поддается исчерпывающему логическому истолкованию, хотя восприятие сверхзадачи оказывается различным у разных людей (слушателей, читателей, зрителей), в этом восприятии безусловно присутствует нечто общее, сходное для всех, адресованное скорее сверхсознанию зрителя, чем его сознанию, понимаемому как рациональное мышление. Воспринимая произведения искусства, зритель, читатель, слушатель тренируют свое сверхсознание. В метафорическом строе произведения они обнаруживают вопросы, проблемы, загадки, требующие ответа. Но ответа, не известного ранее, а нового, еще незнакомого сознанию, не бытовавшего в данной общественной среде. Самостоятельно найдя такой ответ, люди познают неизвестное им до этого, открывают для себя истину, которая подлежит последующему размышлению, сопоставлению с наличным знанием и включению в сферу сознания.

Так искусство служит удовлетворению исходной человеческой потребности познания. Общественный спрос свидетельствует об успешности этого служения. Но познание, которое дает потребителю искусство, своеобразно, — оно подобно познанию практическому, тем знаниям, которые человек приобретает сам, своими собственными путями, о которых говорят: «своим умом дошел». Такие знания не всегда и не полностью переходят в сознание, но они отличаются большей прочностью, чем знания, усвоенные теоретически или путем подражания. Адресуясь к сверхсознанию человека, они формируют в читателе, зрителе, слушателе те свойства и качества, доступ к которым наиболее сложен и труден.

Трехуровневая структура психики — подсознание, сознание и сверхсознание — может рассматриваться как еще один *параметр индивидуальности*, поскольку у разных людей активность этих трех инстанций выражена далеко не в одинаковой степени. Мы уже упомянули об особой

активности сверхсознания у детей на определенном этапе онтогенетического развития. Следует специально оговорить, что сверхсознание в нашем понимании не имеет ничего общего с представлением З. Фрейда о «Сверх-Я». «Сверх-Я» Фрейда — это совокупность социально детерминированных норм (запретов, велений, предписаний), усвоенных субъектом и вторично перешедших в сферу неосознаваемого психического. Конфликт между «Оно» и «Сверх-Я» у Фрейда есть конфликт между биологическими влечениями и социальными нормами их удовлетворения. Что же касается сверхсознания, то оно нередко функционирует в зоне конфликта между социальными и идеальными потребностями, между существующими нормами и необходимостью их изменения, совершенствования, возвышения в связи с успехами познавательной деятельности человека.

Каждый человек обладает индивидуальной структурой трех уровней психики. Все они входят в его вооружение, обеспечивающее удовлетворение потребностей и их возвышение в процессе исторического развития человечества. Все три уровня развиваются, обогащаются и тренируются, начиная с раннего детства. Сверхсознание тренируется игрой, а затем — искусством. Сознание обогащается в процессе обучения, а потом — образованием и мышлением. Подсознание «наполняется» посредством подражания, а позднее — практическим опытом, который контролируется сознанием.

РЕФЛЕКС ЦЕЛИ ПАВЛОВА, ДОМИНАНТА УХТОМСКОГО И СВЕРХЗАДАЧА СТАНИСЛАВСКОГО

Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место.

А. Пушкин

Эти три понятия, как и эниграф, взятый из «Пиковой дамы», говорят об одном и том же, но в каждом случае в них содержится нечто свое. Наиболее универсально понятие «доминанта». Это — потребность, главенствующая над всеми, с нею сосуществующими, наиболее сильная, актуальная, диктующая поведение в данное время и в данной ситуации. «Сверхзадача» по Станиславскому —

главная задача сценической жизни образа, подчиняющая себе все частные задачи, составляющие эту жизнь. «Сверх-сверхзадача артиста» — главная задача всей его художественной артистической деятельности. По Станиславскому, сверх-сверхзадачей определяется в решающей мере и дарование, и профессиональная вооруженность, и продуктивность деятельности артиста. «Рефлекс цели» по Павлову — наличие именно такой, объединяющей все потребности, настойчиво преследуемой цели. Пушкин описал такого рода целенаправленность в образе Германа в «Пиковой даме». Подобную целеустремленность воспроизводил и Ст. Цвейг, например, в рассказе «Амок». Достоевский создал обширную галерею людей, одержимых целью, поглощающей всю их жизнь.

Впрочем, и в окружающей нас жизни нетрудно заметить, что любой человек значителен в той мере, в какой он поглощен значительной целью и сколь реально, а следовательно, и продуктивно его стремление к этой цели. Поглощающую человека целеустремленность мы будем называть по Ухтомскому — доминантой. Обращение к ней исследователей человеческой природы — ученых и писателей — не случайно. Но не случайно и разнообразие в употреблении этого центрального понятия. Станиславский был озабочен содержательностью и выразительностью художественных образов. Его «сверх-сверхзадача» — это своеобразная *доминанта всей жизни*. На разных этапах жизненного пути она наполнена различным содержанием. В раннем детстве она сводится к биологическим потребностям, к потребности в вооружении, в игре, в преодолении препятствий. Потом созревают социальные и идеальные потребности, причем последние достигают максимальной силы в юношеском возрасте. Затем наступает некое равновесие с доминированием в большинстве случаев потребностей социальных, различных по конкретному содержанию и силе, что в наибольшей степени и характеризует их обладателя. Вместе со старением человека доминанта его жизни претерпевает некоторые изменения, а затем, в дряхлости, вероятно, происходит обратная эволюция — возврат к биологической доминанте и постепенное угасание потребностей. Разумеется, так можно себе представить только самую грубую схему «доминанты жизни», или сверх-сверхзадачи по Станиславскому.

Доминанту Ухтомского можно назвать «ситуационной доминантой». Как бы ни был человек поглощен доминантой жизни, окружающие обстоятельства могут совершенно

отвлечь от нее и на какое-то время полностью поглотить человека. Так бывает, когда человек сильно проголодался, замерз, заболел, когда заболел кто-то из близких, когда с ним самим или с кем-то из близких случилось несчастье. Так бывает с влюбленными в случае сильных, хотя бы и мимолетных, увлечений. Граница между «доминантой жизни» и «доминантой ситуации» становится расплывчатой. Человек может ошибочно принять вторую за первую. Но ситуация изменяется, и увлечение остывает. Доминанта ситуации уступает место либо доминанте жизни, либо другой ситуативной доминанте. Если сменяющие друг друга доминанты оказываются связанными в единую цепь, мы имеем перед собой уже не ситуационные доминанты, а доминанту жизни с ее различными трансформациями. Так ученый может переходить в своих исследованиях от одной проблемы к другой, но все они образуют единый главный предмет его интересов. Так переходит от одного произведения к другому художник, развивая разные стороны единой темы, разные подходы к ней. Но так же и карьерист сменяет одну должность в любом учреждении на другую с единственной целью восхождения по ступеням служебной лестницы к ее вершине.

Доминанта жизни выявляется в контексте ситуационных доминант. В них она трансформируется подчас до неузнаваемости. Что именно связывает их воедино? Это зависит от содержания доминанты жизни. Сколь часто и какие по содержанию ситуационные доминанты отвлекают человека от его доминанты жизни? Это зависит от силы каждой из них и от силы доминанты жизни. Подобные вопросы могут быть продолжены. Например: какое место в ситуационных доминантах занимает потребность в вооружении? Какие из них биологические? Какие идеальные? В результате взаимодействия доминанты жизни с текущими ситуативными доминантами формируется «практическая доминанта», непосредственно определяющая поведение. Она лежит в основе поступков каждого наблюдаемого нами человека и каждого поступка нас самих. Это — та самая доминанта, которую Павлов назвал «рефлексом цели». В качестве иллюстрации Павлов приводит страсть коллекционирования, понимая ее в самом широком смысле: йюбой человек что-то коллекционирует — вещи, деньги, знания, знакомства, признаки уважения и т. п.

Некоторые из практических доминант совершенно сли-

ваются с доминантой ситуации, некоторые — ближе к доминанте жизни или даже совпадают с нею. Практическую доминанту можно назвать равнодействующей двух сил — двух доминант, каждая из которых влечет ее к себе, конкурируя с другой. Можно, впрочем, сказать и так: любого человека от доминанты жизни отвлекает доминанта ситуации. Какая? Когда? В какой мере? Насколько сильно и насколько далеко?

Все эти вопросы касаются местонахождения практической доминанты среди двух исходных. Вопросы могут быть поставлены и в обратном порядке: если от ситуационных доминант что-то отвлекает человека, то как часто это происходит? В каких именно жизненных условиях? Что из себя представляет это «что-то»? В ответах мы получим красноречивую и объективную характеристику данного человека.

Если потребности человека обнаруживаются в его эмоциях, то индикатором практической доминанты служит деятельность сверхсознания. Доминирующая потребность мобилизует все наличные возможности человека, всю его вооруженность. Если при этом не используется сверхсознание (а оно включается в работу произвольно), то это означает, что доминанта либо не задета, либо она слаба. Как правило, поиск решения (удовлетворения потребности) сначала ограничивается деятельностью сознания и подсознания. Но по мере того, как на пути к удовлетворению доминанты возрастают все новые препятствия, стремительно возрастают и усилия. Все более мобилируются резервы, которыми располагает сознание, начиная с оправдавших себя ранее средств. Потом человек переходит к редко или даже впервые применяемым способам, к обдумыванию ситуации, к поискам новых средств, к предположениям, к догадкам: начинает работать интуиция. Такая постепенная мобилизация усилий есть следствие экономии сил. Если энергетический импульс потребности силен, то сверхсознание способно подсказать интуитивное решение. Его продуктивность определяется степенью вооруженности. При любой вооруженности человека нам важно понять, в каких делах он наиболее догадлив, проявляет находчивость, интуицию, подлинное дарование? Где интуиция, там доминанта.

Но сверхсознание обслуживает практическую доминанту, не только предлагая решения, происхождение которых не поддается сознанию. Эту деятельность сверхсознания можно назвать *позитивной*, и именно она в наиболь-

шей степени зависит от вооруженности субъекта. Существует и *негативное* сверхсознание. Его функция — отбрасывать прочь заботы, мысли, побуждения, соблазны — все, что может помешать позитивной работе, отвлечь от нее, занять время, рассредоточить внимание. Негативное сверхсознание работает несравненно больше и чаще, чем представляется на первый взгляд. Оно предшествует позитивной работе и выполняет сугубо служебную роль, а потому нередко остается в тени, проявляясь всего лишь в характере выполнения отдельных действий.

Как только в действиях человека появляются небрежность, неряшливость, а в диалоге — стремление отделаться от собеседника, мы можем с уверенностью констатировать работу негативного сверхсознания. В технологии актерского искусства известно специфическое словесное действие «отделяться». Его смысл таков: «пойми и отстань». Подразумевается: «я занят, ты мешаешь»¹. Хорошо воспитанный человек не позволяет себе «отделяться» от собеседника, не допускает и небрежность, неряшливость в поведении. Таковы нормы культуры. Они возникли, существуют и нужны именно потому, что вследствие стечения определенных обстоятельств сверхсознание человека в его негативном варианте порождает стремление освободиться от помех на пути к удовлетворению практической доминанты вопреки интересам окружающих. Нормы вежливости противостоят этому диктату и сдерживают его.

Негативное сверхсознание, подобно позитивному, обнаруживает практическую доминанту, но от обратного. Оно указывает на все, что чуждо доминанте, мешает, противоречит ей. Так, небрежность в выполнении работы указывает на незаинтересованность в ее плодах, неряшливость во взаимоотношении с человеком — об отсутствии интереса к нему. Значит, интересы субъекта, его практическая доминанта направлены в другую сторону. Какую? Об этом свидетельствует позитивное сверхсознание. Но негативное сверхсознание не только придает определенный характер поведению человека: доходя до крайних степеней остроты и силы, оно ведет к поступкам, только им продиктованным. В зависимости от принадлежности практической доминанты к той или иной сфере потребностей это обостренное негативное сверхсознание проявляется по-разному. В биологических и социальных потреб-

¹ Еришов П. М. Технология актерского искусства. М.: ВТО, 1959, с. 172—176.

ностях его деятельность начинается с небрежности: в биологических потребностях — к здоровью, в социальных — к делу, к работе, к нормам общественного поведения. Примерами крайних форм проявления негативного сверхсознания могут служить в сфере биологических потребностей — самоубийство, в сфере социальных — преступление, совершенное в запальчивости и раздражении. Идеальные потребности не вызывают отрицательных эмоций. Потребность познания удовлетворяется информацией, какова бы она ни была: в любом случае происходит прирост информированности. Вот почему негативное сверхсознание в ходе удовлетворения идеальных потребностей парадоксально связано с эмоциями положительными, с чувством юмора по отношению к собственным заблуждениям. Одним из убедительных проявлений практической доминанты является щедрое расходование сил, поскольку доминанта вынуждает преодолевать потребность в их экономии. Когда сверхсознание приводит к решению трудной задачи, этот момент переживается как положительная эмоция, порожденная удовлетворением потребности в экономии сил.

Представление о практической доминанте как синтезе доминанты жизни и многообразных ситуационных доминант способствует диагностике человеческих индивидуальностей и вносит дополнительную ясность в картину общих закономерностей человеческого поведения. Формирование, структурирование практической доминанты происходит у разных людей с различной степенью трудности. Ведь нужно связать и воплотить в конкретной цели поток поступающей извне информации с учетом собственной предынформированности, соотнести ее со всем множеством и разнообразием своих потребностей; мало того, все это нужно связать с доминантой жизни и с нормами удовлетворения потребностей, господствующими в данное время в данной среде. Но собственные потребности тоже не пребывают в неподвижности, да и веления норм бывают сложны и противоречивы. В результате формирования практической доминанты происходит почти непрерывно на протяжении всей жизни человека.

В процессе формирования практической доминанты происходит трансформация исходных потребностей субъекта в более или менее сложный набор конкретных мотивов, интересов и целей. В практической доминанте сознательное (осознаваемое, допускающее вербализацию) переплетается с неосознаваемым — подсознательным и сверх-

сознательным — позитивным и негативным. А чем занимается человек, *отдыхая*? Чем занят его *досуг*? Если на отдыхе все, связанное с практической доминантой, исчезает и забывается, то, вероятно, это — не доминанта (а если и она, то не практическая, а ситуативная). Практическая доминанта потому и является таковой, что человек расстаться с нею не может. Но отдых необходим, к нему побуждает исходная биологическая потребность экономии сил. Противоречие устраняется тем, что принято называть «хобби». Это — субдоминантная, но достаточно сильная потребность, далекая по содержанию от доминанты, но ценная именно своей отдаленностью: она обеспечивает отдых, который сам по себе увлекателен. Им может быть самодеятельное искусство, спорт или игры — трансформации потребности в вооружении.

Среди обстоятельств, препятствующих формированию практической доминанты, наиболее распространены: существование двух потребностей, равных по силе и с равной силой претендующих на господствующее положение; столкновение сильной потребности с господствующей нормой ее удовлетворения; столкновение самих этих норм, когда соблюдение одной важной для субъекта нормы неизбежно влечет за собою нарушение другой, не менее значительной. Такие и подобные им столкновения нередко берутся драматургами за основу драматической коллизии. Шекспир чаще всего воспроизводит столкновение ненасытности потребности с категоричностью норм ее удовлетворения. Островский обычно показывает столкновение несовместимых норм. Гоголя занимает логичность и алогичность норм, взаимосвязи сознания с под- и сверхсознанием.

ОТ ПОВЕДЕНИЯ К ЛИЧНОСТИ

Нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности. . . Наше время живет муками рождения этого нового метода. Он оплодотворит нашу жизнь и мысль стократно более, чем его прототип — метод Коперника.

*А. А. Ухтомский **

Индивидуальные особенности человека являются предметом исследования целого комплекса наук — генетики, физиологии, науки о высшей нервной деятельности, диф-

* Ухтомский А. Л. Письма. — Новый мир, 1973, № 1, с. 255.

ференциальной и социальной психологии, философии. Каждая из этих отраслей знания пользуется своими специфическими методами анализа. Это различие методов справедливо и для изучения самого главного, основного в личности — сферы ее потребностей и мотивов. Физиология высшей нервной деятельности (психофизиология) отдает предпочтение тем объективно регистрируемым сдвигам в организме, будь то колебания порогов восприятия или изменения электрической активности мозга, которые возникают при действии на субъекта значимых для него событий. А мы знаем теперь, что значимость внешних стимулов есть функция актуализированных потребностей, к которым эти стимулы адресуются. Психология пользуется главным образом системой специальных вопросников (тестов), призванных выявить реакции на те же стимулы в процессе повседневной жизни. Система тестов есть, в сущности, попытка упорядочить, формализовать и количественно обработать результаты самонаблюдения человека за своим поведением и эмоциональными реакциями на окружающее. Иногда вопросники обращены к другим лицам, наблюдающим поведение и реакции интересующего нас субъекта, к группе «компетентных судей». Как мы убедились выше, реальные знания, добытые на всех перечисленных направлениях, остаются весьма ограниченными.

Наше понимание других и самих себя в огромной мере достигается благодаря искусству, где уникальность и неповторимость человеческой личности представлена во всей ее жизненной достоверности. Вместе с тем результаты познания человека искусством принципиально непереводимы с языка художественных образов на язык формализованных понятий. Наука и искусство сосуществуют на правах своеобразной *дополнительности*, исключаяющей их *взаимозаменяемость*. Вот почему попытки заполнить непознанное наукой искусством (случай, нередкий в истории описательной психологии) оказываются дважды бесплодными: и для науки, и для искусства, умерщвляя живую ткань последнего абстракциями логического анализа.

И все же есть область, где достижения художественной практики и научная мысль вступают в непосредственный, взаимноплодотворный контакт. Это — область *технологии* художественной деятельности, область художественной педагогики, куда относится все то, что может быть осознано и передано другому в форме систематизированных знаний. Справедливость нашего утверждения

ярко иллюстрируется творческими поисками К. С. Станиславского.

Станиславский стремился найти сознательные «технические» пути к творческому сверхсознанию артиста, способному воплотить в поведении изображаемого лица «жизнь человеческого духа», подчиненную сверхзадаче, о которой мы писали выше. До Станиславского актерское искусство и театр вообще понимались как изображение («представление») страстей, темпераментов, характеров и т. д. Театральная практика выработала приемы их изображения, которые фиксировали и воспроизводили то общее, что присуще многим людям. Отсюда проистекала неизбежная условность этих приемов, их бессилие перед единичным, неповторимым и индивидуальным. Уникальность воссоздаваемой на сцене личности возникала только в игре особо одаренных актеров, причем не благодаря их профессиональным умениям, а, скорее, вопреки им.

Реформа Станиславского началась с отрицания условных приемов изображения отсутствующих страстей. Изображению он противопоставил существование, представлению — переживание, характеру; темпераменту и другим частным проявлениям личности — «жизнь человеческого духа», т. е. процесс жизни во всей ее полноте. Сегодня мы знаем, что движущей силой этой жизни являются потребности, их трансформации в производные, все более конкретные мотивы, в действия и поступки. Первоначально система Станиславского сводилась к «искусству переживания», к тому, чтобы актер не копировал внешние признаки эмоций изображаемого им лица, а стремился вызвать у себя аналогичные чувства. В этих целях был разработан целый комплекс приемов мобилизации внимания, воображения, памяти, мышления и других психических функций, призванных обеспечить нужное переживание. Однако позднее Станиславский пришел к решительному отказу от какой-либо заботы о чувствах. «Нельзя выжимать из себя чувства, — утверждал Станиславский, — нельзя ревновать, любить, страдать ради самой ревности, любви, страдания. Нельзя насиловать чувства, так как это кончается самым отвратительным актерским наигрыванием. .. Оно явится само собой от чего-то предыдущего, что вызвало ревность, любовь, страдание. Вот об этом предыдущем думайте усердно и создавайте его вокруг себя. О результате же не заботьтесь»¹. На смену

¹ Станиславский К. С. Собр. соч. М.: Искусство, 1954, т. 2, с. 51.

«искусству переживания» пришел «метод физических действий», который положил начало науке о театральном искусстве и открыл перспективу научно обоснованного театрального образования. В чем сущность и принципиальная новизна метода?

В естественном поведении человека действие, поступок являются финалом длинной цепи трансформации исходных потребностей, вооружаемых волей, сознанием, под- и сверхсознанием, испытывающих влияние возникающих при этом эмоций. В процессе создания сценического образа актер, по мысли Станиславского, должен разматывать эту цепь в прямо противоположном направлении: от действия к его истокам, потому что только действие доступно непосредственному контролю сознания. Человек может делать, что он хочет, говорил Шопенгауэр, но не может хотеть так, как хочет. Разумеется, речь не идет о действии «вообще», но о действии конкретного лица в конкретных обстоятельствах, что неизбежно, хотя и постепенно, ведет к уточнению той потребности, которой данное действие продиктовано. Проиллюстрируем сказанное примером с так называемым «изменением веса».

Каждая вновь поступившая информация в зависимости от прединформированности субъекта и его актуализированных в данный момент потребностей вызывает те или иные эмоции. Эти эмоции получают внешнее выражение в мимике человека, в его пантомимике (выразительные движения всего тела — изменения позы, походки, выполняемых действий), в интонациях речи и т. д. Возникновение эмоции, ее усиление, ослабление, смена одной эмоции другой непосредственно видны в изменениях того интегрального показателя, который в театральной технологии получил наименование «вес тела»². Это выражение носит условный характер, поскольку объективно вес тела человека, разумеется, остается одним и тем же.

Интересно, что при стимуляции электрическим током определенных отделов головного мозга в связи с проведением лечебно-диагностических процедур В. М. Смирнов наблюдал возникновение эмоционально отрицательных и положительных состояний, которые больные характеризовали как ощущение необычайной «легкости тела» или его «тяжести». Эти ощущения не удалось непосредственно связать с изменениями мышечного тонуса или вестибу-

² Еришов П. М. Технология актерского искусства. М.: ВТО, 1959, с. 98—101.

лярных функций. Хотя физиологическая природа «веса» остается нерасшифрованной, театральная практика успешно использует этот интегральный показатель.

Когда студент выходит из аудитории, где он только что сдавал экзамен, вы сразу же видите, сдал он экзамен или нет. Другой пример: перед вами человек, читающий длинное письмо. Если сообщаемая в письме информация касается интересов (потребностей) этого человека, он будет «меняться в весе»: приятная информация отразится в «облегчении» тела, неприятная — в его «потяжелении». Или: вашего собеседника отвлек звонок телефона. Он только слушает речь, вы ее не слышите и о чем она, не знаете. Если в процессе слушания «вес» вашего собеседника не меняется, — значит, получаемая им информация не затрагивает его интересов. С другой стороны, каждое значимое (адресованное к актуальным потребностям) сообщение будет сопровождаться «потяжелением» или «полегчением» слушающего.

В процессе репетиционной практики «вес» исполнителя служит для режиссера или театрального педагога надежным критерием сценической правды. Если актер не меняется в «весе» или его «вес» не соответствует изменениям ситуации, — значит, потребности изображаемого актером лица не соответствуют сверхзадаче образа, поскольку «вес никогда не врет». Вместо того, чтобы подсказывать актеру: «Огорчитесь!» (искусство представления) или: «Вспомните какое-нибудь грустное событие!» (искусство переживания), режиссеру достаточно сказать: «Услышав это сообщение, Вы должны потяжелеть». Но изменения «веса» произвольны, и актер может выполнить подобное указание только с помощью соответствующей трансформации потребностей изображаемого им лица. Так произвольно контролируемое *действие* активизирует механизмы творческой интуиции, деятельность сверхзнания.

Мы обратились к театральному искусству потому, что некоторые приемы его технологии могут быть использованы практической психологией для понимания, или уточнения, или различения отдельных сторон, свойств параметров личности. Ведь в актерскую технологию они вошли именно из психологии и театральная практика подтвердила их правомерность. Некоторые приемы актерской технологии могут помочь увидеть то, что с той или другой стороны характеризует личность, увидеть при достаточном

знании этих приемов и достаточно пристальном внимании к объекту наблюдения.

Итак, «изменения веса» обнаруживают потребности. Но какие потребности? Сколь далекие (исходные) или, наоборот, сколь близкие, касающиеся сиюминутной ситуации? Эта дистанция обнаружится в том, о каком — далеком или близком — предмете идет речь, когда вновь полученная субъектом информация изменила его «вес». Дети прыгают от малейшей радости; они всегда легче стариков, но и они, огорчаясь, «тяжелют». Легчайший вес больного старика — слабая полуулыбка. Ему всякое движение тяжело, но и он, радуясь, становится «легче». Что последует за сменой веса: повышенная мобилизованность и возрастание активности субъекта или, напротив, его демобилизация? В этом выразится степень актуальности затронутой потребности и некоторые другие стороны личности, в том числе воля.

В том, как субъект будет приступать (на театральном языке это называется «пристраиваться») к действию с неживым предметом, мы увидим степень его подготовленности к этому делу, его квалификацию, т. е. его вооруженность. Подготовка к взаимодействию с другим человеком гораздо сложнее. Зная этого другого и имея представление об интересах партнера, субъект определенным образом оценит свою вооруженность, что сейчас же обнаружится в его «пристройке».

В технологию актера входит знание и владение разными «пристройками»³. Они бывают «сверху», «наравне» и «снизу», во множестве градаций постепенного перехода от максимальной «сверху» до самой униженной «снизу». В одних обнаруживаются высокомерие, гордость, чувство собственного достоинства, независимость; в других — скромность, непритязательность, зависимость и т. п. В первых выражается представление субъекта о своем преимуществе в силе, в вооруженности; во-вторых — представление о преимуществе партнера. В пристройках «наравне» чередование того и другого, как правило, едва заметно. Если известна вооруженность партнера (его силы, его возможности) и известно, насколько осведомлен об этом наблюдаемый нами субъект, то в характере пристроек последнего обнаруживается, как он ценит свое и чужое

³ *Ершов П. М.* Режиссура как практическая психология. М. Искусство, 1972, с. 50,

вооружение, что ярко показано в известном рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий».

Если за пристройками последует сколько-нибудь длительное взаимодействие партнеров, то в нем прежде всего можно заметить, кто из взаимодействующих и в какой мере занят удовлетворением потребностей «сохранения», а кто — «развития». На языке актерской технологии одни «наступают», другие «обороняются». Наступающие подвижны позитивной целью, более или менее далекой; у обороняющихся цель негативна: они только защищаются от чужих притязаний. Цели эти бывают двух родов. Одни из них в актерской технологии называются «деловыми», другие — «позиционными». В случае «деловых» целей отношения между взаимодействующими определены, причем ни та, ни другая сторона не делает попыток их менять. Взаимодействующие заняты делом как таковым, и их представления друг о друге этому не мешают. Цель «позиционных» наступлений — в изменении взаимоотношений. Наступающий неудовлетворен существующими и пытается перестроить их. Либо они нужны ему сами по себе, либо, по его представлениям, он вынужден заниматься взаимоотношениями потому, что их неурегулированность мешает делу.

Есть люди, которые по любому поводу начинают «позиционное» наступление, но есть и такие, которые редко и только при крайней необходимости переходят к «позиционной» борьбе. «Позиционная» цель всегда близка. Наступающему нужно, чтобы партнер переменял свое представление о нем как можно скорее — во всяком случае, чтобы он приступил к пересмотру своих представлений. Иногда серьезное, трудное дело именно этого и требует. Но чаще «позиционные» наступления возникают без такой необходимости. Тогда они свидетельствуют о мелочности актуальных целей наступающего. Точнее, о том, что отдаленные его интересы не столь уж значительны, чтобы он от них не отвлекался пустяками. Настойчивая склонность избегать позиционных наступлений говорит об обратном — о наличии у субъекта далеких целей, об их значимости. Между этими крайностями много промежуточных вариантов: наступающий занят делом, а, кроме того, между прочим и отношениями; или — занят отношениями, а кстати, и делом. В таких случаях бывает нелегко установить, что для него важнее? Здесь помогают параметры вооруженности и доминирование потребности «для себя» или «для других».

Сознающий свое превосходство в силе (в вооруженности) скуп на слова в деловых наступлениях и словоохотлив в позиционных. Сознающий превосходство в силе партнера, напротив, скуп на слова во взаимодействиях позиционных и склонен к многоречивости в делах. Доминанта «для себя» предрасполагает видеть в партнере (по своему подобию) либо врага, либо конкурента — наличного или потенциального. Доминанта «для других» (опять же по своему подобию) располагает к обратному. Поэтому враждебность в представлении о другом часто связана с потребностью «для себя», а дружелюбность — с потребностью «для других». Во взаимодействии враждебность требует максимальной скупости на слова, она довольствуется вопросами, требованиями и ожиданием ответа во всех случаях, кроме одной разновидности позиционных наступлений. Дружелюбность располагает к разговорчивости, к многоречивости (если не к болтливости), кроме одной разновидности позиционных наступлений — той, о которой мы упомянули. Рассмотрим эту разновидность. Установившиеся, удовлетворяющие взаимодействующих лиц отношения между ними покоятся на двух основах: на признаваемых обеими сторонами совпадениях, близости, общности интересов (это и есть «дружелюбность» той или иной степени в зависимости от значительности этих интересов и полноты их совпадения) и на неоспоримом для каждой из сторон соотношении вооруженности партнеров — на соотношении сил, каково бы оно ни было. Если одна из этих основ пошатнулась или родилось подозрение о ее непрочности, возникает повод для «позиционного» наступления — для установления верных отношений, верных представлений друг о друге взамен оказавшихся ложными. Все подобные отклонения от должных взаимоотношений сводятся обычно к двум вариантам урегулирования. Если партнер слишком высокого мнения о себе и слишком низкого мнения обо мне, его нужно «поставить на место», унижить. Если, напротив, партнер слишком низкого мнения о себе и слишком высокого мнения обо мне, его нужно приблизить, возвысить. Каждый из вариантов осуществим двумя способами. «Ставить на место» можно, унижая партнера, распекая, ругая или возвышая себя, хвастаясь своими знаниями, опытом, связями и т. д., и т. п. «Приближать» партнера можно, либо унижая себя, демонстрируя свою скромность, неприязнательность, либо возвышая его, льстя.

Если сильный (по собственным представлениям располагающий превосходством в вооружении) часто, много и пространно говорит, то можно быть уверенным: он занят «позицией», установлением отношений, их сменой или, чаще, их укреплением, упрочением. Он либо «ставит на место», либо «возвышает себя», хвастается — первое реже, второе чаще. Впрочем, он может даже и льстить, унижать себя, когда добивается сближения. Делом он не занят. Если враг стал разговорчив, — значит, появляются проблески дружественности. Если друг стал молчалив, что-то в дружественности пошатнулось. Если сильный унижается, — ему недостает силы; если слабый унижает, — он эту силу ощутил.

Помимо соотношения сил (вооруженности) и соотношения интересов («для себя» или «для других») в речи человека по-разному отражаются его биологические, идеальные и социальные потребности. Для удовлетворения биологических потребностей как таковых слова не нужны, — поэтому небрежность словоупотребления, неряшливость речи выдает их давление. Для идеальных потребностей обиходного словаря недостаточно, — вот почему наука прибегает к специальной терминологии, а словесное искусство, литература — к метафоре. Настоящее и полное применение общепринятой словарь находит в сфере потребностей социальных. Их давление ведет к речи правильной, логичной, точной, к словоупотреблению ответственному. Так по характеру высказываний человека можно судить о том, насколько сильна в структуре его потребностей каждая из трех основных.

До сих пор мы имели дело с потребностями, актуальными в данной ситуации и в данное время, отвлекаясь от вопроса о потребности главенствующей, устойчиво, прочно или даже постоянно доминирующей в структуре личности. Технология актерского искусства призвана содействовать выявлению главенствующей потребности как сверхзадачи роли, но воздерживается от определения средств ее воплощения. В искусстве воплощение главного доверено сверхсознанию. В деятельности сверхсознания это главное и проявляется.

Выявление главенствующей потребности — самая трудная и самая важная задача анализа личности. Основная трудность заключается здесь в том, что в подавляющем большинстве случаев потребность, доминирующая на протяжении какого-то определенного периода жизни человека, отнюдь не является наиболее устойчивой его доми-

нантой. Иллюстрацией тому могут служить всевозможные временные увлечения, влюбленности и экстренные охранительные мотивы (например, при острых заболеваниях). Кроме того, «главная доминанта» часто едва выделяется на фоне других мотиваций. Это те многочисленные случаи, когда человек сам не знает, что именно для него в жизни самое главное; он узнает об этом иной раз только при исключительном стечении обстоятельств, когда «на карту поставлены» жизнь, честь, здоровье, когда нужно выбирать немедленно, не думая, между путями прямо противоположными, жертвуя чем-то одним — дорогим, нужным, привычным — чему-то другому, без чего жизнь представляется бессмысленной. Именно здесь сверхсознание обнаруживает действительную доминанту в ее столкновении с возможными, претендующими на ее место, близкими ей по силе, бывшими когда-то подчас всего лишь воображаемыми доминантами. Подобно тому, как эмоция является индикатором потребностей, сверхсознание есть индикатор доминанты. В обслуживании какой именно потребности данного человека его интуиция участвует в наибольшей степени, всего чаще, наиболее интенсивно? В удовлетворении трансформаций какой именно потребности он наиболее изобретателен, находчив, настойчив, смел? Веления какой потребности он исполняет с наибольшей охотой, с удовольствием, с любовью, со вкусом? Все это — вопросы о сверхсознании. Ответы на них указывают на доминанту. Иногда — временную, как это бывает при влюбленности. Но в конкуренции и соревновании временных доминант выявляется главенствующая. Для удовлетворения ее велений человек, во-первых, стремится использовать все средства, допускаемые нормой, поэтому он сознательно ищет эти средства; во-вторых, рискует их новым, смелым применением; и наконец, передоверяет поиски и применение средств своему сверхсознанию. Продуктивность же сверхсознания определяется тем, на какой объем и сколь прочных и объективных знаний оно опирается.

Хотя сверхсознание активизируется любой потребностью, ставшей главенствующей доминантой, оно определенно связано с их ненасытностью. Вот почему слабые, угасающие или удовлетворенные потребности — плохая основа для деятельности интуиции. «Будьте страстны в ваших исканиях», — призывал Павлов. Существуют и человеческие потребности, ненасытность которых не встречает непреодолимых преград. Это — социальные потребности «для

других», идеальные потребности познания и вспомогательная потребность в вооружении. Их удовлетворением любой человек может заниматься практически всю жизнь.. Именно им в большей мере, чем всем остальным, служит сверхсознание.

Чем конкретно вооружает теорию и практику уточнение представлений о личности, которому мы посвятили предыдущие страницы?

Первое. Ни одну из рассмотренных выше исходных потребностей нельзя безнаказанно игнорировать. Иногда (особенно часто это бывает с молодыми людьми) кажется: «Все люди эгоисты, каждый хлопочет о себе; забота о ближнем, альтруизм — досужая выдумка...», и человек многие годы пытается обходиться без удовлетворения потребности «для других», а то, что он все-таки делает по природной доброте, он рассматривает как свою слабость или глупость. Но потребность «для других» неуничтожима. В итоге человек приходит к удручающему одиночеству, к созерцанию своей полной ненужности. Остается заводить домашнюю собачку, чтобы было о ком заботиться.

Второе. Занимать достойное место в человеческом обществе может лишь тот, кто нужен этому обществу. А нужен он в той мере, в какой успешно выполняет работу, полезную для общества. Если главенствующая потребность человека заключается в улучшении своего места в обществе, то самый надежный путь к ее удовлетворению есть неуклонное повышение своей деловой квалификации. Впрочем, для творческой деятельности, для удовлетворения идеальных потребностей одной квалификации как запаса навыков и знаний мало. Недостаточно и врожденной вооруженности, которую называют способностью (такой вооруженностью для музыкальных искусств является слух, для сценических — внешность и т. п.). Творчество требует вооруженности сверхсознанием. Поэтому высокая квалификация здесь невозможна без соответствующей главенствующей потребности — достаточно устойчивой доминанты. Не может стать хорошим педагогом человек, не любящий детей, какими бы знаниями и умениями он ни обладал. Нельзя стать ученым, не дорожа истиной, художником — не дорожа правдой. Ремесло в таких профессиях не приносит настоящей радости, в лучшем случае оно дает лишь ревнивое и завистливое самодовольство. Выбор профессии только по расчету, вероятно, так же опасен, как расчетливый брак.

Третий круг вопросов касается соответствия средств удовлетворения потребностей (вооруженности) их содержанию. Можно всей душой быть преданным тому или иному делу и губить его своим неумением; можно самоотверженно любить человека и калечить ему жизнь. Так бывает с матерями, беззаветно отдающими все силы ребенку и формирующими в нем черствого эгоиста. В повседневном общении с людьми — особенно близкими, связанными родством и повседневными бытовыми заботами, — многим (если не всем нам) свойственно «мерить каждого на свой аршин». Своя потребность кажется безусловно присущей другим; отсутствующая, наоборот, представляется несуществующей вовсе. Отсюда множество неправомερных притязаний, горьких разочарований и недоумений.

Изучение человека приводит к убеждению в его бесконечной сложности, к убеждению в уникальности каждой отдельной личности. По-настоящему познать личность другого можно, только любя его, если любовь к тому же вооружена строго объективным знанием. В этом парадоксе — суть подлинного человековедения.

ВОССОЗДАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ АКТЕРА

Ренуара спросили: «Мэтр, что важнее в искусстве — «как» или «что»?», Ренуар ответил: «Важно — кто» *

Как мы уже упоминали выше, индивидуальность человека — его темперамент, характер, личность — является предметом той специфической разновидности познавательной деятельности, которая именуется искусством. Наиболее очевидно это обнаруживается в литературе и сценическом творчестве, где одну из важнейших задач представляет создание *характеров* действующих в художественном произведении *лиц*.

Стремление к творческим контактам между театральным искусством и наукой о деятельности мозга представляет своеобразную традицию отечественной культуры. Есть нечто знаменательное в том, что рядом с работой «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова мы находим план статьи А. Н. Островского «Об актерах по

* В кн.: А. К. Буров. М.: Искусство, 1980, с. 94.

Сеченову», а теория высшей нервной деятельности и метод условных рефлексов И. П. Павлова соседствуют в историческом времени с системой и «методом физических действий» К. С. Станиславского.

Теория Павлова привлекла к себе пристальное внимание Станиславского. Он читает классическое произведение Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». На репетициях, в беседах с актерами Станиславский начинает употреблять физиологические термины. Когда Л. М. Леонидов заметил, что в трактовке Константином Сергеевичем образа профессора Бородина из пьесы «Страх» есть «что-то от Павлова», Станиславский ответил ему: «До Павлова нам далеко. Но учение его к нашей актерской науке применимо»¹.

В 1933 г. артист А. Э. Ашанин (Шидловский) организовал при Всероссийском театральном обществе лабораторию по изучению творчества актера. Эту лабораторию возглавили ближайшие помощники Павлова Н. А. Подкопаев и В. И. Павлов. Через Ашанина И. П. Павлов передал свое согласие познакомиться с рукописью К. С. Станиславского, за что Станиславский поблагодарил Ивана Петровича в письме от 27 октября 1934 г.² К сожалению, смерть Павлова оборвала контакты между двумя великими современниками — общением, которое сулило столь многое и для теории высшей нервной деятельности, и для сценического искусства.

Мимо достижений павловской школы не прошел и В. Э. Мейерхольд. В связи с юбилеем Ивана Петровича Мейерхольд направил Павлову поздравительную телеграмму, где отметил значение его трудов для теории актерского творчества. В ответном письме Павлов специально остановился на опасности упрощения в деле переноса добытых в лаборатории фактов на такую сложную область человеческой деятельности, какой является область художественного творчества. Павлов особо подчеркнул индивидуальную неповторимость образов, созданных артистом, значение той «чрезвычайной прибавки», которую принято называть субъективным элементом, привносимым художником в свое произведение.

В разное время интерес к проблемам, возникающим на рубежах психофизиологии и сценического искусства,

¹ Горчаков Н. М. Режиссерские уроки К. С. Станиславского. М., 1952.

² Театр, 1958, № 10, с. 52, 53.

проявляли физиологи Л. А. Орбели, П. К. Анохин, Ю. П. Фролов, Э. Ш. Айрапетянц, И. И. Короткин, психологи Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, П. М. Якобсон, режиссеры В. О. Топорков, А. Д. Дикий, Ю. А. Завадский, Г. А. Товстоногов, О. Н. Ефремов.

Авторы настоящей книги отнюдь не претендуют ни на всесторонний анализ этих «пограничных» проблем, ни на обстоятельное изложение истории вопроса. Каждый из нас пришел к необходимости контакта своим путем, получившим отражение в работах, ссылки на которые читатель не раз встречал в этой книге. Мы имели общий исходный пункт в виде «искусства сценического переживания» К. С. Станиславского и открытого им «метода физических действий». Сообразно своим профессиональным интересам один из нас (П. М. Ершов) много лет занимается изучением действий как материала актерского искусства, сопоставимого с цветом в живописи, словом в литературе, звуком в музыке, движениями в балете. Интересы второго (П. В. Симонова) привлечены к сфере эмоций как к показателю овладения актером потребностями (мотивациями, стремлениями) изображаемого им лица.

Сфера художественного творчества так тесно связана с человеческими переживаниями, что искусство давно и справедливо стало пробным камнем для любой концепции, претендующей на сколько-нибудь широкое обобщение в области психофизиологии эмоций. Если вновь предлагаемая теория эмоций ничего не меняет и не уточняет в нашем понимании природы художественного творчества, это сразу же ставит под сомнение продуктивность и научную состоятельность новой концепции. Вот почему, предложив в 1964 г. «информационную теорию эмоций», один из нас (П. В. Симонов) не мог уклониться от ее проверки искусством.

Как мы постараемся показать ниже, далеко не все в «гармонии» доступно «алгебре» логического анализа. А вот для самой «алгебры» «гармония» — суровый судья, беспощадно вскрывающий бесплодность наукообразной схоластики...

Но творчество и технология («гармония» и «алгебра») в искусстве теснейшим образом взаимосвязаны и постоянно переплетаются как в процессе, так и в результатах художественной деятельности. Крен в ту или другую сторону дает то стихийную эмоциональность, легко выветривающуюся в беспомощность благих порывов, то

рационализм и рассудочность, уводящие искусство от его реальных жизненных основ в сферу условных знаков, ребусов и абстрактных умозрений. Технология и взлеты творческого вдохновения могут рассматриваться по отдельности (так чаще всего и бывает!), но авторы полагают, что не менее актуален анализ взаимосвязи этих двух, столь непохожих один на другой полюсов художественной практики, рассмотрение того, как сказывается один из этих полюсов на функционировании другого. Речь идет о границах рационального и о том, что лежит вне этих границ.

«Чем дальше занимаюсь преподаванием, — пишет Г. А. Товстоногов, — чем больше становится учеников, тем чаще приходится задумываться о том, как все-таки неправильно мы их учим ... главное и чуть ли не единственное достоинство системы обучения искусству театра — наличие методологии, оставленной нам Станиславским ... использование открытых Станиславским вечных законов поведения человека на сцене. .. Но вот беда: существующий ныне способ обучения не позволяет нам добиться полного постижения молодежью основ режиссерского мастерства»³. «Вечные законы поведения» должны обогащаться и уточняться новыми знаниями. В этом заключена, по мысли авторов, перспектива совершенствования театральной педагогики. Едва ли она может быть продуктивной, оставаясь в неподвижности.

Играющий актер осуществляет действия, цель которых включает в себя цели изображаемого им на сцене лица, но не тождественна им. В этом и заключается своеобразие актерской игры. Оставаясь собой, актер должен стать другим. Не превратиться в другого, а перевоплотиться. В перевоплощении самая глубокая сущность актерского искусства. «Играть роль» — значит предстать перед зрителем не самим собой, а кем-то другим. Такую игру и называют перевоплощением. Среди современных актеров некоторые перевоплощаются до полной неузнаваемости. Так, О. П. Табакова в одном из спектаклей было трудно узнать в роли пикантной буфетчицы, а есть и такие, как О. Н. Ефремов, — в самых разных ролях он, казалось бы, меняется мало.

Разной практике соответствуют и разные теории. Согласно одним, актеру никогда не следует забывать, что он играет роль, что он не есть то лицо, которое изобра-

³ Сов. культура, 1976, № 56, с. 4.

жаежает, что он должен постоянно и твердо держаться того или иного отношения к этому лицу, и зритель должен всегда это видеть. Такой теории противостоят убеждения обратные: актер должен вполне и искренне верить в то, что он — это лицо; актер должен влезть в его кожу, усвоить все, что ему свойственно, и жить вполне и целостно его жизнью, — эта традиция идет от Гоголя, Щепкина и Станиславского. Таковы крайние взгляды. Они формулируются по-разному и более или менее категорично. Между сторонниками крайностей не прекращается борьба на протяжении чуть ли не всей истории театра.

Актерская практика свидетельствует о том, что высоким искусством бывает перевоплощение самых разных степеней; мера перевоплощения, следовательно, не может служить мерой художественной ценности и не должна поэтому регламентироваться. Но тем не менее вместе с полным исчезновением перевоплощения исчезает и актерское искусство; оно исчезает и в тех случаях, когда перевоплощение переходит в превращение — когда делается самоцелью или поражает как совершившийся факт. Отсюда следует: хотя перевоплощение является обязательной принадлежностью и особенностью актерского искусства, оно не является его целью. Перевоплощение — специфическое, присущее актерскому искусству (и только ему!) средство. О нем часто и горячо спорят как раз потому, что средство это одни принимают за цель, а другие, видя иные цели, отказываются от него вовсе; они забывают, что средство это обязательно, что актерское искусство не может существовать без его применения.

Знание природы перевоплощения нужно не для унификации актерского искусства, не для пропаганды какого-то одного направления в нем, одной школы, а для богатства и разнообразия форм и направлений в границах этого искусства, для уяснения широты его возможностей. Не так давно максимальное перевоплощение многими почиталось чуть ли не единственной целью и назначением актерского искусства. Теперь оно чаще совершенно отвергается. А задача заключается в умелом и каждый раз творческом его использовании. Для этого нужно знать, что оно такое. Что значит, как возникает и в чем заключается — как объективно происходит?

Ребенок легко может представить себя танком, железнодорожным составом, собачкой — всем, что подскажет ему минутная вольная фантазия; его партнеры по игре

без затруднений принимают подобные представления. Если актер перевоплотится в танк или железнодорожный состав, то он предстанет, в сущности, таким ребенком. Он перевоплотится в этого ребенка или в душевнобольного, воображающего себя тем или другим. Актер не может предстать перед другими ничем, кроме человека. В нем всегда останется узнаваем человек. Если в самом условном представлении актеру надлежит предстать какой-либо стихийной силой, символом, божеством, духом, зверем, существом сказочным, то все то, чем именно он должен предстать, прежде всего очеловечивается — так или иначе уподобляется человеку. Значит, перевоплощение есть перевоплощение в человека же. Никакого иного перевоплощения нет и быть не может. Человек, обладающий одними качествами, предстает человеком же, обладающим другими качествами. С этого начинается, если можно так выразиться, «теория перевоплощения».

Каковы же те качества, каких человек должен лишиться и каковы те, какие он должен приобрести, чтобы перевоплощение состоялось?

Качеств человека, которые подлежат перестройке, переконпоновке для перевоплощения, бесконечное множество. Что представляет собой данный человек? Чего он хочет? К чему стремится? Для чего? Что он делает, чтоб достичь своей цели и почему он делает именно это, а не что-то другое? Когда и какие желания у него возникают? Все это — вопросы о действии. Оно может пониматься при этом в разных объемах — в пределах текущей минуты, данного часа, дня, года, дел семейных, служебных, общественных и т. д. — таких вопросов может быть множество. При достаточной полноте ответов в них будет содержаться и самая полная характеристика. Она обнаружится в его целях и в способах, к каким он прибегает для их достижения, — даже то, о чем он сам не подозревает, что готов отрицать в себе, что тщательно скрывает, о чем лжет. Что не проявилось в намерениях, в целях, того просто не существует.

Действия человека характеризуют его вполне конкретно, а потому несравнимо полнее любой другой характеристики, не только анкетной или словесной житейско-бытовой, но даже и словесно-художественной — той, какая содержится в литературном произведении. В действиях объективируется внутренний мир человека как реально происходящий процесс, со всем тем, что, по его собственным представлениям, ему вовсе и не свойственно.

Так, разве скупой не считает себя слишком щедрым или расточительным? Злой — слишком добрым? Добрый — недопустимо эгоистичным? Разве можно скрыть любовь или ненависть?

Действие характеризует человека своим реальным, фактическим протеканием — не только тем, что человек делает, но и тем, как он это делает. Внутренний мир человека раскрывается преимущественно в контексте многих и разных его дел, и перевоплощение проявляется поэтому в поведении относительно длительном.

Может ли актер в каких бы то ни было обстоятельствах совершенно расстаться со своими собственными, присущими ему, действиями? Нет. Хотя бы потому, что человек ежеминутно совершает множество действий совершенно произвольно, не отдавая себе в том отчета. Может ли актер совершенно усвоить какие бы то ни было чужие заданные ему действия? Очевидно, тоже нет. Ведь для этого ему нужно было бы перестать быть самим собой, лишиться всего своего жизненного опыта, всех своих индивидуальных задатков. Значит, в перевоплощении происходит устранение актером каких-то своих собственных действий и усвоение каких-то несвойственных ему действий.

В актерском перевоплощении бывает так: всего лишь одна черта образа, чуждая актеру, вносится им в свою собственную логику поведения. Если черта эта — всепоглощающая страсть, то полное и яркое перевоплощение налицо. Образ достоверен, актер неузнаваем. Так в МХАТ в 1930 г. В. А. Синицын играл Яго в «Отелло»; так в 1939 г. В. О. Топорков играл Оргона в «Тартюфе».

Но бывает и по-другому. Актер остается совершенно самим собой, но во все, что бы он ни делал по роли, он вносит некое чуть-чуть, которое делает его действия откровенной демонстрацией того, что он на грани перевоплощения. Оно неуловимо, но очевидно. Налицо и убедительность поведения: поскольку действия актера остались его собственными, натуральными, и возникнет возможность полного перевоплощения, которое, правда, не осуществляется. Такое своеобразное перевоплощение как будто бы без перевоплощения можно было видеть в «Принцессе Турандот» Евг. Вахтангова, в «Голом короле» Шварца в театре «Современник». Оно воспринимается обычно как некая театральная праздничность, приподнятость, как веселая дерзость искусства, пренебрегающая бытом, — «актеры» перевоплотились в «артистов», а они видят жизнь своеобразно...

Таковы крайности. От усвоенной актером, первоначально чуждой ему, характеризующей образ всепоглощающей страсти, которую актер сделал своей страстью, подчинив ей и слив с ней свою собственную жизненную логику, до неоспоримого права и возможности практически не реализуемого перевоплощения. На одном конце — актер, по собственному заказу и со своими целями живущий чуждой ему жизнью; на другом — актер, мгновенно и легко входящий в чужую жизнь и так же легко ее покидающий, возвращающийся к логике своей собственной, вполне индивидуальной. Здесь — перевоплощение в того, кто любит актерское искусство и владеет им, кто может свободно и уверенно перевоплощаться. Между этими крайностями — бесконечное разнообразие.

Иногда артист перевоплощается в один и тот же образ, но показывает его все с новых и новых сторон и в разных проявлениях, как Ч. Чаплин и А. Райкин. Иногда актер в каждой новой роли неузнаваем; иногда он кажется почти не изменившимся. Видимо, каждый творит так, как того требует его дарование.

Критерий успешности перевоплощения, в сущности, прост. Он сводится к ответам на вопросы: открывает ли актер, перевоплощаясь, нечто новое в жизни и в человеке? Убедительно ли это открытие? Достаточно ли и какова его значительность? А велики ли изменения в своей логике действий, сделанные для этого актером, — это имеет значение, в сущности, второстепенное. Но открытие нового в человеке с помощью актерского искусства совершенно без перевоплощения произойти не может. Такова его природа.

Когда актер подгоняет себя к заранее сочиненному образу, — образ не получается... Когда он не думает об образе, — он перевоплощается. Стремится к переживаниям — они не придут; забудет о них — может быть, придут. Не в-этом ли главное отличие профессионала от любителя, дилетанта? Они не ведают этой тайны искусства, им кажется, что нужно точно знать искомый результат, как во всех других практических делах. К. С. Станиславский утверждал, что в достигнутом перевоплощении актер сам не знает, «где Я и где образ». Налицо и тот, и другой. "А границу если и можно провести, то, пожалуй, только в «двухэтажности» эмоций: практически там, где радость, наслаждение актера, отмечают успех воспроизведения подлинности чувств, переживаемых сценическим персонажем. Один («Я») строит поведение, а другой («образ»)

его осуществляет. Но в актерском искусстве осуществление никогда полностью не совпадает с планом поведения. План меняется в процессе его осуществления, хотя он все же остается исполнением роли. Потому и неизвестно, где «Я» и где «образ».

В этом и заключается чуть ли не главный секрет актерского творчества: перевоплощение — это, в сущности, путь, направленный к нему, а не само перевоплощение. Актер на спектакле каждый раз достигает его заново, и работа его над ролью есть, по сути дела, выработка определенного направления к конечной цели.

Полководец сказал: «Заботься о том, чтоб не быть битым, — победа придет сама». В актерском искусстве такая оборонительная позиция, казалось бы, не может сулить хорошего. На деле та же заповедь имеет другое, не оборонительное, а наступательное значение: не позволяй сбить себя с верного пути какими бы то ни было соблазнами и не уклоняйся от него — образ будет. Он будет тот и такой, какой тебе сегодня доступен на взятом направлении, если ты в нем уверен и если ты движешься. Завтра ты будешь способен на большее. Так умножаются возможности художника, так растет актер и его искусство, так совершенствуется мастерство и так реализуется перевоплощение. По остроумному определению М. Н. Кедрова, «актер подобен велосипедисту — либо движется, либо лежит на боку».

Действие непримиримо со статической определенностью, а недоразумения часто возникают потому, что одни жаждут именно ее любой ценой, другие — во имя неуловимых оттенков и стремительности действия чураются всякой определенности. К. С. Станиславский нашел динамическую определенность в природе актерского искусства, и в перевоплощении в частности. В актерском искусстве она заключена в принципе «физического действия», в перевоплощении — в краткой формуле: «от себя к образу». Когда к формуле этой добавляют «и как можно дальше», то в этом иногда сквозит статическое представление о конечной станции, где, наконец, можно отдохнуть от трудов и куда нужно поэтому поскорее добраться. Но «как можно дальше» уже содержится в формуле Станиславского, в ней выражен объективный закон. Как таковой, он проявляется каждый раз своеобразно. Поэтому он не похож на рецепт и несовместим с ремесленными приемами. В самом деле: что значит «от себя»? Нет двух людей одинаковых — от чего же «в себе»? Что значит

«к образу»? Его внутренний мир обнаруживается в действиях, а действия определяются целями, — к каким же целям образа нужно идти от себя?

Принцип физического действия уточняет формулу перевоплощения: от своих совершенно реальных (физических) действий, от своего жизненного поведения к целям образа, все более значительным — тем, которые делают его, образ, заслуживающим интереса. Это — цели далекие, и «чем дальше, тем лучше» — к сверхзадаче роли. Но может ли увидеть, найти и воплотить такие цели человек без достаточно широкого кругозора? Чтобы создать путем перевоплощения образ человека с широкими горизонтами и далекими целями, актер должен сам обладать широким кругозором и стремиться к далеким целям. Поэтому в произведении актерского искусства всегда воплощается личность самого актера. Этот закон К. С. Станиславский назвал «сверх-сверхзадачей артиста» — именно она в конечном итоге определяет: сколь далекую и какую именно цель найдет он в роли как сверхзадачу образа.

Бывают люди с грандиозными, но плохо обоснованными целями, бывают — с самыми скромными, но хорошо обеспеченными. Масштаб человека, если можно так выразиться, определяется содержанием и размерами его устремлений, а также и степенью их обоснованности. У одних средства обгоняют цель, у других — цель не соответствует имеющимся средствам. Сами по себе энтузиазм, одержимость и благие намерения бессильны. Идеальные устремления и увлечения художника реализуются в его произведениях лишь в той мере, в какой он владеет средствами своего искусства. Нормальный человек едва ли может долго заниматься целью, в недостижимости которой он убедился. Такая цель неизбежно трансформируется, заменяется другой, более близкой и реально достижимой. Так вследствие недостатка средств, цели приближаются и упрощаются. Так художник иногда постепенно превращается в ремесленника.

И наоборот, само достижение цели (даже одно знание средств ее достижения и того, что она практически достижима) ставит новую цель, более значительную, более далекую. Поэтому вооруженность средствами, владение ими и знание их укрупняют цель. Сказанное справедливо и для создаваемого актером образа. Он значителен, поскольку далеки его цели, а им надлежит беспрерывно удаляться по мере того, как актер логикой своего поведе-

ния в роли все более точно, правдиво и ярко реализует борьбу за их достижение. К. С. Станиславский советовал в работе над ролью пользоваться «временной» сверхзадачей. По сути дела, любая сверхзадача — временна, даже та, которая представляется окончательной. Она неизбежно и бесконечно уточняется и совершенствуется, приближаясь к недостижимому идеалу. Разумеется, если артист не уподобился велосипедисту лежащему...

Динамичность законов актерского творчества коренится в том, что все они относятся к действию, т. е. к процессу, каждое мгновение которого не тождественно предыдущему и последующему. В этом причина некоторой неизбежной неопределенности в фиксации и даже понимании конкретного действия. Это относится и к понятию «задача». Достигнув решения одной или убедившись в ее недостижимости в данных условиях, актер сейчас же переходит к следующей; их перспектива и ведет его к сверхзадаче.

С чего практически начинается маршрут «от себя к образу»? Казалось бы, относительно просто: от своих представлений об образе. Свои возможности — это умение действовать, представления об образе — представления о действиях изображаемого лица. Такое начало называется «от себя» потому, что в представлениях о действиях персонажа найдено звено, свойственное и самому актеру. Этот «общий знаменатель» не всегда находится легко и сразу. Тут нужны проницательность и профессиональный опыт, а часто и помощь режиссера. Поиски бывают более или менее трудными в зависимости от уровня мастерства актера (насколько свободно он владеет действием) и от конкретности понимания образа (насколько ясно, отчетливо актер видит за текстом роли и пьесы поведение персонажа). Первое из этих условий — профессионально-техническая квалификация актера; второе — его художественный, гражданский и философский кругозор, его интуиция.

К. С. Станиславский начинал работу над ролью Чичикова с В. О. Топорковым с «умения торговать» — умения дешево купить и дорого продать. Это умение было необходимо артисту, и оно же составляло важную черту характера и поведения персонажа. Работа В. О. Топоркова над ролью Оргона в «Гартюфе» начиналась с умения «боготворить живого человека». Это — «общий знаменатель» другого перевоплощения. В работе над ролью Битнова в «Последних днях» М. Булгакова «общим знамена-

телем» В. О. Топоркову служило умение «подслушивать и подглядывать».

Во всех этих случаях речь идет о тех качествах артиста, которые нужно не убирать для перевоплощения как лишние, а, наоборот, укреплять и культивировать, чтобы на основе свойственного артисту возникло («выросло») и то, что артисту совершенно несвойственно. Тогда из его действий само уйдет то, что должно уйти для данного перевоплощения. Так возник одержимый ненавистью красавец Яго — арт. В. А. Синицын (МХАТ, 1930) и феноменально легкомысленный Хлестаков — М. А. Чехов (МХАТ, 1921). В подобных перевоплощениях кажется невероятным первый ход «от себя». В нем, видимо, кроется один из профессиональных секретов.

К. С. Станиславский положил в основу «сознательной психотехники артиста» метод физических действий, в основе которого лежит представление о действии как явлении одновременно психическом и физическом, выражающемся в мышечном движении. «Подлинный артист должен не передразнивать внешние проявления страсти, не копировать внешние образы, не наигрывать механически, согласно актерскому ритуалу, а подлинно, — по-человечески действовать. Нельзя играть страсти и образы, а надо действовать *под* влиянием страстей и в образе»⁴. Действиями «под влиянием страстей и в образе» Станиславский называл действия актера, мотивированные потребностями изображаемого им лица.

В самом деле, движение становится действием только в том случае, если оно направлено на удовлетворение какой-либо потребности. Это хорошо понимал уже И. М. Сеченов: «Жизненные потребности ролят хотения, и уже эти ведут за собою действия; хотение будет тогда мотивом или целью, а движения — действием или средством достижения цели. «Без хотения как мотива или импульса движение было бы вообще бессмысленно»⁵. Таким образом, «метод физических действий» требует усвоения потребностей, мотивов, целей изображаемого лица. Только они способны сделать сценическое действие «внутренне обоснованным, логичным, последовательным и возможным».

⁴ Станиславский К. С. Собр. соч., 1957, т. 2, с. 51—52. Подчеркнуто нами. — П. С, П. Е.

⁵ Сеченов И. М. Избр. произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 1, с. 516.

в действительности»⁶, только благодаря им «сама собою создается истина страстей или правдоподобие чувства»⁷.

Воспроизводя действия изображаемого лица, направленные на удовлетворение его (изображаемого лица) потребностей, актер включает мощный аппарат подсознания, те непроизвольные, не контролируемые сознанием детали действий, те приспособления и оттенки их физического осуществления в движениях, которые принадлежат сфере подсознания в реальном поведении человека. В мозгу не существует нейрональной копии двигательного акта, но лишь его обобщенная схема — энграмма, «двигательная задача». Любой двигательный акт каждый раз организуется заново, причем его формирование в значительной мере протекает на уровне подсознания.

Почему Станиславский сделал все же акцент на действии, а не на мотивации этого действия, хотя он и стремился к уточнению мотивов путем формулировки задач — куски, сцены, роли в целом? Да потому, что выявить подлинные мотивы поведения сценического персонажа не менее трудно, чем определить мотивы поведения человека в реальной жизни. При изучении мотивов одновременно отказали оба испытанных метода классической психологии: наблюдение за внешним поведением другого человека и анализ своего собственного духовного мира. В сфере исследования потребностей действие перестает быть объективным критерием, поскольку один и тот же поступок может быть продиктован самыми различными побуждениями. С другой стороны, мы далеко не в полной мере осознаем истинные мотивы наших собственных поступков и принимаемых нами решений. Проникновение в сферу мотивов изображаемого лица носит во многом характер интуитивной догадки, несознаваемого замыкания внутреннего мира персонажа на свой собственный внутренний мир.

Каким же образом актер овладевает потребностями изображаемого лица? «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» — этот вопрос Гамлета концентрирует в себе самую сокровенную суть увлечения актера интересами и потребностями играемой роли.

Ради чего актер выходит на сцену, и почему он воспроизводит поведение другого лица? Во имя своей сверхсверхзадачи. Сверх-сверхзадача — это страстное и глубоко

⁶ Станиславский К. ССобр. соч. т. 19, 1962, с. 52, с. 57.

⁷ Там же, с. 62.

личное стремление художника познать нечто чрезвычайно важное о людях, об окружающем мире, о правде и справедливости, о добре и зле, а затем поделиться этим знанием с другими (читателями, слушателями, зрителями), чтобы получить у них подтверждение истинности результатов своего познания. «Отчасти искусство заключает в себе сообщение, но лишь отчасти, — заметил Уильям Голдинг. — В остальном — это открытие... И все же я... твердо верю, что искусство, не заключающее в себе сообщения, бесполезно»⁸. Л. Н. Толстой писал своему сыну: «У тебя, я думаю, есть то, что называется талантом и что очень обыкновенно и не ценно, то есть способность видеть, замечать и передавать, но до сих пор в твоих рассказах не видно еще *потребности* внутренней, душевной *высказаться...*» (подчеркнуто нами). Чем ближе сообщаемая артистом правда о мире к потребности и надеждам зрителя постичь эту правду, тем сильнее отклик зрительного зала, тем очевиднее эффект сопереживания. Сверхсверхзадача художника — подлинный, главный и основной источник энергии, побуждающий актера искать сверхзадачу сценического персонажа, а далее — осуществлять ее в сквозном действии, пронизывающем все его поведение. Профессиональное умение артиста трансформировать свою художническую потребность познания в потребности изображаемого лица и составляет основу перевоплощения.

Рекомендацию Станиславского «идти от себя» нужно понимать поэтому не только как совет начинать работу над ролью с «общего знаменателя», о котором шла речь выше, но и как напоминание о том, что вся деятельность актера, в сущности, продиктована его собственной сверхсверхзадачей, ей служит и ею обусловлена. Сверхзадача осуществляет свое руководство поведением артиста в значительной степени благодаря сверхсознанию. Именно сверхсознание направляет поиск, активизирует работу сознания (разум, логику) и мобилизует автоматизированные навыки подсознания.

Процесс перевоплощения, осуществляемый с помощью подсознания не только в искусстве, но и вне его, хорошо описал Вадим Кожевников на примере советского разведчика Белова, вынужденного действовать в облике Иоганна Вайса: «За эти месяцы с Иоганна как бы свалилось то невероятное напряжение, в котором он неотступно держал себя все время, чтобы быть таким, как окружающие

⁸ Иностран. лит., 1973, № 10, с. 216.

его люди, на чьи повадки, привычки, взгляды, особенности наложила отпечаток целая историческая полоса существования нации, ее бытовой, социальный уклад. Это было уже не притворство, а прочное ощущение себя тем, кем он должен был стать. Отрабатывая каждую предполагаемую черту Иоганна Вайса, чтобы она стала душевной собственностью, нужно было вместе с тем ничего не утратить от себя самого. Ничего своего не уступить Вайсу. Ибо Иоганн Вайс должен быть не только жизнеспособен как самостоятельная личность, но полностью подчиняться тому, кто надел на себя его личину»⁹. Иоганн Вайс так достоверен и правдоподобен в своей борьбе за место в гитлеровской иерархии именно потому, что повышение по службе фашиста Иоганна Вайса дает возможность разведчику Белову лучше выполнить свой долг борца за свободу и независимость Советской Родины.

Пример, описанный В. Кожевниковым, поучителен во многих отношениях. Когда и почему с Белова «свалилось невероятное напряжение»? И в чем оно — это напряжение? Оно в необходимости сознательно совершать и сознанием контролировать в своем поведении то, что в обычных жизненных условиях осуществляется без участия сознания и чего только в данных, исключительных условиях потребовала сверхзадача разведчика. Это невероятное напряжение «свалилось», когда его ценой Белов достиг полной согласованности в работе сверхсознания, сознания и подсознания, когда возникло перевоплощение советского разведчика в фашиста Иоганна Вайса.

Что же в этом созданном искусственно поведении относится к сознанию, что к подсознанию и что к сверхсознанию? Ответить на этот вопрос помогает приведенное выше определение сознания как знания средств, которые могут быть переданы другому, а значит, — определены, обозначены и выражены словами или образами.

Все, что мотивируется в процессе осуществления, что решается при выборе средств достижения каждой конкретной цели, что поэтому анализируется, сопоставляется, взвешивается и оценивается — все это относится к сознанию и к звеньям сознательного поведения. Все, что может быть мотивировано, объяснено и обозначено, но не нуждается во всем этом, что вошло в привычку, в стереотип, относится к подсознанию. Это — обширная область тех умений, которые когда-то были приобретены сознательно

⁹ Кожевников В, Щит и меч. — Роман-газета, 1965, № 20, с. 42.

и, может быть, ценой больших усилий, но, будучи усвоены, уже не нуждаются в специальной заботе, во внимании и в усилиях. Все, что не может быть мотивировано, но само мотивирует, относится к сверхсознанию. Оно не отвечает на вопрос «зачем?», но диктует, требует на сущности, лежит за любым побуждением, как его исходная причина. Сверхсознание задает работу сознанию, которое всегда, в сущности, занято тем, что обогащает, уточняет, расширяет, развивает и проверяет заданное интуицией. С познанием связаны чуть ли не все сферы человеческой деятельности, и в сложном составе каждой конкретной человеческой потребности содержится обычно некоторая доля потребности познания. Поэтому человеческое поведение не обходится без интуиции. Она подсказывает влечения и привязанности, настороженность и отвращение, радостные предвкушения и тревожные опасения, а сознание уясняет связи интуитивных догадок с объективной действительностью и вырабатывает знания и умения — плоды опыта в арсенале подсознания.

Но если во всех других сферах человеческой деятельности и в житейском обиходе интуиция играет все же вспомогательную роль, то в искусстве она выступает не как смутная догадка и предположительное предчувствие, а как категорическая уверенность, немотивированное прозрение, как повелитель, диктующий логику воплощения. В актерском искусстве трансформация сверх-сверхзадачи артиста в мотивы поведения изображаемого лица обеспечивается механизмами сверхсознания. «Наиболее могущественными маяками для возбуждения подсознательного творчества органической природы являются сверхзадача и сквозное действие»¹⁰. «Я много работаю и считаю, что ничего больше нет: сверхзадача и сквозное действие — вот главное в искусстве»¹¹. Это относится и к сценическому образу (сверхзадача) и к самому творящему артисту, создающему образ (сверх-сверхзадача).

Одним из каналов связи между сверхзадачей и сознанием служит процесс ее рабочего наименования. «Выбор наименования сверхзадачи является чрезвычайно важным моментом, дающим смысл и направление всей работе»¹². Однако наименование служит лишь каналом связи интуи-

¹⁰ Станиславский К. С. Собр. соч., 1957, т. 2, с. 363.

¹¹ Станиславский К. С. Статьи, речи, беседы, письма. М.: Искусство, 1959, с. 656.

¹² Станиславский К. С. Собр. соч., 1957, т. 2, с. 337.

ции и сознания, не могущим претендовать на окончательность. «Я сказал то, что сказал» — вот ответ художника на вопрос о содержании его произведения, непереводаемого с языка образов на язык логики¹³. Именно непереваемость произведения искусства на язык словесных определений, отражающих лишь какие-то стороны сверхзадачи, но никогда не исчерпывающих ее истинного содержания, делает сверхзадачу результатом работы сверхсознания. Другим объектом деятельности сверхсознания является превращение сверхзадачи образа в процесс практически выполняемого актером сквозного действия. Здесь постепенно все большую роль играет сознание, разум, логика, здравый смысл. Здесь обнаруживаются и профессионально-технические умения, знания и навыки артиста, а также присущие ему индивидуальные свойства.

Теперь мы можем полностью обозреть этапы актерского перевоплощения. Через контролируемые сознанием действия актер не отождествляет себя с изображаемым лицом, но проникает в сферу движущих им мотивов (область, в значительной мере принадлежащая сознанию и подсознанию) вплоть до сверхзадачи образа (область сверхсознания) во имя решения своей сверх-сверхзадачи, т. е. удовлетворения своей художнической потребности. Разумеется, между сознанием, подсознанием и сверхсознанием нет жестких разграничительных линий. Эти разновидности высшей нервной деятельности человека тесно взаимодействуют друг с другом, их границы смещаются, их сферы влияния находятся в постоянном движении.

Осуществляемые в процессе перевоплощения действия — их называют «сценическими» — отличаются от любых обиходно-житейских действий тем, что возникают по заказу, как если бы их вызвала реальная необходимость. Такое «если бы» — первый и, может быть, единственный ясный признак природных актерских способностей. Многие люди не могут поверить в воображаемые обстоятельства, рождающие цель, поскольку этих обстоятельств в действительности нет. Этой вере научить нельзя. Но если у человека не может возникнуть заданная воображением цель, то не может возникнуть и сценическое действие, как бы ни было оно примитивно. Он может научиться совершать самые трудные и сложные действия, продиктованные реальной надобностью, но неспособен к простейшему сценическому.

¹³ *Выготский Л. С. Психология искусства. М.; Искусство, 1965, с. 55.*

Лишенный актерских способностей человек может только изображать действие, т. е. совершать движения, подобные тем, какие он совершал бы, если бы цель у него была. Такие движения доступны, разумеется, любому. Но всякое изображение действия отличается от действия, подчиненного возникшей цели. Нужна, впрочем, зоркость, чтобы увидеть это отличие, иногда чрезвычайно тонкое.

Актерская профессиональная грамотность начинается с умения создавать условия для возникновения натурального сценического действия. Умение это равно способностям к актерскому искусству. Исключительно одаренным актерам нет нужды специально заботиться об умении действовать. Они легко воображают себя в условиях жизни персонажа пьесы и, поверив в эти условия, перевоплощаются в образ, минуя технику перевода его внутренних качеств на язык действий. Этим языком они пользуются, как родной речью может пользоваться неграмотный. Таковы редчайшие, исключительные дарования, каким был, например, К. А. Варламов, не учивший ролей и в репетициях не нуждавшийся.

Если не считать таких исключений, то рост умений есть в то же время и рост дарования, хотя начинается он с зародыша способностей и без него невозможен. В дальнейшем дарование является не только постоянным спутником умений, но и главным стимулом их роста и накопления. Еще И. Кант заметил: «Уменье составляет признак таланта»,

ЛИЧНОСТЬ И ЮМОР

Юмор и знание — две великие надежды цивилизации.

-Конрад Лоренц

Чувство смешного и его внешние проявления, наиболее очевидным из которых является смех, могут служить очень важной характеристикой человеческой индивидуальности. «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? Смех требует беззлобия, а люди чаще всего смеются злобно. Искренний и беззлобный смех это — веселость, а где в людях в наш век веселость и умеют ли люди веселиться? Веселость человека — это самая выдающаяся че-

ловека черта, с ногами и руками. Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется, как на ладони... Итак, если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеалами, а вы смотрите его лучше, когда он смеется. Хорошо смеется человек — значит хороший человек. Примечайте притом все оттенки: надо, например, чтобы смех человека ни в коем случае не показался вам глупым, как бы ни был он весел и простодушен ... смех есть самая верная проба души»¹. Для того, чтобы оценить диагностическую надежность реакции на смешное как «самую верную пробу души», необходимо прежде всего разобраться в природе той несомненно положительной эмоции, которая проявляется смехом.

Относительно проста «информационная» сторона этой реакции. Подобно всем остальным положительным эмоциям она возникает в ситуации, когда вновь поступившая информация ведет к возрастанию вероятности удовлетворения какой-то (пока еще неясно какой) потребности, превышая ранее существовавший прогноз. В самом деле, все известные нам анекдоты, изобретенные человечеством на протяжении столетий, построены по единой структурной схеме: они должны состоять минимум из *двух* частей. Первая часть формирует у слушателя некий ложный прогноз относительно существа описываемой ситуации, а когда слушатель уверует в эту ложную версию, мы преподносим ему неожиданную концовку. Рассогласование между ожидаемым и полученным порождает тот эффект, который проявляется усмешкой или гомерическим хохотом. Иными словами, положительная эмоциональная реакция на смешное вполне соответствует «информационной теории эмоций» (Симонов, 1964), согласно которой любая эмоция есть отражение силы и качества какой-либо актуальной потребности и оценки вероятности, возможности удовлетворения этой потребности на основе врожденного и ранее приобретенного индивидуального опыта.

Психиатр И. М. Фейгенберг убедительно показал, что отсутствие реакции на смешное у некоторых больных

¹ *Достоевский Ф. М. Подросток. — Поли. собр. соч. СПб., 1882, т. 2, с. 342-343.*

объясняется не интеллектуальным дефектом (они прекрасно понимают, о чем шла речь и точно пересказывают содержание анекдота), не «поломом» исполнительных механизмов смеха (больных можно рассмешить более примитивными способами), а нарушением вероятностного прогнозирования, утратой способности к формированию версии о дальнейшем ходе событий. Не случайно эти же больные *превосходят* (!) здоровых лиц, когда надо определить одинаковый вес двух разных по объему предметов или распознать необычное по содержанию (например, перевернутое вверх ногами) расфокусированное изображение. Ведь мы всегда забегаем вперед, опираясь на свой прошлый опыт. Взяв в руки два предмета, мы инстинктивно мобилизуем больше мышечных усилий для удержания того, который оказался большим по размерам. Если предметы имеют равный вес, то маленький покажется нам тяжелее. Рассматривая расфокусированный диапозитив, мы строим догадки о том, что на нем изображено, извлекая из памяти наиболее часто встречавшиеся похожие варианты. Если фотография необычна, мы, как правило, ошибаемся. Что касается больных, о которых идет речь, то они оценивают внешние предметы без иллюзий, непосредственно, не усложняя процесс восприятия вероятностным прогнозом.

Итак, реакция на смешное — это прежде всего несогласование, несоответствие, курьез. Нам смешон персонаж комедии, который осторожно пробирается в комнату, где (как знаем мы) никого нет. Смешон невежда, считающий себя мудрецом. Смешна Моська, лающая на Слона, и Лягушка, решившая сравняться с Волком. Число подобных примеров можно умножать до бесконечности. Но несогласование с приростом вероятности удовлетворения потребности — это универсальное правило возникновения любой положительной эмоции. Значит, тайна смешного кроется не в этом правиле, а в *качестве* той потребности, успешное удовлетворение которой знаменуется смехом. Что же это за потребность?

К поискам ответа на поставленный нами вопрос, в сущности, сводится вся история исследования смешного.

Австрийский психолог Зигмунд Фрейд связывал чувство юмора с половым инстинктом, поскольку множество анекдотов, острот и шуток имеют сексуальную окраску. Даже в тех случаях, когда смешными оказываются положения и объекты, казалось бы, не имеющие отноше-

ния к сексу, Фрейд усматривал в них замаскированное стремление к удовлетворению половой потребности, намек на нее. По мнению этолога Конрада Лоренца², юмор есть одна из форм социально приемлемой агрессивности, а смех представляет собой разновидность агрессивного поведения. Вместо того, чтобы атаковать противника, мы высмеиваем его, разряжая свою агрессивность столь мягким (по сравнению с буквальным нападением) способом. Что же побуждает нас к замене агрессивности юмором, иронией, смехом? Ф. М. Достоевский полагал, что в основе такой замены лежит не осознаваемое субъектом чувство сострадания. Возбуждение сострадания, по мысли Достоевского, и есть тайна юмора.

Еще более сложную социально детерминированную мотивацию юмора предполагал Н. Г. Чернышевский. Комическое пробуждает в нас чувство собственного достоинства — это утверждение Чернышевского кажется весьма правдоподобным. Потребность «занимать место», т. е. обладать определенным общественным статусом, пользоваться уважением и признанием со стороны других членов сообщества — одна из сильнейших социальных потребностей человека. Относясь иронически к какой-либо ситуации или определенному лицу, «я» тем самым демонстрирую себе и другим свое превосходство, свою силу и неуязвимость. Правда, вышучивать можно и того противника, которому ты явно уступишь, если конфликт будет решаться другими средствами социальной борьбы (слово «борьба» мы употребляем в широком смысле: это может быть и спор, и конкуренция, и размолвка близких друг другу людей)³. В чувстве юмора мы, как правило, имеем дело с интеллектуальным превосходством, с превосходством в *понимании*, в оценке событий, лиц, положений и т. п.

Итак, попробуем согласиться с тем, что в основе чувства смешного лежит сплав социальной потребности превосходства с идеальной потребностью познания (точнее, понимания). Вернувшись к рассмотренным ранее примерам, мы убедимся, что человек, осторожно пробирающийся в пустую комнату, вызывает у нас смех потому, что мы знаем то, чего не знает он. Именно наше знание действительного положения вещей делает его поведение

² Lorenz K. On aggression. N. Y.: Bantam Book, 1967, p. 288.

³ Ершов П. М. Режиссура как практическая психология. М: Искусство, 1972.

смешным, порождает чувство превосходства над комическим персонажем. Чувство превосходства испытывает и современный школьник, смеясь над наивностью древних мудрецов, всерьез полагавших, что Земля покоится на слонах и китах. Нам смешон и наш собственный страх, когда мы обнаруживаем в темной комнате вместо притаившегося незнакомца брошенное на спинку стула пальто.

И все же вывод о чувстве юмора как удовлетворении потребности познания, понимания истинного положения вещей оставляет ощущение какой-то неполноты. Например, будучи ученым, я могу испытывать чувство гордости, своеобразное удовольствие от сознания, что мне удалось превзойти своих коллег в понимании того или иного явления. Значит ли это, что меня будет разбирать смех при мысли о своем превосходстве? Что я буду веселиться, рассматривая другие, может быть, менее удачные, но серьезные и по-своему аргументированные решения трудной задачи? По-видимому, нет. Что же мы упустили в своих рассуждениях о природе смешного? Потребность в экономии сил.

Эта потребность занимает особое место в системе человеческих мотиваций. Она может приобрести господствующее положение и обернуться ленью Ильи Ильича Обломова, лежащего на диване своей квартиры в Гороховой улице. Но эта же потребность побуждает человека изобретать, непрерывно совершенствовать способы удовлетворения биологических, социальных и идеальных потребностей с тем, чтобы достигать своих целей с наименьшими затратами физических и умственных усилий.

Несоответствие расходуемых сил стоящей перед субъектом задаче также лежит в основе смешного, составляет важнейшую его черту.

Потребность экономии сил, как всякая иная потребность, способна породить положительные и отрицательные эмоции. Если мне не удастся облегчить задачу, уменьшить затрачиваемые усилия, я буду испытывать отрицательные эмоции досады, раздражения, уныния и т. п. Если я найду более короткий и простой путь к достижению цели, это вызовет у меня положительные эмоции радости, удовлетворения, восхищения своей находчивостью. Ну, а где же здесь чувство юмора? Эффект комического возникает тогда, когда субъект (им может быть и само действующее лицо) обнаруживает несоответствие расходуемых сил реально необходимым тратам. Для того чтобы зафиксировать подобное несоответствие,

надо одновременно иметь представление о размерах расходуемого (или заготовленного) и о действительно необходимом. Такое сопоставление возможно только при *созерцании*, при наблюдении со стороны, в том числе при наблюдении за самим собой, вот почему чувство юмора, по-видимому, недоступно животным.

Нам смешно, когда Городничий и его окружение тратят столько сил, чтобы завоевать расположение заезжего ничтожества. Когда Моська лает на Слона, чтобы прослыть грозной забиякой (что есть пустая трата сил). Когда Лягушка стремится сравняться с Волком. Когда мы собрались бороться со злоумышленником, а им оказалось наше собственное пальто. Демагог, разглагольствующий о высоких материях, до которых ему нет дела, вызывает возмущение. Вместе с тем он смешон, потому что старается впустую: ведь мы ему все равно не поверим.

Зряшное, избыточное расходование сил вызывает очень разное отношение в зависимости от того, какие сопутствующие потребности актуализируются в этот момент. Эгоистическая потребность самовозвеличивания делает смех злорадным. Потребность прийти на помощь обернется доброй шуткой в адрес незадачливого приятеля. Потребность в справедливости наполнит смех разящим сарказмом.

Органическая связь юмора с потребностью экономии сил обнаруживается уже при анализе физиологического механизма смеха. Ведь смех — это звук человеческого голоса, прерываемый серией коротких судорожных выдохов. В то время как физическое напряжение сопровождается задержкой дыхания в фазе глубокого вдоха, выдох означает разрядку, снятие напряжения, чувство облегчения. Смеющийся человек слабеет. «Не смейся меня, а то я уроню», — говорим мы приятелю, с которым решили перенести тяжелый предмет. Иными словами, смех — это роскошь, которая позволительна при избытке сил или в момент, когда необходимость мобилизации сил уже миновала. Поскольку прогресс цивилизации означает непрерывное совершенствование средств удовлетворения разнообразных потребностей человека, старые способы и средства кажутся недопустимо расточительными, бессмысленно громоздкими и нелепыми. В результате история движется так, чтобы человечество *весело* расставалось со своим прошлым⁴.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 418.

Поскольку потребность экономии сил универсальна и присуща всем без исключения людям, эмоциональная реакция при ее удовлетворении сама по себе не несет информации об индивидуальности данного человека. Индивидуальная окраска смеха определяется потребностью, *дополнительной* к потребности экономии сил. Именно она делает смех веселым, злобным, искренним, умным, глупым, именно она превращает смех в «самую верную пробу души». Распознать эту вторую потребность (или комплекс потребностей, сопутствующих избытку сэкономленных сил) чрезвычайно трудно. Даже для талантливого художника описание всех оттенков смеха — нелегкая задача, требующая тончайшей художнической интуиции.

«Глаза ее заблестели, как у ребенка, которому принесли подарок, и она вдруг рассмеялась гортанным звенящим смехом. Так смеются женщины от счастья. Они никогда не смеются так из вежливости или над шуткой. Женщина смеется так всего несколько раз в жизни. Она смеется так только тогда, когда что-то затронет самые глубины ее души, и счастье, выплеснувшееся наружу, так же естественно, как дыхание, как первые нарциссы или горный ручей. Когда женщина так смеется, что-то происходит и с вами. И не важно, какое у нее лицо. Вы слышите этот смех и чувствуете, что постигли какую-то чистую и прекрасную истину. Чувствуете потому, что этот смех — откровение. Это — великая, не обращенная ни к кому искренность. Это — свежий цветок на побеге, отходящем от ствола всебытия, и имя женщины, ее адрес ни черта тут не значат. Вот почему такой смех нельзя подделать. Если бы женщина научилась подделывать этот смех, то... из-за нее передрался бы весь свет. Ибо единственное, чего, в сущности, хочет мужчина — это услышать такой вот смех»⁵.

Что нового вносит информационная теория эмоций в понимание природы смешного, чувства юмора, реакции смеха? Прежде всего, теория утверждает, что юмор нельзя свести к какому-либо *одному* все определяющему фактору, будь то агрессивность, чувство собственного достоинства, сострадание и т. п. Только *сочетание* минимум четырех условий способно привести к возникновению качества «смешного». Какие же это условия?

⁵ Уоррен Р. Я. Вся королевская рать. — Новый мир, 1968, № 9, с. 76-77.

1. В информационном отношении вновь поступившая информация не просто повышает вероятность разгадки, понимания сложившейся ситуации, но *отменяет, перечеркивает* ранее сложившийся прогноз. Ярчайший пример тому — структурная схема любого анекдота, о которой мы писали в самом начале главы. Все усилия персонажей гоголевского «Ревизора» расположить к себе Хлестакова смешны потому, что ложен их прогноз об его особой миссии. Прагматическое рассогласование (вероятность достижения цели) здесь усугубляется рассогласованием семантическим, что делает это двойное рассогласование особенно «сильнодействующим».

2. Потребность, удовлетворяемая при реакции на смешное, не является устойчиво доминирующей потребностью субъекта. Не может быть смешным успех (или неудача) на пути к удовлетворению главенствующей потребности — материальной, социальной, идеальной и т. п. В сущности, смех есть всегда известное отвлечение от мотивационной доминанты, отход от нее, взгляд со стороны. Вот почему развитое чувство юмора свидетельствует о разнообразии и широте интересов (потребностей) личности, не ограничивающейся достижением только своей основной цели. Юмористическое отношение к происходящему есть результат склонности к созерцанию, ибо человеку, стремящемуся, к прагматически актуальным целям, как говорится, «не до смеха».

3. В чувстве юмора неизбежно присутствует потребность экономии сил. Смешно все избыточное, нерациональное, не соответствующее новым прогрессивным нормам удовлетворения потребностей. Именно поэтому человечество весело расставалось со своим прошлым (*К. Маркс*). Здесь юмор граничит с остроумием в более широком смысле, как нахождением наиболее простого и экономного решения трудной задачи — научной, производственной, бытовой. Но здесь же юмор граничит и с легкомыслием, с желанием упростить стоящие перед субъектом задачи без достаточных к тому оснований. Ведь потребность экономии сил, движущая изобретательством и совершенствованием навыков, может обернуться и ленью, отказом от достижения труднодоступных целей. Точно так же легкость остроумного решения подчас оказывается мнимой, поскольку субъект недооценил реальную сложность стоящей перед ним задачи (легкомыслие).

4. Наконец, реакция на смешное связана с неосознаваемыми проявлениями деятельности мозга. Смех возни-

кает стремительно и произвольно. Можно попытаться воспроизвести некоторые из его внешних моторных компонентов, но нельзя по своему желанию испытать приступ того внутреннего состояния, которое заставляет нас неудержимо рассмеяться. А как трудно бывает объяснить (следовательно, осознать), что именно и почему оказалось для нас смешным. По-видимому, существует смех, связанный с деятельностью подсознания. Это — примитивный, «утробный» смех, порожденный самодовольным ощущением своего превосходства за счет хорошо автоматизированных навыков и прочно усвоенных норм, в сопоставлении с которыми все новое и непривычное кажется достойным осмеяния. Но гораздо важнее и значительнее юмор как функция сверхсознания, прокладывающего путь в будущее, преодолевающего отжившие и исчерпавшие себя нормы⁶. Именно такой юмор связан с творчеством, с интуицией, с остроумием нетривиальных решений научных и художественных задач. «Науку делают люди веселые, — говорил академик П. А. Ребиндер. — Нытики и пессимисты, как правило, неудачники, ибо они неспособны к творчеству»⁷.

Итак, смех способен "дать нам массу важнейших сведений об индивидуальных чертах данного человека. О соотношении сознания, подсознания и сверхсознания в структуре данной личности («глупый» или «умный» смех в описании Достоевского). О мере пристрастия человека к неукоснительному соблюдению социальных норм и заботе о своем престиже («искренность» или «нискренность»). О преимущественном преобладании потребностей «для себя» или «для других» («злобность» или «беззлобность»). О степени ориентации человека на удовлетворение идеально-познавательных потребностей, свободных от материального или карьеристского расчета («веселость»).

Анализ юмора с позиций информационной теории эмоций — дело будущего; возможно, мы посвятим этой теме одну из своих дальнейших работ. Пока же ограничимся этими предварительными заметками о смехе как «самой верной пробе души».

⁶ Симонов П. В. Познание неосознаваемого. — Наука и жизнь, 1980, № 1, с. 60—67.

⁷ Знание — сила, 1970, № 8, с. 1.

Человек не из одного какого-нибудь побуждения состоит, человек — целый мир, было бы только основное побуждение в нем благородно.

ф, М. Достоевский

Анализ природы юмора дал нам новые подтверждения справедливости ряда выводов, сделанных на предыдущих страницах. Во-первых, мы смогли уточнить представления о доминирующей потребности. Этот термин оказался многозначным, включающим в себя минимум три явления. Доминирующая потребность может быть ситуативной, сиюминутной. К этому классу относятся многие биологические потребности, требующие немедленного удовлетворения. С другой стороны, существуют потребности, устойчиво доминирующие в иерархии мотивов данной личности, подчас на протяжении всей жизни человека. Мы назвали их главенствующими, стремясь подчеркнуть их отличие от сиюминутных, преходящих доминант. Это — своеобразные «доминанты жизни», которые Павлов отнес к «рефлексам цели», а Станиславский — к разряду «сверх-сверхзадач». В результате синтеза ситуативных и главенствующих доминант формируются практические доминанты, непосредственно направляющие поведение. Например, испытывая крайнюю нужду в чем-либо — голод, жажду, усталость, боль и т. д., человек удовлетворяет эти потребности весьма различно в зависимости от своих главенствующих доминант, называемых в просторечии чувством собственного достоинства, долгом, стремлением к справедливости и т. д. Практическая доминанта как вектор, определяющий поведение, близка к понятию установки Д. Н. Узнадзе, хотя автор теорий установки специально не занимался анализом сферы потребностей, не детализировал их конкретное содержание.

Во-вторых, анализ чувства смешного в новом ракурсе обнажил две функции сверхсознания: позитивную и негативную. Негативная функция сверхсознания есть отрицание устаревшего, пережившего себя и утратившего некогда реальный смысл. Именно в этом случае деятельность сверхсознания завершается смехом, и человечество весело расстается со своим прошлым. Благодаря сверхсознанию, устаревшее становится смешным до того, как строгий рассудочный анализ сможет неопровержимо доказать размеры и степень устарения.

Позитивная функция сверхсознания состоит в порождении нового — гипотез, догадок, озарений, ведущих к ранее не существовавшему знанию о мире. Развитое и активно функционирующее сверхсознание, как правило, обладает обеими этими функциями, вот почему юмор тесно связан с творчеством, с интуицией, с остроумием нетривиальных решений научных, технологических и художественных задач. Отсутствие чувства юмора — почти безошибочный признак бездарности.

Структура и иерархия потребностей данного конкретного человека формируется на протяжении всей его жизни. Выделение главенствующей доминанты — центральное звено этого сложного и длительного процесса, «равнодействующая» всей совокупности природных задатков, влияний микро- и макросоциальной среды. Известную (хотя и не фатальную роль) здесь играют врожденные особенности субъекта. Так, на одно и то же событие во внешней среде холерик при «прочих равных условиях» скорее ответит сопротивлением (потребность преодоления), меланхолик — реакцией избегания (потребность самосохранения), а сангвиник — любопытством (познавательная доминанта). Любая реакция всегда имеет свою предысторию, генетическую или индивидуально приобретенную. Вот почему отдельный рефлекс не может быть «кирпичиком», элементарной единицей поведения.

Поскольку целью воспитания является трансформация потребностей, структуры их соподчинения, соотношения главенствующих и второстепенных доминант, методы воспитания принципиально отличны от методов обучения. Обучение есть передача *знаний*, апеллирующая к встречной активности *сознания*. Цель обучения состоит в том, чтобы эти знания были восприняты, поняты (т. е. восприняты правильно), закреплены и реализованы в практической деятельности, будь то теоретическое мышление или совокупность бытовых, производственных, экспериментальных, художественных и тому подобных навыков. Педагогика сформулировала ряд правил и непрерывно ищет новые, более совершенные методики обучения, уделяя особое внимание активному участию обучаемых в этом процессе.

Современная наука располагает значительным запасом сведений о закономерностях и механизмах восприятия, памяти, организации действий, их последующей автоматизации и переходе в сферу подсознания. Эти сведения служат теоретической базой для педагогики, тем более

что при известной индивидуальной вариативности закономерности восприятия, запоминания и формирования навыков достаточно универсальны, являются общими для множества людей. В разное время и в разных странах были разработаны всякого рода «обучающие машины», применение которых нередко дает положительный эффект. Можно ли представить себе «воспитательный автомат»? Разве что в виде «механического правосудия», с блестящим сарказмом описанного А. И. Куприным. Методологическое, а затем и практическое фиаско потерпела теория «модификации поведения» с помощью инструментальных условных рефлексов, которую предложил известный американский психолог Б. Х. Скиннер.

В отличие от теории обучения дело с теорией *воспитания* обстоит значительно сложнее. Соглашаясь с тем, что воспитание есть формирование общественно ценных потребностей, мы прежде всего обнаруживаем крайнюю ограниченность наших реальных знаний об этой области высшей нервной (психической) деятельности человека. Мы не знаем ни количества этих потребностей, ни их влияния друг на друга, ни законов их трансформаций. Воспитание до сих пор остается преимущественно *искусством*, и выдающиеся представители этой сферы человеческой деятельности — Макаренко, Корчак, Сухомлинский — являются нам скорее в образе «художников», чем «инженеров» человеческих душ. Подлинно научная *теория* воспитания в общепринятом смысле слова «теория» по-прежнему остается делом будущего.

Какие объективные факторы ведут к сближению деятельности воспитателя с творчеством художника? Прежде всего это несопоставимо большая, нежели при обучении-индивидуализация воспитательных воздействий. Ведь каждый воспитуемый — уникально неповторимая личность, а процесс ее формирования действительно напоминает изготовление единственного в своем роде «произведения» ума и таланта воспитателя. Здесь мы, по-видимому, должны четко различать «технология воспитателя», более или менее универсальную и потому имеющую основу, и воспитание — творчество, ориентированное на каждого конкретного воспитанника, где составление общих для всех «рецептов» бессмысленно и бесплодно.

Если обучение есть формирование сознания, то воспитание главным образом адресовано к подсознанию. В самом деле, воспитанность предполагает не просто знание норм поведения, не соблюдение этих норм с целью на-

грады или ухода от наказания, а невозможность нарушения норм, ставших внутренними регуляторами действий и поступков. Как остроумно заметил один юрист, нормальный человек даже в гневе не посягает на жизнь другого не потому, что боится высшей меры, а потому, что им движет древняя заповедь «не убий». Человек, соблюдающий нормы во имя выгоды или страха перед возмездием, безнравствен. В субъективной неосознаваемости объективной целесообразности просоциального поведения — суть моральной диалектики. В противном случае расчеты по принципу «ты мне, я тебе» мало что оставят от совести и морали.

Что касается технологии воспитания, то на уровне наших сегодняшних знаний о человеке она кратко сводится к следующему.

1. Постараться понять, с какой индивидуально сложившейся структурой потребностей мы имеем дело у данного субъекта: какие из них занимают главенствующее положение, какие хронически неудовлетворены, не вооружены разумными способами удовлетворения и в силу их неудовлетворенности трансформировались в социально неприемлемое поведение, в состоянии эмоционально отрицательной фрустрации, тревоги или депрессии.

2. Бессмысленно без конца объяснять полезность и целесообразность тех или иных норм, суть «хорошего» и «плохого», взывая к всемогущей сознательности. Сознание занято средствами удовлетворения потребностей. Вот и надо вооружить его знанием этих средств, таких средств, которые обеспечат успешное удовлетворение социально ценных побуждений, с помощью положительных эмоций усилят эти побуждения и позволят им возобладать над социально неприемлемыми мотивациями. Ни сознание, ни воля сами по себе не могут перестроить иерархию мотивов, ибо любой потребности в конечном счете может противостоять только другая потребность.

3. Поскольку непосредственными «трансформаторами» структуры потребностей являются положительные эмоции, а они, в свою очередь, связаны с успешным удовлетворением этих потребностей, вооруженность субъекта квалификацией и активно работающим сверхсознанием — предмет первойшей, заботы воспитателя. Не «общения», не «сопереживания», не «духовных контактов» ждет воспитанник от наставника, а реальной помощи в повышении своей вооруженности. Только квалифицированный труд приносит человеку радостное ощущение полноценности,

чувства собственного достоинства, нужности и полезности людям. Только элементы творчества, интуиции, т. е. деятельность сверхсознания, сообщают этому труду привлекательность до получения конечного материального или социального результата. А от «общения вообще», как и от «сопереживания вообще», пользы немного.

«Любовь мечтательная, — писал Достоевский, — жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная — это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука»¹. «Труд души», в смысле В. А. Сухомлинского, состоит в том, чтобы ребенок не просто ощущал некий эмоциональный дискомфорт при виде больного или несправедливо обиженного человека, не просто стремился к устранению этого тягостного для него самого «сопереживания», но приходил на помощь и переживал положительные эмоции, которые приносит успех действий, направленных на облегчение участи другого.

Таковы три фундаментальных требования к системе воспитательных воздействий, вытекающие из потребностно-информационного подхода к проблеме человеческой индивидуальности. Спрашивается, если мы, хотя бы в общих чертах, знаем, как строить эту систему, и если, с другой стороны, мы отчетливо представляем себе гармонически развитую, общественно полезную личность, то почему сохраняется так много примеров поведения, весьма отличного от выработанного нами образца?

Ответим на этот вопрос словами К. Маркса: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан»².

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч. М., 1958, т. 9, с. 75—76.

² Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 3, с. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Что такое эмоция?» — название работы У. Джеймса, опубликованной в 1884 г.

На протяжении всех глав своей книги мы анализировали проблему индивидуальных особенностей личности с позиций потребностно-информационного подхода, который, в свою очередь, базируется на «информационной теории эмоций», предложенной одним из нас (П. В. Симоновым) в 1964 г.

Для того чтобы читатель смог вынести собственные суждения о продуктивности этого подхода, попробуем сформулировать те вопросы, на которые не в 1884, а в 1984 г. обязана ответить сколько-нибудь развитая и завершенная теория эмоций. Мы полагаем, что таких вопросов минимум пять.

1. Если автор теории разделяет мнение о том, что эмоция представляет одну из форм отражения реальной действительности, он обязан определить, что именно отражает эмоция, чем она отличается от других разновидностей отражательной деятельности мозга. Сложность и нерешенность этого вопроса сравнительно недавно отметил В. К. Вилюнас. «При исследовании познавательных процессов обычно существует возможность опираться на два ряда явлений: объективный и субъективный, отражаемый и отраженный. По отношению к субъективному отражению первый ряд может служить своего рода образцом, „эталонном“ того, что, например, должно или могло бы быть воспринято, запечатлено, постигнуто мышлением и т. п. ... При исследовании же эмоций такой возможности не существует. Эмоции выполняют функцию не отражения объективных явлений, а выражения субъективных к ним отношений... Поэтому данные о том или ином эмоциональном переживании мы можем сравнивать лишь с данными о других эмоциональных переживаниях у одного и того же человека или у других людей, а не с некоторым объективным „эталоном“»¹.

2. Любая новая теория эмоций должна, по нашему мнению, способствовать упорядочиванию, классификации наблюдаемых в жизни эмоций, предложив теоретический

¹ Цит. по: Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979, с. 7.

принцип подобной классификации. Можно, конечно, пойти и чисто эмпирическим путем, примером которого служит описательная классификация Б. И. Додонова из его книги².

3. Концепция, претендующая на то, чтобы именоваться теорией, должна ответить на вопрос о том, какую роль играют эмоции в жизнедеятельности живых существ, в организации их целенаправленного поведения. Иными словами, каковы регуляторные функции эмоций?

4. Теория должна способствовать уяснению мозговых механизмов формирования и реализации эмоциональных реакций человека и высших млекопитающих животных. Ссылки на «системность», на «голографическое» распределение функций, на деятельность «мозга в целом», с нашей точки зрения, малопродуктивны. Попытки вернуться к представлению об эмоциях, как о конечном, далее неделимом психофизиологическом образовании можно было бы сравнить с призывом вернуться от современных представлений о многообразии элементарных частиц к атому Демокрита.

5. Наконец, предлагаемая теория должна чем-то обогащать практику. Практику воспитания, профилактики и борьбы с нежелательными последствиями эмоционального стресса, его влияния на здоровье и эффективность человеческой деятельности. Значение практики как критерия истины в полной мере применимо к частному случаю познания закономерностей и механизмов эмоций.

Отражательно-оценочная функция эмоций

На вопрос о том, что отражает эмоция, информационная теория отвечает определенно и однозначно: эмоция есть отражение какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую субъект оценивает на основе врожденного и ранее приобретенного индивидуального опыта. В приведенном выше определении представлены и порождающее (через потребность) и отражающее (через вероятность ее удовлетворения) начала. Эмоция отражает предметы и события окружающей среды в их отношении к актуальным потребностям субъекта, откуда и возникает категория значимости этих предметов и событий, их субъективная оценка.

² Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.

Наше определение эмоции удобно представить в виде структурной формулы, которая в настоящее время имеет вид

$$\Theta = f[\Pi, (I_{\text{н}} - I_{\text{о}}) \dots].$$

Репрезентация установленных зависимостей в виде формул широко используется в теоретической и экспериментальной психологии. В качестве примера приведем близкую к нашим работам формулу Мак-Граса³

$$S = C_0(D - C),$$

где S — степень стресса; C_0 — степень важности требования; D — осознаваемое требование; C — осознаваемая возможность. Нетрудно видеть, что эта формула очень напоминает «формулу эмоций» с той разницей, что, во-первых, появилась в 1976, а не в 1964 г., а во-вторых, касается лишь частного случая *осознаваемой* оценки ситуации, тогда как для огромного множества эмоций характерно прогнозирование вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) на *неосознаваемом* уровне.

Можно ли проверить справедливость нашей формулы в прямом эксперименте? Да, можно. Правда, на уровне современной экспериментальной техники «структурная» формула эмоций становится «измерительной» только при исследовании сравнительно элементарных эмоциональных реакций. Так, мы можем *измерять* степень эмоционального напряжения по величине объективно регистрируемых физиологических сдвигов (частота сердцебиений, амплитуда и продолжительность кожно-гальванических реакций, суммарное напряжение тета-ритма электроэнцефалограммы и т. п.). В *определенных пределах* мы можем измерять потребность в пище продолжительностью голодания, а потребность избегания боли — силой раздражения.

Перейдем теперь ко второму фактору из числа необходимых и достаточных для возникновения эмоций: к вероятности (возможности) удовлетворения актуальной потребности. Впрочем, этот фактор принимается во внимание далеко не всеми исследователями эмоций. «С точки зрения физиологической, — писал академик П. К. Анохин, — перед нами стоит задача раскрыть механизм тех конкретных процессов, которые в конечном итоге приво-

3 McGrath J. Stress and behavior in organizations. — In: Handbook of industrial and organizational psychology, Chicago, 1976,

дят к возникновению и отрицательного (потребность) и положительного (удовлетворение) эмоционального состояния»⁴. Рассматривая генез эмоций, П. К. Анохин учитывал прогнозирование только содержания, семантики цели, предполагая, что в данный момент времени цель может быть одна, т. е. человек намеревается взять или стакан, или вилку, или тарелку (мы используем пример, который обычно приводил сам П. К. Анохин). П. К. Анохин отрицал прогнозирование *вероятности* достижения цели, хотя без такого прогноза трудно понять факт возникновения эмоций *до* начала каких-либо действий. Он писал: «... выражение „вероятностное (?) прогнозирование“ просто не соответствует физиологическому смыслу событий и неправильно ориентирует читателей, интересующихся нашими работами. Вероятность прогноза, т. е. параметров акцептора действия, всегда максимальна и равна единице, поскольку он отражает потребность организма на данный момент. Наоборот, результат всегда менее вероятен по отношению к акцептору действия; и следовательно, выражение „вероятностное прогнозирование“ едва ли оказывается полезным при изучении живых систем»⁵.

Каким образом человек прогнозирует вероятность достижения цели (удовлетворения потребности)? Эксперимент и теоретический анализ показывают, что эта оценка осуществляется путем сопоставления информации о средствах, способах, времени и т. д., прогностически необходимых и реально имеющихся у субъекта. Вероятность удовлетворения оказывается интегральным показателем, результатом подобного сопоставления. Скажем, при встрече с тремя разъяренными хищниками вероятность благополучного исхода будет существенно различной в зависимости от того, имеет ли охотник автоматическую винтовку с полной обоймой или один-единственный патрон. Во многих экспериментах разницу между необходимым и имеющимся можно эмпирически измерять по суммарной величине допускаемых субъектом ошибок, что свидетельствует о степени его информированности, куда входят не только теоретическое знание того, что, как и когда надо делать, но и степень совершенства соответствующих практических навыков.

Соотношение необходимого и имеющегося можно рассматривать и в статике, как «мгновенный срез» степени

⁴ Анохин П. К. Эмоции.— В кн.: Большая мед. энциклопедия, 1964, т. 35, с. 355.

⁵ Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978, с. 272.

информированности, и в динамике. В первом случае результат сравнения обернется дефицитом или избытком информации, во втором — возрастанием или падением вероятности достижения цели.

Универсальность механизма сравнения такова, что обнаруживается даже в генезе тех элементарных эмоций, которые принято именовать эмоциональным тоном ощущений. Так, эмоциональная окраска ощущений от пищи, находящейся во рту (вкусно, безразлично, неприятно), формируется только после того, как голодовое возбуждение (потребность) оказывается сопоставлено с афферентацией (информацией), идущей из полости рта.

Вероятность удовлетворения может быть и субъективной, и объективной. Разумеется, в формировании эмоций участвует *только субъективная* оценка вероятности достижения цели. Животное и человек могут существовать лишь потому, что субъективные оценки вероятности, как правило, адекватно отражают объективную вероятность тех или иных событий. В отдельных случаях субъективный прогноз оказывается ложным, и тогда эмоциональная оценка событий не соответствует их реальному значению («пьяному море по колено», «пуганая ворона и куста боится» и т. п.).

Неопределенность не может сочетаться с высокой вероятностью достижения цели, хотя максимальная неопределенность предстоящих событий (50%) оставляет больше надежды на благополучный финал, чем заведомо низкая вероятность, равная 20 или 10%.

Применительно к эмоциям мы встречаемся здесь с дополнительным фактором, который не представлен в формуле подобно тому, как в формуле не представлена динамика развертывания эмоциональных реакций и многое другое. Речь идет об индивидуальных (типологических, характерологических) особенностях эмоциональности *данного* субъекта. Конкретные эксперименты нашей сотрудницы Л. А. Преображенской показали, что эмоциональное напряжение, о котором судили по частоте сердцебиений, у одних собак достигает наивысших значений при максимальной неопределенности подкрепления, а у других — при низкой его вероятности. Сходные наблюдения мы нашли в исследованиях В. М. Русалова⁶, который обнаружил среди своих испытуемых три группы лиц, по-разному реагирующих на вероятностно организованную среду.

⁶ Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.; Наука, 1979,

Мы Мы приходим к выводу о том, что наша формула, действительно, воспроизводит сложную внутреннюю структуру эмоций, взаимозависимость эмоции, потребности и прогнозирования вероятности ее удовлетворения, которое осуществляется как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне высшей нервной (психической) деятельности. Эксперимент и наблюдения убедительно показывают, что порождаемая потребностью эмоция оказывает обратное влияние на потребность и прогноз ее удовлетворения. Кстати, и прогноз способен существенно повлиять на силу потребности, свидетельством чему могут служить многочисленные эксперименты с так называемой «выученной беспомощностью». Разумеется, когда мы говорим о влиянии эмоций на потребность, а потребности — на прогнозирование вероятности достижения цели, мы отнюдь не думаем, что эмоция и потребность могут расти беспредельно. Эти пределы не оговорены и не отражены в формуле эмоций, поскольку, повторим еще раз, формула представляет структурно-качественную модель и только в определенных, сравнительно простых случаях ее символы могут быть заменены эмпирически измеримыми величинами.

Классификация эмоций

Поскольку в основе любой эмоции лежит соответствующая потребность, поскольку в одно и то же время могут оказаться актуализированы несколько потребностей с разной вероятностью их удовлетворения («Мне грустно и легко, печаль моя светла...»), сколько-нибудь полная классификация эмоций представляется делом хотя и увлекательным, но безнадежным. Вот почему многие авторы пытаются выделить лишь ограниченное число «базальных» эмоций.

Информационная теория эмоций побуждает разделить их прежде всего на две традиционные группы: на положительные и отрицательные. Первые возникают в ситуации избытка прагматической информации по сравнению с ранее существовавшим прогнозом (при «мгновенном срезе») или в ситуации возрастания вероятности достижения цели (если генез эмоции рассматривается в его динамике), Вторые представляют реакцию на дефицит информации или на падение вероятности достижения цели. Наиболее надежным критерием для различения положительных и отрицательных эмоций, равно применимым к человеку и

к животным, следует признать *отношение* живого существа к своему *состоянию*, т. е. принцип максимизации-минимизации. Мы обратились к гедонистическому принципу *только в целях объективной диагностики* положительных и отрицательных эмоций, с целью уточнения их роли в организации поведения, отнюдь не усматривая в этом принципе «смысла существования человека». Более того, именно опасность переориентации поведения на легко достижимые цели, сулящие немедленное удовольствие, потребовала от эволюции создания специального мозгового аппарата, призванного купировать это свойство эмоций. На уровне человека функционирование такого аппарата принято называть волей.

Поскольку вероятность достижения цели в огромной мере зависит от эффективности действий субъекта, вторым принципом классификации эмоций оказывается характер взаимодействия живых существ с объектами, способными удовлетворить имеющуюся потребность. Взаимодействие может быть контактным, уже происходящим, или дистанционным, в виде овладения, защиты и преодоления (борьбы). В подобной системе координат мы получаем всего четыре пары «базисных» эмоций: удовольствие — отвращение, радость — горе, уверенность — страх, торжество — ярость. Именно такую классификацию эмоций мы впервые опубликовали в 1966 г. Позднее к ней присоединился и В. Д. Небылицын. Что касается качественной специфики эмоций наслаждения, радости, страха, гнева и т. д., то она целиком определяется потребностью, в связи с удовлетворением которой возникает данное эмоциональное состояние. Мы отнюдь не считаем предлагаемую классификацию эмоций наилучшей или исключительной, другие возможные классификации. Нам важно лишь подчеркнуть, что она с непреложностью вытекает из развиваемой нами теории.

Регуляторные функции эмоций

Переключающая функция. Регуляторные функции эмоций, их участие в организации целенаправленного поведения определяются отражательно-оценочной функцией. Поскольку положительная эмоция свидетельствует о приближении удовлетворения потребности, а отрицательная эмоция — об удалении от нее, субъект стремится максимизировать (усилить, продлить, повторить) первое состояние и минимизировать (ослабить, прервать, предотвратить) второе.

Однако все дело в том, что, будучи *мерой ценности*, эмоции *не являются ценностью* сами по себе. Человек не может стремиться к удовольствию как таковому, потому что существуют *разные удовольствия*. Если мы имеем дело не с мазохистом или религиозным фанатиком, а с нормальным, психически здоровым субъектом, он, разумеется, не стремится максимизировать свои отрицательные эмоции. Вопрос стоит совершенно в иной плоскости: *какие именно потребности*, какие мотивы вступают в конкурентную борьбу «в доспехах» положительных и отрицательных эмоций?

Значение эмоций отнюдь не исчерпывается банальной истиной, что все полезное приятно, а все вредное и опасное для организма имеет отрицательную эмоциональную окраску. Прежде чем продолжить разговор о так называемой ценности эмоций, вспомним, откуда и как вообще появляется категория «цены». Цена представляет функцию минимум *двух* факторов: спроса (т. е. потребности) и предложения (т. е. возможности этот спрос удовлетворить). Далее, нужда в измерении ценностей возникает только при необходимости *сопоставления* разных ценностей. Если бы существовало нечто единственно ценное, то измерять его не было бы никакой нужды.

Казалось бы, ориентация поведения на первоочередное удовлетворение той или иной потребности могла осуществиться путем непосредственного сопоставления силы (величины) этих потребностей. Но в таком случае конкуренция мотивов оказалась бы изолирована от условий окружающей субъекта среды. Вот почему конкурируют не потребности, а порождаемые этими потребностями эмоции, которые, как известно, зависят не от одной лишь потребности, но и от вероятности (возможности) ее удовлетворения. Иными словами, в процессе эволюции эмоции возникли и сформировались в качестве своеобразной «валюты» мозга, универсальной меры ценностей, сами по себе этой ценностью не обладая. Здесь наблюдается аналогия с функцией денег. Представляют ли деньги ценность для человека? Разумеется, да: ведь человек может стремиться к ним, старается их накопить, увеличить их количество и т. п. Но мы знаем, что дело не в банкнотах и монетах, а в их покупательной способности.

В качестве решающего доказательства самоценности эмоций Б. И. Додонов и в своей книге⁷ и в статье⁸ при-

⁷ Додонов В. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.

⁸ Додонов Б. И. О так называемой «информационной теории эмоций». — Психол. журн., 1983, т. 4, № 2, с. 104—116.

водит якобы парадоксальное с позиций информационной теории стремление человека к повторному переживанию отрицательных эмоций в условиях информационного дефицита. Речь идет о всякого рода риске, острых ощущениях, активном создании критических ситуаций. Однако более тщательный анализ этих ситуаций показывает, что, создавая такие ситуации, человек все же рассчитывает на благоприятный исход (повторяем, если он не самоубийца и психически нормален). Субъект намеренно создает *дефицит* прагматической информации, низкую вероятность достижения цели, чтобы в финале получить максимальный *прирост* вероятности, т. е. опять-таки — положительные эмоции, а не просто старается лишний раз испытать страх или отчаяние. В приведенной в качестве примера поэтической цитате: «... поставить в радостной надежде на карту все, что приобрел с трудом» Б. И. Додонов явно не обратил внимания на значение «радостной надежды».

Подкрепляющая функция эмоций представляет частный случай их переключательной функции. В настоящее время имеется большое количество экспериментальных фактов, показавших, что без участия эмоций (а такое выключение нервного аппарата эмоций экспериментально достижимо) приобретения новых навыков вообще не происходит. Во всяком случае, выработать инструментальный условный рефлекс у животных в ситуации, где активация мозговых механизмов эмоций исключена, не удастся. Подкрепляющая функция эмоций обнаруживается не только на индивидуальном, но и на популяционном уровне, где эта функция реализуется через мозговой механизм «эмоционального резонанса», т. е. сопереживания.

Наконец, нам осталось упомянуть о *компенсаторной (замещающей) функции эмоций*. Она проявляется не только в гипермобилизации вегетативно-энергетических ресурсов организма, но, главным образом, в переходе к реагированию на широкий круг *предположительно* значимых сигналов (эмоциональные доминанты), чье истинное значение, соответствие или несоответствие реальной действительности выясняется лишь позднее по мере сопоставления с этой действительностью. Здесь роль эмоций в индивидуальной творчески-поисковой деятельности мозга напоминает роль эмоционального стресса в эволюции мира живых существ, где стресс усиливает разнообразие подлежащего отбору генетического материала.

Когда человек или высшее животное оказывается в ситуации дефицита информации о способах и средствах

удовлетворения актуальной потребности, эмоции сами по себе не могут доставить дополнительных сведений об этих способах и средствах. Недостающая информация добывается путем обучения, поисково-исследовательской деятельности (поведения), мобилизации хранящихся в памяти следов и т. п. Эмоции *не восполняют* дефицит информации, но *замещают* ее. Эмоционально возбужденное животное (увы, в отдельных случаях и человек) переходит к подражательному поведению не потому, что уясняет причину массового панического бегства, а потому, что в процессе длительной эволюции закрепилось правило: если не понимаешь, что следует делать, действуй так, как другие. Более того, подражательное поведение адресуется непосредственно к подсознанию, минуя сознательный контроль воспроизводимых действий.

Мозговые механизмы эмоций

Рассматривая генез эмоций и организацию поведения в системе координат «потребность — вероятность ее удовлетворения», информационная теория эмоций позволила уточнить, а в ряде случаев и обнаружить новые ранее неизвестные функции мозговых структур, традиционно относимых к «эмоциональному мозгу». Было экспериментально установлено, что оценка вероятности подкрепления (удовлетворения потребности) связана с деятельностью передних отделов новой коры и гиппокампа, причем сохранность неокортекса важна для ориентации поведения на сигналы высоковероятных событий, а гиппокамп необходим для реакций на сигналы с низкой вероятностью подкрепления, что так характерно для эмоционально возбужденного мозга. В то же время система «ядра миндалевидного комплекса — гипоталамус» малочувствительна к изменению вероятности подкрепления, поскольку важнейшей функцией этой системы является выделение доминирующей потребности с учетом сосуществующих и (или) конкурирующих мотиваций. Экспериментально показано, что после разрушения миндалины животное может осуществлять целенаправленное поведение только при искусственно созданном явном преобладании одной мотивации над другой.

Оказалось, далее, что одновременное повреждение передних отделов новой коры и гиппокампа ведет к изменениям поведения, сопоставимым со сдвигом по шкале экстра- и интровертированности, а последствия разрушения фронтальной коры и части ядер гипоталамуса сопо-

ставимы со сдвигом по шкале «эмоциональная стабильность — невротизм». Тем самым была показана связь классических параметров темперамента (типов нервной системы — по Павлову) с индивидуальными особенностями взаимодействия лимбических структур мозга. При этом было выявлено, что экстра- и интровертированность по Айзенку не тождественна силе нервной системы, но представляет самостоятельный параметр, который должен быть добавлен к общим свойствам нервной системы, описанным в типологиях античных авторов, И. П. Павлова, Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына.

В отличие от многих других гипотетических схем организации поведения, мы видим преимущество потребностно-информационного подхода в том, что постулируемые им узловые компоненты церебральной деятельности хорошо накладываются на физиологические механизмы и анатомическое строение реального мозга, обеспечивая «приурочивание динамики к структуре» (И. П. Павлов).

Значение информационной теории эмоций для теории и практики психологии

Мы хотим еще раз напомнить читателю ряд положений, сформулированных на основе этой теории.

1. Возникновение эмоций в связи с преодолением препятствий и задолго до достижения конечной цели позволило сформулировать представление о воле, как о специфической *потребности*, обладающей известной самостоятельностью по отношению к мотиву, первично инициирующему поведение. Прообразом этой потребности на дочеловеческих этапах эволюции является «рефлекс свободы», впервые открытый и описанный И. П. Павловым.

2. Тщательный анализ эмоций, возникающих при прогнозировании вероятности достижения цели на неосознаваемом уровне, привел к выводу о необходимости различения двух разновидностей неосознаваемого психического: подсознания и сверхсознания. Оказалось, что деятельность сверхсознания всегда инициируется главенствующей потребностью, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данной личности. Подсознание оперирует как вторично неосознаваемыми сведениями, навыками, социальными нормами, первично контролировавшимися сознанием, так и опытом, приобретенным непосредственно, путем имитационного поведения.

3. Неполное, лишь частичное осознание человеком движущих им мотивов позволяет снять кажущееся противоречие между *объективной* детерминированностью поведения (наследственными задатками и социальным воспитанием) и *субъективно* ощущаемой свободой выбора. Вопрос, свободен человек в своем выборе или нет, не имеет однозначного ответа. Этот вопрос требует применения принципа дополнительности, потому что ответ на него зависит от позиции наблюдателя. Человек свободен (детерминирован) с точки зрения внешнего наблюдателя, рассматривающего детерминацию поведения генетическими задатками и условиями окружающей, прежде всего социальной, среды. Вместе с тем и в то же самое время человек свободен в своем выборе с точки зрения рефлектирующего сознания. На этой социально полезной иллюзии базируется существование этики и личной ответственности, которые возможны лишь при наличии безусловной свободы выбора (*Гегель*).

4. Будучи внутренне связанными между собой в одну систему, основные исходные потребности невыводимы друг из друга, а любая степень удовлетворения одних потребностей неспособна заменить неудовлетворенности других. При этом ни воля, ни сознание не являются регуляторами, помещенными как бы *над* сферой потребностей, чтобы контролировать последовательность и допустимость их удовлетворения. В случае конфликта мотивов потребности может противостоять только другая потребность. Вмешательство сознания в сферу потребностей и мотивов возможно путем сообщения субъекту информации о средствах и способах удовлетворения его актуальных потребностей. Оно обязательно опосредствовано участием возникающих при этом эмоций. Прямая апелляция к сознанию, формальное ознакомление субъекта с системой социальных ценностей и норм малоэффективны, о чем свидетельствуют дефекты воспитательной практики.

5. Мы все еще находимся в плену абстрактных призывов к воспитанию «богатого мира эмоций» путем приобщения воспитуемых к искусству, природе, к заботе о домашних животных и т. п. Однако жизнь многократно показывает (для этого достаточно ознакомиться с публикациями «Литературной газеты» последних лет), как молодые люди, изучающие английский язык, играющие на рояле и любящие своих собачек, оказываются способны на совершение жестоких и безнравственных поступков. Потому что целью истинного воспитания является не

«обогащение сферы чувств», а формирование с помощью эмоций такого набора и такой иерархии потребностей, которые окажутся оптимальны и для общества и для самореализации-личности. Формирование социально ценной личности — это прежде всего обогащение и возвышение потребностей данного человека, готовность «для высшего наслаждения отречься от низших» в соответствии с ленинским «законом возвышения потребностей».

6. Информационная теория эмоций указывает на два основных пути борьбы с нежелательным эмоциональным напряжением, способным оказать отрицательное влияние на деятельность и здоровье человека. Во-первых, это максимальное информирование человека о способах и средствах решения стоящей перед ним задачи, максимальная вооруженность субъекта соответствующими знаниями и навыками, профессиональным опытом, включающим умение использовать этот опыт для достижения цели. Важно, чтобы в любой экстремальной ситуации человек продолжал активный поиск способов ее преодоления, поиск выхода из нее. Даже в том случае, если ситуация остается сложной и трудноразрешимой, активная деятельность препятствует дезорганизующему влиянию отрицательных эмоций и их вредному воздействию на здоровье.

Во-вторых, это — заблаговременное воспитание тех социальных и идеальных мотивов поведения, которые должны занять господствующее положение в самых критических ситуациях, оттеснив потребности самосохранения или ложно понятого престижа. Эмпирическая наблюдательность давно отметила решающее значение доминирующей потребности, четко различая, например, естественный для любого человека страх от трусости, т. е. эмоционального состояния, где эгоистическая потребность самосохранения возобладала над социальными и идеальными мотивациями.

Пусть читатель рассудит, какая из существующих ныне теорий способна с большей полнотой и обоснованностью определить отражательную и регуляторные функции эмоций, дать их классификацию, «наложиться» на имеющиеся ныне сведения о мозговых механизмах эмоций, послужить основой для решения актуальных проблем прикладной психофизиологии, для познания естественнонаучных основ человеческой индивидуальности.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..	3
Введение.	5
В поисках параметров индивидуальности	13
Мотивационное ядро личности	23
Действующие лица	41
По ту сторону эмоциональности	56
Вооружение культурой	65
Возвышение потребностей	80
Рефлекс цели Павлова, доминанта Ухтомского и сверхзадача Станиславского.	100
От поведения к личности.	106
Воссоздание индивидуальности в процессе перевопло- щения актера.	117
Личность и юмор.	134
Наука о воспитании и воспитание как искусство . .	143
Заключение.	148

Павел Васильевич Симонов, Петр Михайлович Ершов

ТЕМПЕРАМЕНТ. ХАРАКТЕР. ЛИЧНОСТЬ

Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства Е. А. Колпакова

Художник В. А. Кобрин. Художественный редактор А. И. Драговой

Технические редакторы М. Л. Анучина, Н. Н. Плохова

Корректоры Е. Н. Белоусова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 27351

Сдано в набор 25.07.83. Подписано к печати 10.01.84. Т-03511. Формат 84 x 108*/₈.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,3. Усл. кр. отг. 8,7. Тираж 122 000 экз.
Тип. зак. 624. Цена 55 коп.

Издательство «Наука» 11786А ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

1-я тип. издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ
К ПЕЧАТИ
КНИГА:

А. А. НЕЙФАХ,
Е. Р. ЛОЗОВСКАЯ

Гены и развитие организма
10 л. 65 к.

В книге рассказывается о проблеме развития животных и о том, как гены управляют этим процессом. Несколько глав посвящены образованию иммунной защиты организма, формированию клеток крови, методам гибридизации целых организмов и гибридизации клеток. Обсуждаются последние данные о строении и функционировании генетического аппарата в клетке и в развивающемся организме.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.